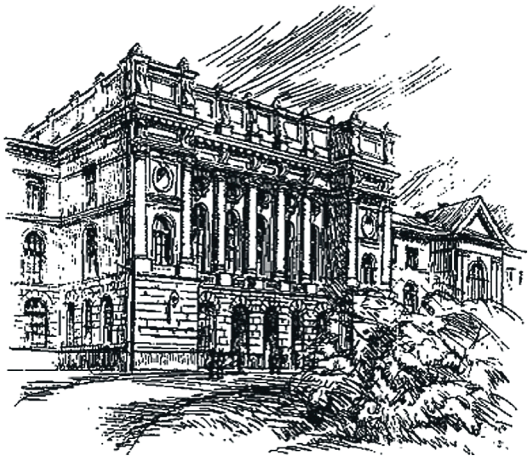
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные науки

3 (203) 2014

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2014

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагарьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Примаков Е.М.*, академик РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Тендлер М.Б.*, ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте http://www.elibrary.ru.

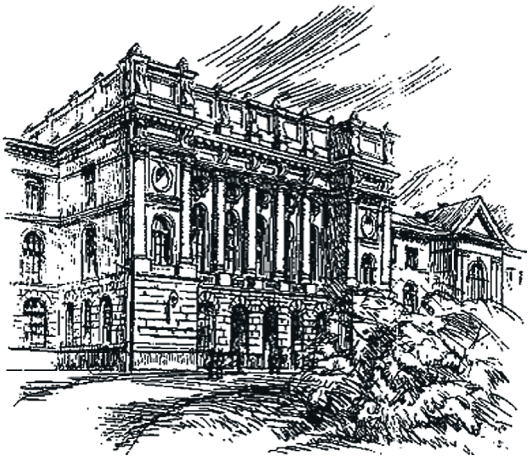
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION



ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

Humanities and Social Sciences

3 (203) 2014

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2014

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Primakov E.M.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.;
Babkin A.V., Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.;
Glukhov V.V., Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.);
Ivanov V.K., Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.;
Rudskoy A.I., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief;
Yusupov R.M., corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Akopova M.A., D.Ed., prof.;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., D.Phil., prof., editor-in-chief;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Goryunov V.P., D.Phil., prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Pylin V.V., J.S.D., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Timermanis I.Ye., Dr.Sc.(sociology), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base
© Scientific Electronic Library (http://elibrary.ru/).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© St.Petersburg State Polytechnical University, 2014

Содержание

Политические науки и регионоведение

Дзиов А.Р. *Студенчество в фокусе истории и современности* 9

Лях К.И. *Ключевые подходы к исследованию феномена национализма в западной политической науке XX столетия* 19

Калинова Е.В. *Средства конструирования социальной идентичности (на материале англоязычных СМИ)* 29

Виньков С.В. *Теоретические основания концепта «жилищная социализация»* 36

Орлов С.В. *Трудоустройство инвалидов как один из ключевых показателей обеспечения качества жизни*..... 46

Правовые аспекты государственного управления

Ратников А.С. *Нормативная база деятельности международных культурных фондов в современной России*..... 54

Международные отношения

Кузьмина О.В., Лукьянов В.Ю. *Использование «двойного стандарта» — важнейшая проблема современных международных отношений*..... 59

Агафонов К.А. *Основные дилеммы и роль европейских нейтральных государств в системе международных отношений периода холодной войны* 70

Казарян А.Р. *Финляндия Кекконена между Востоком и Западом* 79

Зиновьева О.О. *Изменения в китайской политике США после начала Второй мировой войны*..... 85

Исторические науки и археология

Марасанова В.М. *Городское общественное управление и губернская администрация Верхнего Поволжья после реформ 1870 и 1892 годов*..... 90

Сосницкий Д.А. *Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX — начала XXI века (по материалам нарративных источников)* 100

Философские и культурологические исследования

Лезгина М.Л., Иванов В.Г. *Концепция перманентного становления науки как философская проблема* 107
Безлепкин Е.А. *Общефилософские основания интерпретаций квантовой механики* 118
Коковкина А.А., Цыцарев А.А. *Этическое отношение к природе: оптимизм теории и реальность практики* 127
Лапатин В.А. *Два подхода к феномену абсурда в отечественном философско-гуманитарном дискурсе* 136
Белоус К.А. *Стилевая эволюция архитектуры Парижа в 1890-х — начале 1900-х годов и ее оценка русской архитектурной критикой* 145
Кабакчи М.К. *Первые женщины-архитекторы Финляндии и их вклад в формирование финской архитектурной школы* 153

Образование и педагогические науки

Леонова Н.А., Каверзнева Т.Т., Ульянов А.И. *Междисциплинарная связь курсов физики, безопасности жизнедеятельности и техносферной безопасности* 160
Степанова М.М., Трофимова Г.С. *Актуальные подходы к профессиональной подготовке переводчика в профильной магистратуре* 166

Хроника

Васильев Ю.С., Федотов А.И. *Инженерные академии и высшая школа. Направления сотрудничества* .. 174

Contents

Political science and area studies

Dziov A.R. *Students feature stories and modern*..... 9

Lyakh Ch.I. *Key approaches to the study of the phenomenon of nationalism in western political science of the XX century* 19

Kalinova E.V. *Means of social identity formation found in the English mass media* 29

Vinkov S.V. *Theoretical grounds of the concept "housing socialization"*..... 36

Orlov S.V. *Disabled people employment as one of the key quality of life indicators*..... 46

Legal aspects of state administration

Ratnikov A.S. *Legislative base of international cultural funds activities in modern Russia* 54

International relationships

Kuzmina O.V., Lukyanov V.Yu. *The use of "double standard" — the most important problem contemporary international relations*..... 59

Agafonov K.A. *The core dilemmas and role strategies for European neutral states in the framework of the cold war's international relations system* 70

Kazaryan A.R. *The Kekkonen Finland between East and West* 79

Zinoveva O.O. *Changes in the U.S. policy in China after the outbreak of the Second World War*..... 85

Historical science and archaeology

Marasanova V.M. *Municipal public administration and provincial government of the Upper Volga region after the reforms of 1870 and 1892* 90

Sosnitskiy D.A. *St. Vladimir in the historical memory of the Russian society of the second half of XIX — beginning of XXI century (based on narrative sources)*..... 100

Philosophical and cultural studies

Lezgina M.L., Ivanov V.G. *The conception of the permanent emerging of science as a philosophical problem* 107

Bezlepkin E.A. *Philosophycal grounds of the quantum mechanics interpretations* 118

Kokovkina A.A., Tsytsarev A.A. *Ethical relation to the nature: optimism of the theory and reality of practice* 127

Lapatin V.A. *Two approaches to the absurd in Russian philosophical-humanitarian discourse*..... 136

Belous K.A. *Stylistic evolution of Parision architecture in the 1890s — beginning of 1900s, and its estimation by the Russian architectural critique* 145

Kabakchi M.K. *First women architects in Finland and their contribution to the formation of Finnish school of architecture*..... 153

Education and pedagogical science

Leonova N.A., Kaverzneva T.T., Ulyanov A.I. *Interdisciplinary communication courses of physics, life safety and safety of technosphere*..... 160

Stepanova M.M., Trofimova G.S. *Up-to-date approaches to professional training of masters of translation and interpretation* 166

Chronicle

Vasiliev Yu.S., Fedotov A.I. *The engineering academy and the graduate school. Directions cooperation*... 174

УДК 378

А.Р. Дзиов

СТУДЕНЧЕСТВО В ФОКУСЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

ДЗИОВ Артур Русланович – *и.о. ректора Шадринского государственного педагогического института; кандидат филологических наук.*

Россия, 641870, Курганская обл., г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3

e-mail: artur.dziov@yandex.ru

Статья посвящена исследованию феномена студенчества: его возникновения и развития, ключевых характеристик. Особо автором рассматривается вопрос о специфике генезиса российского студенчества, его социальной роли на различных этапах общественно-исторического развития. Анализируется воздействие изменений в сфере высшей школы на социальное положение и статус студенчества, его диспозиции, место и роль в социуме, структуру и динамику ценностных ориентаций. Акцентируется внимание на необходимости становления в новых реалиях социальной субъектности студенчества и его креативности, повышения социальной роли в процессе общественного развития.

СТУДЕНЧЕСТВО; УНИВЕРСИТЕТ; ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ; ДЕМОКРАТИЗМ; ЭЛИТАРНОСТЬ.

При анализе современного студенчества следует обратить самое пристальное внимание на исторические аналогии и моменты определенного сходства нынешней динамики ценностных ориентаций с коренным переломом ценностных устремлений российских студентов начала XX века. В связи с этим приведем гегелевский взгляд на историю: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не учились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [1, с. 61–62].

Социально-институциональный феномен студенчества имеет корни в средневековых европейских университетах. Студенчество как самостоятельный социальный слой общественной структуры зарождалось в средневековой Европе X–XIII веков. В этот же исторический период в первых монастырях Киевской и Московской Руси формировался прототип отечественного студенчества.

Для первых поколений студентов характерной особенностью оставалось переходное состояние и (транзитное) общественное положение для целой социальной группы. Но уже складывался образ становящейся личности студента и будущей творческой роли специалиста-интел-

лигента как своего рода эмблемы общественного статуса. В немецком сборнике проповедей, составленном около 1220 года, перечисляется 28 etats (социальных групп), среди которых выделено студенчество в двух категориях: студенты и странствующие студенты [См.: 2, с. 106–123].

Первый университет был основан в Париже, а к XV веку в Европе насчитывалось уже 50 университетов. Формировался тип университета и складывался социальный институт высшей школы. Их возникновение было обусловлено необходимостью в идеологическом и доктринальном обслуживании запросов религиозных властей и клира. Христианская церковь нуждалась в высокообразованных специалистах в области теологии и философии. Первые выпускники университетов также становились врачами и юристами-правоведами. Университетскими дисциплинами становится тот круг знаний (энциклик), который сформировался еще в античности. А основными специальностями были метафизика (в основном Платона и Аристотеля), теология, математика, грамматика, риторика, право, медицина, латинский и греческий языки. Весь университетский цикл обучения складывался из двух образовательных этапов – тривиума и квадривиума. Ставились первые научные эксперименты, велись эмпирические (опытные) исследования. Были сделаны первые крупные открытия и изобретения – вплоть до печатного станка и типографского дела.

Положение студенчества на первых порах его возникновения не сравнимо с его нынешним социальным статусом. Оно отличалось непостоянством образа жизни. Студенты нередко переходили из одного учебного заведения в другое в поисках наиболее авторитетных школ для получения необходимого образования. Феномен странствующих студентов – порождение средневекового университета. Обучение приобретало прерывный характер. Студенчество еще не имело своего определившегося статуса, а скорее напоминало то, что в студенческой среде прежде было принято называть бузой, а сегодня называют тусовкой. Они и были первыми бузотерами и «тусовщиками», из которых самыми известными становились странствующие группы вагантов.

Будет интересным обратиться к исследованиям студенчества начала XX века. В одном из первых таких исследований дается следующая характеристика: «История студенчества – это история Европы. Средневековые университеты – типичные порождения своей эпохи. Это автономные и независимые республики, насквозь проникнутые духом замкнутой корпорации, от ректора до новичка-студента. Студенчество всегда на зоркой страже прав своих и своей alma mater. Но политические горизонты учащейся молодежи узки, идеалы сомнительны. Средневековые студенты в массе великовозрастны, как ландскнехты, и невежественны, как цеховые ремесленники. Многотысячные слушатели кафедр Болонского или Парижского университетов – беспечная, праздная и веселая толпа вооруженных и недисциплинированных идальго. Беспросветность средневековья и сухость схоластики убивали мысль. Теоретические споры часто оканчивались побоищами и дуэлью» [3]. Вот так нелестно характеризует первое студенчество русский историк.

Вряд ли можно вполне согласиться с такой оценкой. Наша память бережно хранит неунывающий студенческий гимн «Gaudeamus». Образ студента-мятежника, студента-бунтаря, отстаивающего автономию университета и академические свободы, выступающего с обличением несправедливости, идет из глубины времен. А главное – не прерывалась и крепла связующая нить новых поколений студентов, эстафета знаний и научного творчества, жажда открытий и неиссякаемого энтузиазма.

Однако в последующем студенчество выступает в форме уже определенной социальной группы, обладающей характеристиками замкнутости, герметичности и оторванности от самого общества. Так, по замечанию В.О. Ключевского, «к моменту воцарения Елизаветы Петровны образованные люди в России составляли „тонкий" слой, который, „случайно взбитой пеной вертелся на поверхности общества, едва касаясь его. Отделенный от народной массы привилегиями, нравами, понятиями, убеждениями, не освящаемый притоками новых сил снизу, он замирал в своих искусственных призрачных интересах и никому ненужных суетах"» [Цит. по: 4].

Такое студенчество формируется как привилегированная и аристократическая элита молодежи, обладающая признаками касты. По своей структуре и в некоторых социокультурных признаках оно как бы похоже на рыцарский орден или религиозную секту. Студенчество готовится к тому, чтобы пополнить ряды тех, кто

материально обеспечивает его нынешнее образование, кто, прямо говоря, платит за обучение. Институтами, готовящими в студенчестве свое идеологическое и социально-профессиональное обеспечение, выступает власть церковного клира и светская власть правящей элиты, а также высший привилегированный социальный слой общества.

На первых этапах исторического генезиса студенчество по социальным и культурным функциям носит преимущественно стихийный характер своего воспроизводства и социальной институализации. Это выражалось в социально-статусной неопределенности студенческого контингента и в энциклопедической универсальности университетского образования. Вот как описывает Т.Э. Петрова специфику генезиса российского студенчества: «Студенчество в среднем происходило из мало или средне обеспеченных слоев общества (не только из дворянства). Но отчетливо сословный (а во второй половине XIX века сословно-имущественный) характер имели лишь отдельные вузы. Некоторые являлись закрытыми (военные, дипломатические, ряд лицеев), доступ в них ограничивался определенными сословными требованиями, другие представляли свои аудитории выходцам из более широких слоев населения. Для дворян более привычной и почетной оставалась военная карьера. Преподавательская деятельность, служба „лекаря" считалась уделом разночинцев. В университетах же готовили преподавателей, врачей, юристов, инженеров, священников, ученых, литераторов, наиболее образованных чиновников» [5, с. 172–173].

Таким образом, студенчество по своему социальному происхождению изначально формируется из многих слоев общества в статусе специфической социально-демографической группы. В Новое время социальный статус студенчества заметно повышается. Это связано, во-первых, с беспрецедентным возрастанием роли научного познания и повышением теоретического качества образования, а во-вторых, с увеличением количества университетов и соответственно количества обучающихся в них студентов. В это время студенчество становится заметной социальной силой, у которой вырабатывается более устойчивая система присущих ему идеалов и ценностей. Студенчество Нового времени принимает самое активное участие в жизни общества, является инициатором многих демократических реформ и общественных преобразований.

В последующем наступает период большей демократизации и массовизации студенчества, получающего образование в целях обслуживания интеллектуальных и управленческих интересов уже всего общества в целом. Расширение и диверсификация структуры высшей школы, становление специального среднего и высшего профессионального образования обусловлены развитием капиталистической общества в целом. Происходит секуляризация общественной жизни и высвобождение идеологии из-под власти духовной власти церкви и политической власти государства. Общественное сознание в его идеологической части и психологии, образования, культуры и науки функционирует на «естественных» законах рыночной экономики и принципах научно-технической революции.

В России подобная ситуация повторяется вновь. В наше время, на рубеже XX и XXI веков, в новых общественных реалиях возобновлена и набирает все большие обороты рынконизация и коммерциализация образования. Подобная ситуация была естественна и адекватна российскому социуму конца XIX и начала XX века. Развитие негосударственной высшей школы в России было вызвано растущими потребностями формирующегося рынка индустриального общества. Оно отражало социальный запрос складывающегося «среднего класса», социальная база которого расширилась и укрепилась не только в городе, но и в деревне, не только среди богатых, но и среди средне обеспеченных социальных слоев. Процессы индустриализации и капитализации российского социума обусловили рост частной инициативы и предпринимательства в сфере высшего образования. Т.Э. Петрова обосновывает вывод: «Формирующийся рынок рабочей силы вызвал к жизни систему негосударственного высшего образования, которая может служить „рыночным" зеркалом процесса развития отечественного высшего образования и воспроизводства российского студенчества, ибо свободна от государственного стимулирующего и ограничивающего воздействия» [Там же]. Образование, целиком подчиняясь законам рыночного материального и социокультурного воспроизводства, рано или поздно с необходимостью эмансипируется от

идеологического диктата государства. Образование дает конкурентоспособное предложение, которое откликается на платежеспособный спрос. С развитием научного познания и способов технического освоения природы происходит углубленная специализация университетских дисциплин, с дальнейшим распадением университета на специальные высшие учебные заведения умаляется аристократический дух университета. Профессиональное разделение университетского цикла с необходимостью расширило социальную интеграцию студенчества, поскольку открыло ему доступ во все сферы социальной жизни, и тем самым прорвало кастовую замкнутость университетской богемы, поместив студенчество на левый фланг социально-политической жизни общества.

Общественные преобразования и соответствующие изменения в сфере самой высшей школы воздействуют на социальное положение и статус студенчества, его диспозиции, место и роль в социуме, влияют на структуру и динамику ценностных ориентаций. Систему органических или ментальных диспозиций и неосознаваемых схем мышления, а также восприятия и действия П. Бурдье именует понятием «габитус» [6]. С его введением, считает ученый, преодолевается разрыв между объективизмом и субъективизмом, так как устанавливается связь между структурой и практикой посредством «диалектики интериоритета и экстериоритета», внешним и внутренним, имманентным и трансцендентным. «Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные. Но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла» [Там же].

Символический капитал и универсализм знания и культуры накладывает свою печать на становление студенчества, расширение его социальной базы и формирование особого социального поля высшего образования и студенчества как его агента. Университетская форма элитарности выступает социальной «функцией» («габитуса») студенчества в конкурентном поле социума. Смыкание демократизма специальных дисциплин вокруг элитарности университетского ядра обусловливает социокультурный синтез функции и поля. Студенчество синтезирует демократический дух народа и аристократический дух людей науки и образования. При этом «спор между университетским и специализированнным высшим образованием», будучи продуктивным, остается. Но, применительно к современным российским реалиям в условиях капитализации, рынконизации и коммерциализации образования, он приобрел деструктивный характер в связи с реорганизацией высшей школы и углубляющимся расколом образования на «элитное и массовое».

Образованность и демократическая направленность студенчества формировали социальные позиции его независимости и самостоятельности, порождали в нем свободомыслие и чувства солидарности к ущемленным и угнетенным слоям простого народа. Такая социальная оценка с полным правом относится и к российскому студенчеству. «Русское студенчество всегда было довольно демократичным. С появлением в русской культурной жизни разночинцев студенчество сделалось главным носителем революционных идей» [7].

Студенчество имеет самое непосредственное отношение к генезису такого замечательного явления российского общества, как «русская интеллигенция». Подобно тому, как студенчество составлено из противоречия элитной образованности и демократических ценностных ориентаций, также интеллигенция, с одной стороны, принадлежит к наиболее просвещенной части общества, а с другой – стремится облегчить участь простого народа, принимая самое деятельное участие в его судьбе. Можно сказать, что интеллигенция – это повзрослевшее студенчество.

«Русский студент родился в пореформенное время: раньше он растворялся в массе барских детей и немногих разночинцев. Высокий идеалистический тип его создался в 60-70-х годах. Это печальник за жизнь народа, чуткий, гневный, нетерпеливый, воспитанный мукою Некрасова, учившийся у Добролюбова, Писарева, Чернышевского. На долю этой молодежи выпали суровые испытания. В исторические 90-е годы ее роль громадна. В студенчестве отразилось, как в своего рода фокусе общественной жизни, не-

измеримо ярче, страстнее и решительнее то, что иногда лишь смутно теплится в сером тумане окружающей атмосферы. Стремительная молодость, бьющая ключом честность и правдоискательство, мучительное и бесстрашное, создают свой масштаб, свои перспективы, свою оценку. И, всматриваясь в эту толпу крайних политиков, суровых атеистов, непримиримых догматиков, все же легко различаешь всепрощающую восторженность, любвеобильную снисходительность и готовность беззаветного самопожертвования. О все те милые и дорогие черты русской молодежи, которые так бесконечно много дали и серой русской жизни, и процессу ее исторического развития» [8].

Философские кружки, литературные вечера, выпуск рукописных журналов, первые формы самоорганизации и прямого выхода в народ стали синонимом нарождающейся общественности студенчества. В России студенческое движение изначально было составной частью освободительного движения. Оно приобретало все более важное значение в общественно-политической жизни страны с пореформенного периода до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, эволюционировав от академических целей и средств борьбы к движению, политически направленному на свержение царского самодержавия.

Студенческое движение развивалось в борьбе против реакционной политики правительства в постановке высшего образования и было направлено на завоевание академических корпоративных прав и свобод. Так, резкий протест вызвал университетский устав 1884 года и циркуляры Министерства просвещения, грубый полицейско-административный произвол в отношении студенчества. В разночинский период студенческие волнения проявлялись в коллективном бойкоте лекций реакционных профессоров, неподчинении распоряжениям вузовского начальства, участии в неразрешенных сходках, забастовках и манифестациях. Нередкой была практика подачи коллективных петиций.

Руководящими органами движения радикально настроенного студенчества становились землячества. В 1884 году землячества студентов создали единый союз землячеств. Союзный совет направлял деятельность студенческих организаций до 1897 года. Брожение среди столичного студенчества весной 1887 года было вызвано деятельностью и арестом группы народовольцев во главе с А.И. Ульяновым. 4 декабря 1887 года состоялась сходка студентов Казанского университета, в которой активное участие принял В.И. Ленин. В 1894 году ряд студентов Варшавского, Петербургского и других университетов отказались принести присягу Николаю II. На докладе об этом царь написал: «Обойдусь и без них». Наиболее активные участники студенческих волнений, официально именуемых «беспорядками», пополняли ряды революционных организаций народнических, а затем марксистских, социал-демократических. Возникли новые формы массового протеста: забастовка, уличная демонстрация. Крепли связи между студенческими нелегальными организациями разных учебных заведений и городов, под непосредственным влиянием борьбы пролетариата студенческий протест все более принимает антиправительственный характер.

Зимой 1899 года состоялась первая всероссийская студенческая забастовка. В организационных комитетах, руководивших забастовками, землячествах и других организациях студенчества усиливалось политическое размежевание. Роль застрельщиков и руководителей выступлений учащейся молодежи на рубеже веков перешла к представителям революционно-буржуазной демократии, а в годы Первой русской революции 1905–1907 годов – в большинстве случаев к социал-демократам. Важнейшими событиями студенческого движения в годы назревания революционного кризиса явились всеобщие студенческие забастовки зимой 1901 и 1902 годов, в каждой из которых участвовало более 30 тыс. учащихся. Демонстрации протеста совместно с рабочими в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Казани против отдачи 183 студентов в солдаты, против «временных правил» правительства 29 июля 1899 года и 22 декабря 1901 года; рабоче-студенческие демонстрации в Петербурге и Москве (ноябрь – декабрь 1904 года) в поддержку основных политических требований РСДРП. Протест учащейся молодежи был поддержан передовыми рабочими и интеллигенцией и принял общенародный политический характер. Политические взгляды студенчества формировались в этот период под воздействием трех общественных сил: эсеров и меньшевиков, буржуазной демократии и социал-демократов. На основе многолетнего опыта борьбы, под

влиянием революционной пропаганды ленинской «Искры», политической и организаторской деятельности большевиков демократическое студенчество стало одним из резервов пролетарского движения.

В период Первой русской революции революционно-демократическое студенчество предоставило осенью 1905 года помещения вузов для проведения политических собраний и митингов рабочих. Оно заявило о поддержке основных тактических лозунгов большевиков, создавало свои боевые дружины, участвовавшие в боях на баррикадах Москвы, Харькова, Одессы. В годы реакции большинство студенчества отошло от революционной борьбы. Немногочисленные большевистские организации сумели возглавить студенческие волнения, происходившие в годы нового революционного подъема. В период Февральской и Октябрьской революции 1917 года студенческое общедемократическое движение влилось в общий революционный поток.

В СССР советское студенчество способствовало «пролетаризации» высшей школы. Студенты-коммунисты участвовали в создании рабочих факультетов, просуществовавших до 1940 года. Коренным образом изменился состав студентов: в 1913 году выходцы из эксплуататорских классов и высших слоев общества составляли 95,5 % в социальном составе студенчества, а в 1939 году на долю рабочих и их детей приходилось уже 36,1 %, крестьян и их детей – 21,6 %, служащих, интеллигенции и их детей – 42,3 %. С каждым новым приемом в вузах крепло и росло партийное ядро, расширялись ряды комсомольской организации в составе студенчества, все более значимой становилась их роль в общественно-политической жизни. Комсомольские организации в 1928 году охватывали 19,2 %, в 1935 году уже 32,5 % студентов. В 1980-е годы вуз справедливо называли «самой комсомольской системой». Более 94 % студентов были членами ВЛКСМ, практически все состояли в профсоюзе. Известная доля студентов являлась членами КПСС и была представлена в депутатском корпусе всех уровней [9, с. 138–147].

В годы довоенных пятилеток советское студенчество активно помогало осуществлению индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, проведению культурной революции. Комсомольские организации вузов главное внимание уделяли совершенствованию учебного процесса и политического воспитания, соединению теоретического обучения с производственной практикой, развитию научно-исследовательской работы.

В 1930-е годы советские студенты создавали хозрасчетные студенческие «бригады реального проектирования», научные кружки при кафедрах; в 1940-е годы научные кружки, бригады были объединены в научные студенческие общества и студенческие конструкторские бюро.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов 240 тыс. студентов вступили в Красную Армию. В вузах страны студенты учились под девизом «Всё для фронта, всё для победы!» После окончания войны 30 тыс. фронтовиков поступили в вузы.

В конце 1950-х годов зародились студенческие строительные отряды, участники которых во время летних каникул работали на промышленных и сельскохозяйственных объектах страны, прокладывали линии электропередачи, железные и шоссейные дороги, строили жилые дома, школы, больницы и клубы, работали в торговле, в сфере обслуживания, на транспорте. Школу трудового семестра прошли миллионы советских студентов.

Советские студенты участвовали в международном движении прогрессивного студенчества. Они входили в Коммунистический интернационал молодежи в 1919–1943 годах, участвовали в создании антифашистского фронта молодежи в годы Второй мировой войны 1939–1945 годов. В 1941 году была создана студенческая секция Антифашистского комитета советской молодежи. Студенческий совет СССР сотрудничал со студенческими организациями более 100 стран. Представители советских студентов участвовали в работе Международного союза студентов, в мероприятиях, проводимых совместно со Всемирной федерацией демократической молодежи.

Студенческая молодежь образует инновационный резерв общественно активной части социума, выступая полигоном для создания прогрессивных сил, но нередко становясь при этом заложником разрушительно-деструктивных сил. Стоит вспомнить о роли студенчества, особенно петербургского, во всех трех российских революциях. «В начале XX века в России студенчество стало играть инновационную роль

в социальном воспроизводстве. Оно не только являлось наследником и резервом воспроизводства привилегированных городских слоев, но поставляло иной материал для формирования диверсификационных социально-профессиональных групп (в соответствии с запросами рынка труда), которые впоследствии через этот же канал социальной стабильности начинают осуществлять самовоспроизводство, способствуя тем самым укреплению позиций рыночной экономики и гражданского общества» [10].

Строительство советской высшей школы и формирование социалистического студенчества – особый период в истории России. Он наполнен драматическими и социально созидательными событиями. Подготовка народной интеллигенции была частью целостного советского проекта, который еще ждет своего объективного исследования.

Процесс трансформации российского студенчества в советское весьма интересен, и опыт его весьма поучителен. После Октябрьской революции возникли возможности для коренного реформирования отечественной высшей школы. Этот сложный процесс радикальной перестройки всех сторон вузовского бытия оказывал решающее и постоянное воздействие на жизнь студенчества, обусловил качественные изменения в его образе жизни. Большинством исследователей он определяется как этап революционного обновления и социалистического строительства высшей школы. Его смысл заключался не только в кардинальных изменениях, в совершенствовании и качественном улучшении системы высшего образования, но главным образом в формировании и становлении социалистического типа студенчества.

Как отмечал авторитетный исследователь феномена советской цивилизации С.Г. Кара-Мурза, «советское высшее образование было именно интегрировано в общеевропейскую и мировую образовательную систему, и определялось это не формальным признанием или непризнанием дипломов, а тем фактом, что советские специалисты понимали и знали язык современной науки и техники, нормально общались на этом языке со своими зарубежными коллегами, сами „производили” образцы научно-технической культуры, адекватные современному состоянию мировой системы... Российская система образования складывалась почти 300 лет. Это – один из самых сложных и дорогих продуктов отечественной культуры, но еще важнее тот факт, что это и матрица, на которой наша культура воспроизводится» [11].

Скорейшая подготовка «своей интеллигенции» была важной частью социокультурных преобразований. Она служила залогом успешности построения социалистического общества в целом. Будущие «командиры производства», «красные специалисты» должны были формироваться как «люди завтрашнего дня», строители наилучшего в мире общества. Исследование различных сторон жизни студенчества в те годы, студенческой повседневности воссоздает объективную картину того непростого периода. Позволяет понять осмысленность, последовательность и новизну поставленных задач. Дать оценку позитивным и негативным результатам революционных преобразований и партийно-советского руководства в отношении высшей школы, студенческой молодежи.

Образование и наука получили приоритетность в политике советской власти. Уже перед Великой Отечественной войной СССР по праву имел звание самой читающей страны. Вначале была ликвидирована безграмотность. А затем поэтапно было гарантировано и осуществлено начальное, восьмилетнее и полное среднее всеобщее и бесплатное образование. И это наилучшим образом раскрывало способности и творческий потенциал граждан страны. Результатом его стали выдающиеся достижения СССР, включая их венец – прорыв в космос. Опыт нашей системы образования и воспитания копировали затем многие страны мира. Процесс трансформации российского студенчества в советское, превращения «старого» студенчества в «новое» осуществлялся в результате коренного реформирования отечественной высшей школы, радикальной перестройки всех сторон вузовской жизни в контексте системных общественных преобразований. Это не был простой и механический акт замены «старого» студенчества «новым». Несмотря на относительную кратковременность протекания этого сложного социального процесса, он был чрезвычайно насыщенным, интенсивным, а изменения в образе жизни студенчества представляли собой существенный индикатор направленности социальных преобразований в стране. Важнейшим критерием эффективности

линии Коммунистической партии в отношении высшей школы могут служить изменения в самом студенчестве, в его образе жизни, в ее ежедневных или повседневных проявлениях.

В 1924 году в Российской Федерации насчитывалось 14 млн 800 тыс. молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Из них грамотными были всего 974 тыс. человек. Во всех типах учебных заведений проходили обучение 371 233 учащихся (лишь 3,8 % от всей массы молодежи в названном возрасте). Студенчество РСФСР в своей численности несколько превышало 100 тыс. человек, что составляло очень малую часть от общего числа российской молодежи в то время (менее 1 %). Но со стороны партийного руководства страны было особое и повышенное внимание именно к этой весьма значимой социально-профессиональной группе. Интеллигенция составляла сравнительно небольшую группу населения и в дореволюционном российском обществе. Часть представителей старой интеллигенции перешли в иной мир, в прямом и переносном значении этого слова (умерли, погибли, эмигрировали, попали под каток репрессий). Но большинство включилось в советский мир, превращаясь в новую интеллигенцию. Отношение власти к высшей школе, ко всем аспектам формирования кадров интеллигенции было особо тщательно продуманным и последовательно проводимым.

Высшую школу наполнили новые студенты, их становилось все больше. Это стало результатом пролетаризации социального состава студенчества через систему рабочих факультетов и так называемые «классовые приемы». Процесс изменения социального состава студенчества происходил достаточно интенсивно и быстро. Но чисто количественные изменения не сразу переходили в качественные. Официальная пропаганда и статистика не всегда полно отражали реальную картину.

Главным формирующим фактором был целенаправленно изменявшийся уже в первое послеоктябрьское десятилетие уклад жизни общества, народа, страны. Именно он в конечном счете сформировал и определил социальный облик и образ жизни нового советского студенчества. Стремление коренным образом изменить состав студенчества, перестроить все стороны его жизни, придать процессу формирования интеллигенции новую направленность представляли собой своеобразный вызов отечественной и мировой практике подготовки кадров.

Любой новый строй всегда создает свое новое образование. Выполняя социальный заказ общества, оно формирует определенный тип личности, тем самым обеспечивая в обществе социальный порядок. Можно согласиться с К. Мангеймом в том, что образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для этого общества. Так, Петровская эпоха формировала новую школу и новый университет. В советский период созидалась общеобразовательная, политехническая с трудовым уклоном школа. Последовательно осуществлялась школьная реформа в аспекте ее содержательных основ и социально-воспитательных целей. Институт фабрично-заводского ученичества перерос в систему профессионально-технической подготовки в ПТУ миллионов квалифицированных рабочих. Институт красной профессуры заложил кадровую основу профессорско-преподавательского корпуса советских вузов. Сформировался социалистический тип студенчества [12]. Структуру высшей школы страны на переломе советской власти представляли 65 классических университетов и более 800 профильных вузов.

В советской школе готовили прежде всего способных, хорошо подготовленных исполнителей. Главной целью преобразования высшей школы было не только содержание ее работы по существу, а именно формирование нового студенчества как социально-профессионального резерва социалистической интеллигенции. Эксперименты с условиями приема, перерегистрации и чистки, назначение на стипендию и лишение ее, репрессии, аресты и слежка, холодные общежития и соответствующие места общего пользования в них в конечном итоге позволили достичь поставленных целей. Студенчество превращалось в хорошо управляемую социальную группу, способную в качестве будущих «красных специалистов» выполнять задачи, которые ставились партией в процессе строительства социализма. Так на историческое сцене появилось советское студенчество. Характеристика образа жизни студенческой молодежи представляется ключевой в оценке результатов социальной трансформации высшей школы. Для советского студенчества в основной его массе, особенно для первых поколений, ведущими чертами стали

идейность и социальная активность, оптимизм и вера в быстрое построение нового, справедливого общества, упорство в овладении знаниями, умение довольствоваться минимумом благ, относительная социальная однородность.

Но нельзя не отметить сформировавшийся и усиливающийся патернализм. Сервилизм и полная зависимость во всем от руководящих инстанций, управляемость, исполнительность, дисциплинированность, всецелая поддержка политики Коммунистической партии демонстрировались в формах, приемлемых для правящей партии. Формализм и бюрократическая заорганизованность, административно-командный стиль руководства выхолащивали и парализовали впоследствии живое и творческое начало в деятельности студенческого самоуправления.

Сегодня на наших глазах и не без нашего участия завершается обратная трансформация бывшего советского социалистического студенчества в современное российское студенчество, весьма разнородное по своему социальному составу и статусу, идейным и мировоззренческим позициям. Реформирование высшей школы и образования в целом запрограммировано развитием капитализма в России, который неизбежно требует создания такого образования и науки и сформирования такого типа студенчества, которые ему соответствуют. Современное российское студенчество становится все более неоднородно в социальном отношении. Процессы дифференциации, происходящие в российском обществе, настолько остро сказались на сознании и поведении молодежи, что поколенная дифференциация и осознание принадлежности к разным субкультурам превалируют в молодежной, в том числе и студенческой, среде над процессами поколенной интеграции. По оценке В.И. Филоненко, особой задачей студенческой социализации становится налаживание не только межпоколенной, но и внутрипоколенной межгрупповой коммуникации [13].

Характерной особенностью социогенеза и развития современного российского студенчества является многофакторность и противоречивость детерминации его образовательно-профессиональных ориентаций, социального и духовного облика. Все это говорит о необходимости становления в новых реалиях социальной субъектности студенчества и его креативности, повышения социальной роли в процессе общественного развития. Будучи высокообразованной и высококультурной частью общества, в своих жизненных устремлениях, планах и установках студенчество выступает социально-профессиональным инновационным резервом политических, культурных и экономических преобразований, будущей и потенциальной элитой общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гегель Г.В.Ф.** Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.

2. **Ле Гофф Ж.** Цивилизация средневекового Запада: [пер. с фр.]. М., 1992.

3. **Святловский В.В.** Студенческие переписи в России: краткий исторический очерк // Студенчество в цифрах: по данным Юрьевской переписи в 1907 году. СПб., 1909.

4. **Петров В.А.** Социальные традиции студенчества в Новое время // Студенчество как социальный феномен: история и современность. Материалы студ. конф. в СПбГУ. СПб., 2000.

5. **Петрова Т.Э.** Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления. СПб., 2000.

6. **Бурдье П.** Социальное пространство и символическая власть // Начала. М., 1994. С. 193–194.

7. **Соколов А.В., Щербакова И.О.** Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социол. исслед. 2000. № 6.

8. **Иконникова С.Н.** Сочетание структурно-функционального и генетического анализов при изучении личности студентов // Студент в учебном процессе. Каунас, 1972.

9. **Ветошкин А.П.** Место и роль студенчества в развитии социалистического общества. Томск, 1986.

10. **Иконникова С.Н., Лисовский В.Т.** Динамика ценностных ориентаций молодежи в период реформ // Молодежь в условиях социально-экон. реформ. СПб., 1995.

11. **Кара-Мурза С.Г.** Угасание рациональности // Наш современник. 2005. № 9. С. 219–231.

12. **Елютин В.П.** Высшая школа общества развитого социализма. М.: Высш. шк., 1980. 560 с.

13. **Филоненко В.И.** Современное российское студенчество в транзитивном обществе: противоречия и парадоксы социализации: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2009.

A.R. Dziov

STUDENTS FEATURE STORIES AND MODERN

DZIOV Artur R. – *Shadrinsk State Pedagogical Institute.*
K. Libknekht ul., 3, Shadrinsk, Kurgan reg., 641870, Russia
e-mail: artur.dziov@yandex.ru

The article investigates the phenomenon of students: its origin and development of key characteristics. Featured author discusses the genesis of the specifics of the Russian students, their social roles at different stages of socio-historical development. Analyzes the impact of changes in the field of higher education into the social position and status of the student, his disposition, the place and role in society, the structure and dynamics of value orientations. Focuses on the necessity of the establishment in the new realities of social subjectivity and creativity of students, improve their social role in the process of social development.

STUDENTS; UNIVERSITIES; INTELLECTUALS; HIGHER EDUCATION; DEMOCRACY; ELITISM.

REFERENCES

1. Hegel G.V.F. Lectures on the philosophy of history. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. (In Russ.)

2. Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the medieval West]. Moscow, 1992. (In Russ.)

3. Svyatlovsky V. [CENTURIES Student census in Russia: a brief historical sketch]. *Studenchestvo v tsifrakh* [Students in figures: According to the Yuryev census in 1907]. St. Petersburg, 1909. (In Russ.)

4. Petrov V.A. [Social traditions of students in the New times]. *Studenchestvo kak sotsial'nyy fenomen* [The Students as a social phenomenon: history and modernity. Materials of the student conference of SPbSU]. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)

5. Petrova T. *Sotsiologiya studenchestva v Rossii* [Christmas eve Sociology students in Russia. Stages and principles of formation]. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)

6. Bourdieu P. [The Social space and symbolic power]. *Nachala* [The Beginning]. Moscow, 1994. Pp. 193–194. (In Russ.)

7. Sokolov A.V., Shcherbakova I.O. [ACTING Values of the post-Soviet humanitarian students]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2000, no. 6. (In Russ.)

8. Ikonnikova S.N. [The combination of structural, functional and genetic analyses in the study of the personality of students]. *Student v uchebnom protsesse* [Student in the learning process]. Kaunas, 1972. (In Russ.)

9. Vetoshkin A.P. *Mesto i rol' studenchestva v razvitii sotsialisticheskogo obshchestva* [Place and role of students in the development of socialist society]. Tomsk, 1986. (In Russ.)

10. Ikonnikova S.N., Lisovsky V.T. [Dynamics of value orientations of youth in the period of reforms]. *Molodyozh v usloviyah sotsial'no-ekonomicheskikh reform* [Youth in conditions of socio-economic reforms]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

11. Kara-Murza S. [The Extinction of rationality]. *Nash sovremennik*, 2005, no. 9, pp. 219–231. (In Russ.)

12. Elyutin V.P. *Vysshaya shkola obshchestva razvitogo sotsializma* [Higher school of the society of developed socialism]. Moscow, The High. School Publ., 1980. 560 p. (In Russ.)

13. Filonenko V. *Sovremennoe rossijskoe studenchestvo v tranzitivnom obshhestve: protivorechiya i paradoksy socializacii.* Avtoref. dokt. dis. [Modern Russian students in the transitional society: the contradictions and paradoxes of socialization. Abstr. doct. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 329.73

К.И. Лях

КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА НАЦИОНАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ XX СТОЛЕТИЯ

ЛЯХ Кристина Игоревна – *аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.*

Россия, 119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские Горы, 1

e-mail: christina_lyakh@mail.ru

В статье рассмотрены ключевые западные теории наций и национализма XX столетия, проанализированы основные работы представителей примордиалистского, конструктивистского, функционалистского, марксистского и инструменталистского подходов по данной проблематике. Обозначены общие и различные черты ведущих теорий. Обоснована актуальность данной темы исследования как для политической теории, так и для политической практики.

НАЦИЯ; НАЦИОНАЛИЗМ; ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА; ПРИМОРДИАЛИЗМ; КОНСТРУКТИВИЗМ; ФУНКЦИОНАЛИЗМ; МАРКСИЗМ; ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ.

Современные глобальные и региональные политические процессы характеризуются сосуществованием в мире двух противоречащих друг другу явлений – глобализации и интеграции, с одной стороны, и усилением национального самосознания, национальной идентичности, а также периодическими вспышками национального сепаратизма в самых разных регионах мира – с другой. Анализ национализма приобретает особую актуальность для современных общественных наук, поскольку через понимание этого феномена лежит путь к поддержанию международной стабильности, обеспечению государственной безопасности и социальной сплоченности. В последние десятилетия отмечается рост интереса отечественных исследователей к теоретическому осмыслению национализма. Так, в частности, в постсоветский период были опубликованы научные труды, подробно рассматривающие широкий спектр отечественных и зарубежных теорий национализма. Среди них работы Л.М. Дробижевой [6], В.В. Коротеевой [7, 8], В.С. Малахова [10], О.Ю. Малиновой [11], А.И. Миллера [12], М.О. Мнацаканяна [13], А.С. Мукановой [14], Т.Ю. Сидориной и Т.Л. Полянникова [16] и др.

Разнообразие форм национализмов в качестве и политических движений, и политических идеологий на протяжении истории повлияло на формирование множества различных подходов и теорий, рассматривающих условия возникновения наций и национализмов, их ключевые черты и характеристики, виды и типы. Несмотря на то что за более чем двухсотлетний период теоретического осмысления этих явлений в рамках исторической, социологической и политической науки универсальная теория наций и национализма, принятая всеми научными парадигмами, так и не была сформирована, отечественный исследователь В.В. Коротеева выделяет следующие общие положения, присущие всем теориям, анализирующим национализм [7]:

1) нация – это особая общность, обладающая уникальными качествами;

2) интересы и ценности нации в рамках националистического мышления преобладают над интересами и ценностями других групп;

3) каждая нация стремится к обретению наибольшей независимости, которая выражается в политической и культурной автономии или суверенитете.

Необходимо отметить, что исследование национализма имеет ряд сложностей методологического и теоретического плана. Помимо того, что не существует единой теории проис-

хождения наций и национализма, в современном научном дискурсе присутствуют диаметрально противоположные морально-этические, политические и культурные оценки этих явлений [9]. Так, в частности, негативная оценка национализма в современной литературе во многом обусловлена советским теоретическим наследием, согласно которому национализм рассматривается как сила, противостоящая государственной целостности.

Методология исследования национализма широко опирается на принцип единства исторического и логического, поскольку в череде исторических событий и явлений исследователю необходимо выявить причинно-следственные связи, используя общетеоретические методы, в частности методы анализа и синтеза, дедукции и индукции. Сочетание исторического и компаративистского методов позволяет выявить как универсальную природу национализма в различных государствах, так и разнообразие проявлений национализма, его типов и форм. Методология отдельных теорий наций и национализма включает в себя также системный и структурно-функциональный анализ, институциональный, социологический, диалектический и другие методы.

Ключевые западные теории, осмысляющие феномены нации и национализма, оформились во второй половине XX столетия. Эти теории различны с теоретических и методологических позиций, но каждая из них попыталась определить причины и условия возникновения наций и национализма, их природу и цели. Но, прежде чем обратиться к современным концепциям, необходимо рассмотреть более ранние работы в области изучения проблематики национализма.

В начале XX столетия к этому проблемному полю обратились американские исследователи К. Хайес и Х. Кон. Так, Кон посвятил свои труды («Национализм», 1922 [24] и «Идея национализма», 1944 [25]) вопросу возникновения национализма, предшествующих ему исторических условий и предпосылок, т. е. тому, что формирует национализм в отдельное политическое движение. Исследователь отмечал, что политический национализм представляет собой исторически новое явление, поскольку ранее политическим идеалом правителей являлась мировая империя, собравшая в себя разнообразные народы и этносы на основе общей цивилизации [24]. Нация, в его понимании, является весьма сложным предметом анализа, и хотя большинство наций обладают определенными объективными признаками, такими как общее происхождение, язык, территория, политическая общность, обычаи, традиции и религии, ни один из этих факторов не является решающим для определения нации и обязательным условием для ее существования [Там же]. Ту ключевую силу, что делает нацию нацией, Кон называет национализмом, поскольку именно он вдохновляет всех представителей нации национальной идеей. Первая современная нация с национализмом Нового времени, по мнению исследователя, появилась в Англии в XVII столетии, когда Великобритания вышла в авангард ведущих экономических сфер того исторического периода – науки, коммерческой деятельности и промышленного производства.

В 1926 году К. Хайес опубликовал работу под названием «Очерки национализма» [22]. Исследователь развел понятия «нация» и «национальность», заключив, что нация – это в первую очередь совокупность жителей независимого государства, безотносительно к их этнической принадлежности, в то время как национальность – это единство, основанное на общности языка и культуры. Национальное государство, таким образом, основано на национальности, но национальность может существовать и без государства. Как отмечает Хайес, образование национального государства возможно при развитии и укреплении общенациональных государственных институтов, средств массовой информации и введении общегосударственных норм, что, в свою очередь, и является результатом буржуазных и индустриальных революций. Кроме того, Хайес выделяет три ключевых этапа зарождения национализма [14]:

1. Оформление идеи национализма в виде доктрины силами ярчайших мыслителей.

2. Постепенное приобретение поддержки этой доктрины со стороны узких групп граждан.

3. Закрепление идеи национализма в широких слоях населения через систему образования и средств массовой информации.

Анализируя идейные истоки существующих в истории доктрин национализма, Хайес выводит собственную классификацию наци-

онализмов, выделяя следующие шесть типов: гуманистический, якобинский, традиционный, либеральный, интегральный и экономический [10].

Необходимо отметить, что Хайес, будучи одним из первых теоретиков национализма, анализировал это явление не только как идеологию, но и как социально-политическое движение, зарождающееся в определенных исторических, экономических и культурных реалиях. Как отмечает российский исследователь В.С. Малахов, Хайес и Кон поспособствовали развитию анализа национализма в историческом ключе, и в особенности «либеральной историографии национализма» [Там же. С. 42]. Кроме того, по замечаниям В.В. Коротеевой, ряд идей Хайеса встречаются у последующих исследователей национализма [8, с. 21–24], особенно популярен его тезис о сущностной близости религии и национализма [10, с. 43].

Несколько десятилетий спустя британский ученый Э. Кедури выпустил работу под названием «Национализм» [23], где широко описал разнообразие национальных движений и идеологии национализма в мире. В рамках своей теории он вывел три ключевых тезиса о развитии национализма [14]:

1. Деление на нации – естественно для человечества.

2. Нации обладают заданными качествами и характеристиками, которые могут быть установлены опытным путем.

3. Национальное самоопределение, таким образом, является наиболее легитимным принципом государственного управления.

При этом Кедури отметил, что в ходе своего развития национализм приобретает склонность ставить свои принципы и интересы выше отдельных человеческих жизней, что может приводить к масштабным деструктивным политическим действиям. Само по себе бремя национальной независимости под силу далеко не всем нациям, и, как показывает история, нередко обрести и сохранить суверенитет удается скорее крупным нациям, нежели небольшим этносам.

С новой стороны на феномен становления национализма посмотрел американский теоретик чешско-немецкого происхождения К. Дойч. Разработанная им теория нации и национализма получила название «коммуникативной» [21] и во многом сформировалась под влиянием бурного развития социологических исследований того времени. Необходимо отметить, что данная теория носит ярко выраженный модернистский характер – появление национализма рассматривается как значимое условие перехода общества от традиционного устройства к современному. Ключевой чертой в таком изменении является преобразование качества коммуникации в обществе, т. е. способности членов общества производить, хранить и передавать информацию посредством общей знаковой системы. Подобный информационный обмен становится основой для формирования современных национальных культур и новых обществ – наций. Примечательно, что нация, с точки зрения Дойча, определяется не совокупностью определенных признаков (языком, общей историей, культурой, территорией), а своими коммуникативными возможностями.

Одним из ключевых понятий в теории Дойча является «комплиментарность» или «коммуникативная эффективность», т. е. взаимодополняемость и взаимное соответствие друг другу разных элементов одной структуры. Комплиментарность позволяет формировать общность из разрозненных групп и индивидов. Средствами передачи информации в такой системе выступают язык, традиции, привычки и множество других символов, понятных всем членам одной общности. Как отмечает исследователь, коммуникативные средства общества состоят из стандартизированной системы символов, таких как язык и любое количество вспомогательных знаковых систем (азбуки, способы письма, счета, рисования и т. д.). Они включают также информацию, хранящуюся в живой памяти, привычках, ассоциативных связях и наклонностях членов сообщества и его материальных средствах хранения информации (библиотеках, памятниках, указателях и т. д.).

В определении Дойча, нация – это народ, по сути, подчинивший себе государство и сделавший его средством обеспечения своих социальных, т. е. национальных потребностей и интересов. Национализм, в свою очередь, это мировосприятие, согласно которому именно национальные интересы составляют основу принятия ключевых политических решений. Национализм формируется вместе с нацией и способствует ее укреплению. Тем не менее

в определенный момент национализм может повлечь за собой негативные последствия, превратив представителей нации в класс. Все члены этого класса образуют собой привилегированную страту общества, в то время как другие национальности будут вынуждены играть вторичные роли в государственной жизни. Это приводит к снижению эффективности каналов коммуникации и утрате прежнего единства. Национализм, нацеленный изначально на укрепление нации, в этой точке может спровоцировать ослабление национального самосознания и появление своих крайних форм. Идеи Дойча оказали большое влияние на последующих представителей модернистских концепций национализма в первую очередь акцентированием внимания на роли коммуникации. Кроме того, заслуга мыслителя, как отмечает В.С. Малахов, состоит в том, что Дойч «вывел изучение национализма из плоскости „истории идей"» и внес большой вклад в «преодоление психологизма» в исследованиях данного проблемного поля [10, с. 67].

К концу XX столетия, основываясь на опыте более ранних концепций и исходя из новых исследовательских парадигм, сформировался ряд современных направлений, различающихся по методу исследования и пониманию происхождения наций и национализма: примордиализм, конструктивизм, функционализм, марксизм и инструментализм.

Наиболее ранним и распространенным подходом в этом проблемном поле является **примордиализм**, который исходит из того, что этнос существует изначально как объективная данность и обладает неповторимыми, уникальными качествами. Национальная принадлежность индивида, как и цвет кожи, разрез глаз и другие фенотипические признаки, задается с момента рождения и зависит от национальной принадлежности его предков. В рамках этого подхода именно этническая идентичность предопределяет и основные потребности и характеристики человека. Несмотря на то что подобные идеи высказывались еще в XIX веке, впервые взгляды примордиализма были четко сформулированы американским исследователем К. Гирцем. Согласно его идеям, групповая идентичность первична и содержится в генетическом коде, предопределенном эволюционным процессом [14].

Хотя в рамках примордиализма существует множество разрозненных концепций, в российской традиции принято разделять два ключевых направления этого течения: социобиологическое и эволюционно-историческое.

Социобиологическое направление, ключевыми представителями которого являются Р. Шоу, Ю. Вонг, П. Ван дер Берг, исходит из того, что этнос существует изначально и объективно, представляя собой естественную целостность вида homo sapiens, подобно биологическим видам других особей. Осознание своей этнической принадлежности коренится в генетическом коде человека, который с рождения предопределяет формирование кровно-родственных сообществ. Именно биологическая составляющая человеческой природы во многом детерминирует дальнейшие социальные и политические проявления нации.

Эволюционно-историческое направление основывается на идее о том, что национализм имеет конкретный исторический период своего зарождения, стадии роста, ключевые черты и хронологические границы. Таким образом, появление национализма рассматривается как долговременный исторический процесс, который имеет свое логическое завершение. Этнос и этничность также представляют собой скорее не природные, а социально обусловленные сообщества, сложившиеся в процессе общественно-исторического развития. Принадлежность индивида к нации основывается на социально-исторических условиях его развития. Наиболее известными исследователями эволюционно-исторического подхода являются Э. Смит, К. Гирц, У. Коннор.

Э. Смит в своих работах приходит к выводу, что феномены нации и национализма связаны с формированием современного общества, однако их истоки лежат в глубинной этнической памяти, своего рода досовременной этнической идентичности [17]. Смит утверждает, что национализм основывается на некоторой изначально существующей истории группы. Такая групповая история совершенно необязательно является верной с точки зрения науки, она нацелена на формирование чувства общности и принадлежности. Национальные идеи многих стран основываются на исторически искаженных интерпретациях прошлых событий и нередко имеют тенденцию существенно мифологизировать

незначительные события из жизни этноса [18]. Кроме того, как отмечает Смит, националистические трактовки истории нередко содержат и вовсе сфабрикованные факты с целью оправдания политических действий. Национализм не подразумевает, что все представители одной нации будут выглядеть схожим образом, речь идет скорее о том, что людей должны связывать крепкие узы солидарности и сопричастности со своей нацией и ее членами. В рамках современных государств существуют как этнии, так и нации, при этом каждая этния нацелена на то, чтобы стать нацией, для чего она и усваивает идеологию национализма.

По определению Смита, нация – это народ, разделяющий территорию, общие мифы, историческую память, массовую общественную культуру, общую экономику, а также общую систему прав и обязанностей, в то время как этния – это союз, общность населения с преемственностью мифов и исторической памятью, чувством солидарности и единства исторической территории, по крайнем мере, среди своей элиты [Там же]. Национализм Смит определяет как идеологическое движение, направленное на достижение и сохранение автономии, единства и идентичности в интересах популяции, воспринимаемое некоторыми его членами для формирования актуальной или потенциальной нации [17].

Начало становления **конструктивизма** связывают с выходом в 1967 году работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [2]. Не удивительно, что наибольшее распространение данный подход получил в полиэтничных странах с неоднородным составом населения, среди которых США, Канада, Австралия. Конструктивизм рассматривает общественные феномены не как заранее объективно заданную реальность, а как продукт человеческого сознания и деятельности, т. е. как искусственные социальные конструкты.

Наибольшую роль в закреплении конструктивистского подхода в исследованиях национализма сыграл английский исследователь, профессор Корнельского университета Б. Андерсон, опубликовавший в 1983 году монографию «Воображаемые сообщества» [1]. Согласно Андерсону, нация – это конструкт, некоторое воображаемое явление. Воображаемость означает не то, что нации не существует в принципе, речь идет о том, что, не зная всех представителей своего сообщества, отдельно взятый индивид все же может соотносить себя с нацией как с целым с помощью средств коммуникации, а именно печатных изданий, книг, газет и журналов. По мнению Андерсона, формирование конструкта нации неразрывно связано с появлением печатного капитализма, поскольку через газеты, журналы и романы оформился целостный образ всей общности, т. е. того самого «воображаемого сообщества», передаваемого от индивида к индивиду не через непосредственный контакт с каждым элементом целого, а через прессу. Развитие печати послужило толчком как к формированию национальных языков, так и к продвижению стандартизированных систем знания, распространяющихся в рамках заданных политических границ. Через прессу люди получают информацию о своем государстве, его территории, пространстве, культуре и, таким образом, осознают его как целостное, национальное. Подобная идея Андерсона является определенным развитием идеи К. Дойча о комплиментарности социальной коммуникации, которая поддерживает групповые модели мышления и восприятия.

Анализируя сложившиеся исторические формы национализма в разных регионах мира, Андерсон выделяет три идеальных типа.

1. *Гражданско-республиканский* или *креольский национализм*, имевший место в конце XVIII – начале XIX века в Латинской Америке. Креолы – белое испаноязычное население колонии, родившееся и выросшее вне метрополии, – сформировали идею собственной национальности раньше европейцев. Чтобы получить признание от представителей метрополии, креолы, отличавшиеся от коренных народностей колониальных территорий, остро нуждались в конструировании собственной национальной целостности. Как отмечает Андерсон, особую роль в этом процессе сыграли печатные средства массовой информации, особенно национальные газеты.

2. *Лингвистический национализм*, основанный на общности языка и истории. Такой тип национализма сложился в государствах Центральной и Восточной Европы, где само формирование нации происходило стихийно. В то же время Андерсон отмечает, что в Западной Европе преобладало сознательное стремление

регионов к обретению целостности. В основе лингвистического национализма лежит идея об уникальности национального языка. Поскольку существует языковое сообщество, должны существовать и политические институты, которые позволили бы поддерживать и сохранять лингвистические истоки. Как отмечает Андерсон, идеология такого типа побуждает небольшие этносы в составе многонациональных империй к национальной освободительной борьбе и формированию своего четкого кодифицированного национального языка. Так, ранее лишь устные диалекты с помощью интеллектуальной элиты своего этноса обретают словари, грамматические правила, литературу и прессу. В итоге то, что существовало в виде разрозненных и неустойчивых явлений, обретает целостную национальную культуру.

3. *Официальный национализм* имперского государства, который нацелен на то, чтобы сформировать из многонационального населения единую нацию. Классическими примерами такого национализма являются последние европейские империи, распавшиеся после Первой мировой войны: Османская, Австро-Венгерская и Российская. Официальный национализм стремится взять под контроль культурные процессы подчиненных этносов: образование, историю, государственную пропаганду, военную сферу.

Описав три чистых типа национализма, Андерсон отмечает, что в дальнейшем каждый из них превратился в образец для подражания на новых территориях и в рамках новых культурно-исторических контекстов. Примечательно, что исследователь не выделяет национализм в отдельную идеологию, поскольку в отличие от марксизма или фашизма он не имеет связной доктрины и представляет собой, подобно религии, скорее культурный феномен.

Функционализм предложил свой подход к анализу феноменов наций и национализма. Основываясь на рассмотрении функциональности отдельных социальных явлений для общего целого, функционализм предполагает, что социальные явления и институты могут быть функциональными, если обеспечивают стабильность всей социальной системы. Одним из наиболее ярких представителей этого методологического направления является Э. Геллнер, опубликовавший в 1983 году работу «Нации и национализм» [4].

Согласно Геллнеру, появление национализма неразрывно связано с качественно новыми изменениями в структуре обществ при переходе от аграрного строя к индустриальному. Ключевое различие между этими двумя историческими формами Геллнер видит в первую очередь в экономическом и культурном устройстве. Аграрное общество имеет особую социальную структуру, четко дифференцирующую общество по сословному или кастовому признаку. Подобное разделение поддерживается как экономическим неравенством, так и неравномерным доступом к образованию и так называемой «высокой культуре» [5], открытым исключительно привилегированным сословиям. Высокая культура, в понимании Геллнера, – это прежде всего элитарная письменная культура, содержащая набор ценностей и представлений, передаваемых из поколения в поколение узкому числу грамотных людей – клириков и аристократов. Противоположностью высокой культуры выступает «низкая культура» [Там же] или, как исторически правильнее было бы отметить, «низкие культуры», не увековеченные в алфавите и печати, передающиеся из уст в уста; носителями их являются небольшие этнические сообщества. Таким образом, недоступность образования блокирует практически все лифты социальной мобильности для низших сословий. На аграрном этапе политической элите выгодно сохранение подобного культурного разделения, поскольку оно лишь укрепляет социальную дифференциацию, поддерживает сословную стабильность и элементарно служит принципу «разделяй и властвуй» [Там же]. Общность языка и культуры не играет ключевой роли в эффективной коммуникации и интеракции и соответственно в поддержании политической стабильности. Процессы индустриализации влекут за собой качественные изменения экономических и социальных структур. В политической системе зарождаются демократические процедуры, поддерживающиеся вертикальной мобильностью и эффективными социальными лифтами. Социальные роли становятся открытыми и сменяемыми, а ключом к достижению руководящих политических ролей оказывается способность говорить на общем для всех языке в рамках общедоступной системы понятий. Зарождающийся индустриализм более всего заинтересован в непрерывных инновациях и воз-

растающем наращивании производства. Новые потребности могут быть обеспечены только за счет непрерывного и специализированного образования рабочей силы всех уровней. В связи с этим коренным образом изменяется роль образования – образовательная система превращается в ключевой механизм языковой и культурной гомогенизации населения. По мнению Геллнера, грамотность в эпоху модерна становится ключевой характеристикой нормально социализированного человека, а сама идея национализма формируется в людях в процессе образования. Подобное распространение культурной стандартизации формирует в конечном итоге национальную культуру. Таким образом, «гигантская, дорогостоящая стандартизованная система образования перерабатывает целиком весь человеческий материал, которому предстоит влиться в общество, превращая это биологическое сырье в социально приемлемый культурный продукт» [5, с. 23]. На этом этапе происходит постепенное оформление культурных границ вдоль границ государства. Объясняется это тем, что создание и поддержание системы всеобщего образования под силу только центральной государственной власти, следовательно, охватив собой всю территорию, власть транслирует через школы и университеты единую культуру. Национализм становится следствием новой социальной системы, детищем стандартизированного образования и гомогенной культуры.

Несмотря на критику теории Геллера за излишний функционализм и акцентирование внимания в большей степени на культурной составляющей феномена нации и национализма, идеи исследователя внесли существенный вклад в исследования национализма и стали частью классики политической науки.

Марксистское понимание национализма исходит из того, что капиталистическая формация обусловливает необходимость государственного развития в национальных формах. Устаревшие общественные институты в эпоху капитализма не обеспечивают потребности в развитии производительных сил, что приводит к разрушению существовавших ранее производственных отношений и появлению нации – более развитой общности людей. Капитализм благоприятствует росту социальной мобильности и взаимодействию между разными социальными группами, что способствует окончательной консолидации наций. Формируется национальный рынок, сам капитал становится национальным, правящие классы проводят интеграцию политических регионов для образования единого правительства, единого законодательства, единой таможенной границы и в итоге единой нации. В то же время, если национализм выгоден буржуазным интересам, стремления пролетариата смогут найти свое воплощение только в интернационализме [14].

Модернистским идеям национализма противостоит марксистская теория неравномерного развития, представленная Т. Нейрном [15, 26]. Согласно его идеям, формирование национализма вызвано установлением экономического неравенства среди различных культурных общностей. Когда угнетаемые народы осознают, что притеснители представляют собой отличный от них культурный или этнический мир, в их сознании неизбежно формируется идея национализма. Таким образом, национализм – это либо ответ отстающих народов на их угнетение со стороны более развитых, либо противодействие прогрессивных сообществ тормозящим их факторам. Носителями такого движения выступают наиболее интеллектуальные представители среднего класса угнетаемого либо процветающего общества [15].

Примечательно, что Нейрн полемизировал с Геллнером относительно будущего национализма. Так, если функционалист Геллнер видел будущее мира в гомогенизации мировой или региональной культуры, то Нейрн говорил о «втором пришествии» национализма, ожидании роста национальных настроений и стремлений сохранить свою локальную культуру [10, с. 97]. Особый вклад теоретика марксизма видится в акцентировании внимания на значимости культурного плюрализма и многообразия.

В рамках **постмарксизма** проблемой национализма занимался также М. Хрох, изучавший процесс становления национального самосознания у народностей Центральной и Восточной Европы [19]. Хрох приходит к выводу о том, что формирование нации – это глобальный социально-исторический процесс, в ходе которого происходит масштабное видоизменение общества. Началом зарождения современных наций Хрох считает тот момент, когда отдельные группы начали осмыслять собственную этническую

принадлежность и рассматривать свою группу как потенциально целостную нацию. Далее, сформировавшись в умах отдельных представителей этноса, национализм начал переходить в практическую плоскость. Классическое национальное движение, в свою очередь, стремится к трем ключевым целям:

1) укреплению и развитию национальной культуры;

2) обретению сначала автономии, а затем и полного политического суверенитета;

3) созданию собственной национальной социальной структуры, охватывающей собой весь этнос.

Таким образом, если классический марксизм трактует национализм исключительно с точки зрения исторического материализма, нивелируя культурную составляющую этого феномена, теоретики постмарксизма рассматривают этот феномен с коммуникативной и культурной точек зрения. Как отмечает В.С. Малахов, несмотря на то что труды исследователя подвергались серьезной критике со стороны классических марксистов за «непоследовательность в проведении „материалистического понимания истории"» [10, с. 100], Хрох внес значимый вклад в исследования национализма широтой собранного им исторического материала.

Инструментализм провозгласил культурные символы инструментами элит в достижении своих групповых целей – власти, материальных благ, контроля над ресурсами [13]. Ключевыми представителями этого направления являются П. Брасс, К. Верди и Дж. Бройи. Кроме того, некоторые идеи инструментализма прослеживаются в работах Геллнера, Хобсбаума и Андерсона.

По мнению П. Брасса, основоположника инструменталистского понимания этничности, в многонациональном государстве интересы какого-либо этнического меньшинства, так или иначе, оказываются ущемленными, что и провоцирует создание национальных движений, направленных на эффективную борьбу с другими политическими элитами за отстаивание своих интересов и получение политической власти с помощью мобилизации масс [20].

Исследователь Дж. Бройи предлагает рассматривать национализм как особый вид политики, который имеет смысл в определенном политическом контексте и с позиции определенных целей, к которым стремится национализм [3]. Национальная идея становится стратегическим выбором инструмента для борьбы за власть, ресурсы, статус и привилегии.

Все инструменталистские теории объединяет опора на идеи функционализма и прагматизма. Нация выступает как рукотворный результат политических мифов, разрабатываемых политической элитой. В то же время инструменталистский подход тесно переплетается с конструктивизмом в идее, что нация является конструктом. Разница состоит в том, что инструменталисты видят формирование этого конструкта как целенаправленный результат деятельности элиты.

Вопросы национальной политики и по сей день остаются приоритетными как для Российской Федерации, так и для ряда других многонациональных государств. Глубинное понимание феноменов нации и национализма, причин их формирования и механизмов развития является неотъемлемым знанием для эффективной государственной политики, регулирования национальных конфликтов и поддержания устойчивой целостности государства.

Исследователи национализма стремились ответить на вопросы о времени и причинах возникновения национализма, объективности или субъективности существования нации, типологии национализма, его сущности и природе. Каждая из представленных теорий внесла свой теоретический вклад в понимание таких многогранных феноменов, как нация и национализм, однако ни одна из них не охватила весь спектр вопросов по данной тематике, сосредотачивая свое внимание на одном или нескольких аспектах проблемы: происхождении, классификации, сущностных чертах национализма и т. д. Тем не менее рассмотренные теории легли в основу множества исследований по вопросам нации и национализма, сформировав методологическую базу для практического разрешения проблем в области нациестроительства и работы с национальными движениями и идеологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

2. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

3. **Бройи Дж.** Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 201–236.

4. **Геллнер Э.** Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.

5. **Он же.** Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. 1992. № 1. С. 9–61.

6. **Дробижева Л.М.** Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Изд-во Центра общечеловеческих ценностей, 2003.

7. **Коротеева В.В.** Существуют ли общепринятые истины о национализме? // Proet Contra. 1997. Т. 2, № 3. С. 185–203.

8. **Она же.** Теория национализма в зарубежных социальных науках. М.: Изд-во РГГУ, 1999.

9. **Кошман А.Л.** Подходы к изучению национальной идеи в современной западной социологии // Вестн. МГУ. Сер. 18. 2002. № 3. С. 147–157.

10. **Малахов В.С.** Национализм как политическая идеология. М.: Изд-во КДУ, 2005.

11. **Малинова О.Ю.** Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 3. С. 96–111.

12. **Миллер А.И.** Национализм как теоретическая проблема // Там же. 1995. № 6.

13. **Мнацаканян М.О.** Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

14. **Муканова А.С.** Феномены «нация» и «национализм»: проблемы истории и теории: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Ижевск, 2010.

15. **Нейрн Т.** Интернационализм и второе пришествие // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 347–364.

16. **Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л.** Национализм: теории и политическая история. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2006.

17. **Смит Э.Д.** Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 235–264.

18. **Он же.** Национализм и модернизм: Крит. обзор соврем. теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили [и др.]. М.: Праксис, 2004.

19. **Хрох М.** От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–146.

20. **Brass P.R.** Ethnic Groups and the State. L.: Croom Helm, 1985.

21. **Deutsch K.** Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge: MIT Press, 1953, 1966.

22. **Hayes C.** Essays of Nationalism. N. Y., 1926.

23. **Kedourie E.** Nationalism. 4-th ed. Oxford, 1994.

24. **Kohn H.** Nationalism: Its Meaning and History. Princeton, 1965.

25. **Idem.** The Idea of Nationalism. N. Y., 1967.

26. **Nairn T.** The Break-Up of Britain: Crisis and Neonationalism. L.: New Left Books, 1977.

Ch.I. Lyakh

KEY APPROACHES TO THE STUDY OF THE PHENOMENON OF NATIONALISM IN WESTERN POLITICAL SCIENCE OF THE XX CENTURY

LYAKH Christina I. – *Lomonosov Moscow State University.*
Ul. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
e-mail: christina_lyakh@mail.ru

The article examines the key Western theories of the 20th century of nations and nationalism, analyzes the main writings of the representatives of primordialist, constructivist, functionalist, Marxist and instrumentalist approaches on this issue, highlights common and diverse features of the theories and substantiates the applicability of the following research topic both for political science and political practice.

NATION; NATIONALISM; STUDIES OF NATIONALISM; PRIMORDIALISM; CONSTRUCTIVISM; FUNCTIONALISM; MARXISM; INSTRUMENTALISM.

REFERENCES

1. Anderson B. *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., 2001. (In Russ.)

2. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. (In Russ.)

3. Breuilly J. Podkhody k issledovaniyu natsionalizma [Approaches to the studies nationalism]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002. Pp. 201–236. (In Russ.)

4. Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Progress Publ., 1991. (In Russ.)

5. Gellner E. [The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class]. *Put'*, 1992, no. 1, pp. 9–61. (In Russ.)

6. Drobizheva L.M. *Socialnye problemy mezhnatsionalnykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii* [The social problems of international relations in post-soviet Russia]. Moscow, Centr obshechelovecheskikh tsennostey Publ., 2003. (In Russ.)

7. Koroteyeva V.V. [Is there any conventional verity in nationalism?]. *Proet Contra*, 1997, vol. 2, no. 3, pp. 185–203. (In Russ.)

8. Koroteyeva V.V. *Teoriya natsionalizma v zarubezhnykh sotsialnykh naukakh* [The theorie of nationalism in foreign social sciences]. Moscow, RGGU Publ., 1999. (In Russ.)

9. Koshman A.L. [Approaches to studies of national idea in modern western sociology]. *Vestnik MGU*, ser. 18, 2002, no. 3, pp. 147–157. (In Russ.)

10. Malahov V.S. *Nacionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as political ideology]. Moscow, KDU Publ., 2005. (In Russ.)

11. Malinova O.Y. [Liberalism and the concept of nation]. *Polis*, 2003, no. 3, pp. 96–111. (In Russ.)

12. Miller A.I. [Nationalism as the theoretical problem]. *Polis*, 1995, no. 6. (In Russ.)

13. Mnacakanyan M.O. *Nacii i nacionalizm. Sociologiya i psixologiya nacionalnoj zhizni* [Nations and nationalism. The sociology and psychology of national life]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2004. (In Russ.)

14. Mukanova A.S. *Fenomeny "naciya" i "nacionalizm": problemy istorii i teorii*. Kand. dis. [The phenomena of nation and nationalism: the problems of history and theory. Cand. Diss.]. Izhevsk, 2010. (In Russ.)

15. Nairn T. Internatsionalizm i vtoroye prishestviye [Internationalism and the Second Coming]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002. Pp. 347–364. (In Russ.)

16. Sidorina T.Y., Polyannikov T.L. *Nacionalizm: teorii i politicheskaya istoriya* [Nationalism: theories and political history]. Moscow, GU VShE Publ., 2006. (In Russ.)

17. Smith E.D. Natsionalizm i istoriki [Nationalism and its Origins]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002. Pp. 235–264. (In Russ.)

18. Smith E.D. *Natsionalizm i modernizm: kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma* [Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2004. (In Russ.)

19. Hroch M. Ot natsionalnykh dvizheniy k sformirovavsheysya natsii [From National Movement to the Fully-formed Nation]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002. Pp. 121–146. (In Russ.)

20. Brass P.R. Ethnic Groups and the State. London, Croom Helm, 1985.

21. Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, MIT Press, 1953, 1966.

22. Hayes C. Essays of Nationalism. New York, 1926.

23. Kedourie E. Nationalism. Oxford, 1994.

24. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. Princeton, 1965.

25. Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1967.

26. Nairn T. The Break-Up of Britain: Crisis and Neonationalism. London, New Left Books, 1977.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 81-33

Е.В. Калинова

СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на материале англоязычных СМИ)

КАЛИНОВА Елена Викторовна – *ассистент; Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова.*

Россия, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

e-mail: violator_j@mail.ru

Статья посвящена изучению средств модальности, встречающихся в текстах англоязычных периодических изданий, и их влияния на формирование идентичности личности реципиента текста. Идентичность не является монолитным образованием, она состоит из компонентов, которые принято называть социальными ролями. В связи с переходом от индустриального общества к обществу потребления происходит смещение социальных ролей в обществе. На такое смещение влияют различные дискурсивные пласты, в том числе и стратегический дискурс. К пласту стратегического дискурса можно отнести периодические издания, так как одной из их основных функций является идеологическая функция, а это означает, что они представляют собой мощный инструмент формирования социальной идентичности личности.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС; МОДАЛЬНОСТЬ; ИДЕНТИЧНОСТЬ; ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФОКУС; СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ.

Стратегический дискурс функционирует исключительно ради достижения определенной цели. Одной из его основных функций является идеологическая, реализация которой заключена в трех основных компонентах: создании отношений, создании образа и создании потребителя.

Именно третий компонент идеологической функции стратегического дискурса подталкивает нас к осознанию того, что дискурс оказывает влияние на формирование идентичности личности реципиента текста. Дискурс всегда предписывает ту позицию, которую человеку следует занять в определенной ситуации. К примеру, на приеме у врача четко обозначены социальные роли «врача» и «пациента». В соответствии с ними существуют определенные модели поведения, речи. Например, врач наделен правом ставить пациенту диагноз, в то время как пациент может лишь делать предположения относительно своего состояния [1, с. 41].

Следует также отметить, что одного дискурса недостаточно для построения полноценной идентичности человека. В этом процессе всегда принимают участие несколько дискурсивных пластов: «идентичность не является автономной, она определяется дискурсами» [Там же]. При этом идентичность фрагментарна, она не рассматривается как однородное образование, определенное дискурсом. Идентичность – это совокупность компонентов, определенных разными типами дискурса. Эти компоненты идентичности принято называть *социальными ролями*. Например, человек принимает на себя такие социальные роли: в период выборов – «избиратель», на вечеринке – «гость», в семье – «мать/отец», «дочь/сын», «жена/муж» и т. п. Смена социальных ролей происходит автоматически, поэтому человек может даже не осознавать, что в течение дня его поведенческие модели определены несколькими социальными ролями.

Дискурс определяет идентичность личности и социальный статус человека, так как он всегда предписывает ту позицию, которую в определенной ситуации следует занять человеку. Анализируя вербальные элементы стратегического дискурса, можно сказать, что одним из самых мощных инструментов, задействованных в создании идентичности, является модальность.

В лингвистике категория модальности может быть представлена номинально, например в словосочетании «модальные слова», и по существу как «семантика, выражающая субъективное волевое начало» [2, с. 119].

Проблема модальности может рассматриваться как «проблема самоопределения человека, когда он делает заявления, задает вопросы, вносит предложения, предъявляет требования» [3, с. 166]. М.А. Хэллидей считает, что «модальность представляет собой суждение говорящего о возможностях или рамках, которые определяют его речь» [4, с. 146]. Различные подходы к определению модальности сходятся в том, что модальность характеризует связь говорящего/пишущего и текста (в совокупности с его презентацией). Модальность тесно связана с категориями, принадлежащими прагматическому уровню. С этих позиций в категории модальности «усматривают отражение сложных взаимодействий между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью» [2, с. 121].

Мы рассматриваем модальность как семантическую категорию, которая выражает как отношение говорящего к содержанию высказывания, так и отношение содержания высказывания к действительности, а также целевую установку речи в целом и будем исходить из предположения, что средства модальности участвуют в *выдвижении* нужного смысла в рамках текстового целого. Под выдвижением понимаются способы формальной организации текста, которые фокусируют внимание читателя на определенных элементах сообщения, что облегчает декодирование текста и «создает такую упорядоченность информации внутри текста, благодаря которой читатель может расшифровать ранее неизвестные ему элементы кода» [5, с. 197].

Такое выдвижение можно назвать *прагматическим фокусом*, под которым понимается ядро (опорный центр) воздействующей прагматики текста. В образовании этого ядра принимают участие как оценочные компоненты, заключенные в лексико-семантическом пласте текста, так и грамматические способы выражения модальности. К.А. Серова определяет прагматический фокус как «прагмасемантическую категорию текста, в основе которой лежит определенный акт выбора, направленный на вычленение наиболее значимой, новой информации для контекста данной коммуникации, релевантность которой должна определяться в рамках той или иной прагматической установки» [6, с. 9]. Прагматический фокус является текстовой категорией, а это означает, что он имеет план содержания и план выражения. План содержания составляет «контекстуально значимая, релевантная информация, определяемая посредством выявления и анализа глубинной смысловой структуры текста, где происходит соединение эксплицитного и имплицитного значения языковых единиц разных уровней» [Там же. С. 10]. Для определения плана выражения данной текстовой категории следует анализировать весь комплекс языковых средств, взаимодействующих в рамках текста.

В.Е. Чернявская отмечает, что понятие «прагматический фокус» предполагает наличие в тексте определенного центра видения, который делает «изображаемый предмет наиболее отчетливым и выпукло „материализованным" в тексте и периферии видения, смещающего акценты в соответствии со значимостью того или иного языкового явления в текстовой системе» [5, с. 197]. Понятие прагматического фокусирования является интегративным, генерализующим.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что в совокупности со средствами, присущими стратегическому дискурсу, модальность является важным средством **прагматического фокусирования идентичности личности** реципиента текста.

Наша задача заключается в исследовании социальных ролей, которые предлагает реципиентам текста стратегический дискурс, и средств модальности, использованных для их презентации и акцентирования. Особый интерес для нас представляют не безличные социальные роли, а социально-демографические, поэтому в рамках настоящего исследования мы остановимся на процессе формирования идентичности личности реципиента текста – мужчины в современном мире.

В качестве источника иллюстративного материала использован порядок дискурса англоязычных версий популярных мужских периодических изданий – журналов «Men's Health» (издается с 1988 года) и «GQ» (основан в 1957 году как приложение к журналу «Apparel

Arts», позднее стал отдельным изданием). Эти американские журналы признаются влиятельными и обрели популярность и преданных подписчиков во всем мире, что позволяет авторам текстов в них пользоваться приемами стратегического дискурса при порождении текстов, которые публикуются в журналах, и таким образом влиять на формирование идентичности личности своих читателей.

Общее количество примеров иллюстративного материала, использованного в настоящем исследовании, составляет 300 примеров из статей, опубликованных в популярных мужских журналах. Примеры содержат, во-первых, языковые средства, формирующие идентичность личности реципиента текста, и, во-вторых, средства модальности, используемые для прагматического фокусирования идентичности.

Нами было установлено, что в текстах, являющихся предметом настоящего исследования, встречаются четыре основных способа выражения категории модальности:

1. Модальные глаголы: A good argument *may* keep you and your marriage healthy.

2. Категория глагольного наклонения: *Build* muscle naturally and *keep* all your parts going strong.

3. Придаточные предложения времени и условия в составе сложноподчиненных: If you're always wondering just how much happier you'd be with a wife who "didn't act like that" or who really understood you, stop focusing on alternatives; If it's [clothes] in good condition, donate it to charity.

4. Оценочная лексика: Every dad is *legendary*; *Unhappy* spouses also showed higher diastolic blood pressure.

Нами было установлено, что средства модальности способствуют формированию у реципиентов текста определенных стереотипных моделей поведения, иными словами, социальных ролей.

Как отмечалось нами ранее, социальная роль – это набор определенных факторов и поведенческих моделей, которые приняты и считаются нормой для людей, обладающих определенным социальным статусом, в обществе. Однако надо отметить, что она не заключена в определенные жесткие рамки, так как у разных людей отличаются картина мира, запас фоновых знаний, уровень образования, род деятельности и, как следствие, они по-разному воспринимают и перенимают социальные роли. Тем не менее общество заинтересовано в том, чтобы человек по мере необходимости (взросления) овладевал, исполнял и, если нужно, видоизменял социальные роли в соответствии с условиями жизни. Сейчас, главным образом, мы имеем в виду основные социальные роли: семьянин, работник, гражданин и т. д. Успешная реализация социальных ролей гарантирует полноценное и своевременное развитие личности и является залогом человеческого счастья. В обществе господствует мнение, что по-настоящему успешные люди имеют хорошую семью, преуспевают в профессиональном плане, принимают сознательное участие в делах государства.

Следует, однако, отметить, что в условиях современного общества происходит определенный сдвиг социально-демографических ролей в обществе, что вызывает усиленный интерес к исследованиям, носящим гендерный характер. Сегодня существуют два основных образа современного мужчины: маскулинный мужчина и метросексуал.

Под *маскулинностью* обществом понимается комплекс психологических и характерологических особенностей, традиционно приписываемых мужчинам: физической силы, силы духа, твердости характера, непоколебимости в принятии решений, жестокости и т. д.

В массовой культуре под маскулинностью понимается мужской образ в стиле «мачо» с соотношением силы, твердости, решительности, жестокости. Тем не менее в реальном историко-культурном контексте маскулинность не рассматривалась столь примитивно и однозначно. Начиная с эпохи Римской империи в понятие маскулинности включались и некоторые женские черты характера, например забота о близких, сострадание.

Термин «метросексуал» был введен журналистом М. Симпсоном в качестве противопоставления такого типа мужчин типу маскулинного мужчины. Термин служил для обозначения современного мужчины любой сексуальной ориентации, имеющего ярко выраженный эстетический вкус и тратящего подчас много времени и денег на совершенствование своего внешнего вида и образа жизни.

Сильное влияние на становление образа мужчины-метросексуала имеют тексты, принадлежащие к пласту стратегического дис-

курса. Их можно встретить в специализированных периодических изданиях для мужчин. Такие тексты пропагандируют видоизмененный, в сравнении с традиционным, образ жизни, культуру потребления, обновленную ценностную парадигму. Появление этого образа спровоцировало значительные изменения как во внешнем виде современного мужчины, так и в его социальной роли в семье.

Образ, которого придерживается мужчина, оказывает влияние на его положение в обществе и социальный статус. Представители образа маскулинного мужчины имеют стойкую позицию в культуре, пользуются большим признанием у женской половины общества. Мужчины такого типа в семейных и иных отношениях обычно имеют доминирующую социальную роль. Они активны, инициативны, к их мнению прислушиваются.

Образ мужчины-метросексуала сегодня имеет шаткую позицию в культуре. Это обусловлено в основном их женственностью и присущей таким мужчинам утонченностью, что также влечет за собой вторичный характер роли, которую они играют не только в семье, но и в целом в отношениях с людьми. Однако мы склонны считать, что тип мужчины-метросексуала представляет собой крайнюю степень вхождения в социальную роль *потребитель*, которая находит активное распространение в современном обществе, где, как известно, господствует консюмеризм.

В рамках проанализированных текстов нам удалось выделить три основные социальные роли, которые предлагает стратегический дискурс современному мужчине: мужчины маскулинного, мужчины-потребителя и мужчины-семьянина.

1. **Маскулинный мужчина.** В данном случае под маскулинностью мы рассматриваем более традиционные ее черты, т. е. решительность, твердость характера, готовность к любым (даже самым непредвиденным) жизненным ситуациям, уверенность в себе, успех на профессиональном поприще и в отношениях с людьми, включая отношения с противоположным полом, без учета семейных взаимоотношений, так как примеры, предлагающие реципиенту текста социальную роль примерного семьянина, любящего мужа и заботливого отца, достаточно многочисленны сами по себе, поэтому было решено выделить их в отдельную группу в рамках настоящего исследования.

Стратегический дискурс подсказывает реципиенту текста, насколько важно мужчине оставаться мужчиной в современном мире. Поэтому авторы таких текстов активно используют средства модальности, чтобы способствовать формированию у читателей идентичности личности, которая отвечает стереотипным представлениям общества о том, каким должен быть настоящий мужчина, и прагматическому фокусированию этой идентичности. В составе проанализированных примеров иллюстративного материала нами было выявлено 117 примеров, которые с помощью тех или иных средств модальности предлагают современному мужчине образ мужчины маскулинного (39 % от общего числа). К примеру:

• *There's nothing women find hotter than a man who knows what he wants.*

В данном примере для выдвижения смыслов, связанных с идентичностью личности современного мужчины, использованы грамматическая форма прилагательного *hot* (сравнительная степень) и гендерное противопоставление на лексическом уровне, акцентирующие внимание читателя не только на таком важном для мужчины качестве, как уверенность в себе, но и на значимости впечатления, которое складывается о мужчине у противоположного пола.

• *Ask a group of ladies what they look for in a man, and buzzwords fly. Confidence. Independence.*

На уровне лексических единиц (существительные *confidence, independence*, несущие в себе явно положительную оценку) реципиенту текста вновь указывается на то, что уверенность в себе и независимость – черты, отличающие маскулинного мужчину, а стилистические средства – парцелляция – помогают созданию прагматического фокуса на нужных авторам лексических средствах.

Основываясь на материале исследования, мы можем сделать вывод, что, несмотря на упомянутые ранее сдвиги в системе социально-демографических ролей в современном мире, общество продолжает ожидать от мужчин маскулинности и внедряет эту черту в их идентичность посредством стратегического дискурса.

2. **Мужчина-потребитель.** Тем не менее произошедшие в обществе изменения и смена стратегии с общества производства на общество

потребления дают о себе знать. Стратегический дискурс все чаще и увереннее предлагает современному мужчине роль потребителя, хотя ранее эта черта, бесспорно, считалась присущей скорее женщинам.

Современный мужчина следит за модой и следует ей, формирует свой собственный стиль в одежде, знает, как он хочет выглядеть и какими средствами он может этого достигнуть. Авторы же текстов стратегического дискурса активно помогают внедрению и распространению социальной роли мужчины-потребителя в массы с помощью средств модальности. Примеры, соответствующие данному критерию, составляют 31 % от общего числа (93 в количественном соотношении). К примеру:

• *Your scent follows wherever you go, so make a good first impression*.

Императив глагола *to make*, являющийся средством выражения предписывающей модальности, наводит реципиента на мысль о том, что в современном мире человек ценится не только за его интеллектуальный потенциал, креативность и личные качества, но и за внешний вид, что подчеркивается в предложении лексическими средствами (словосочетанием *good first impression*, являющимся одним из ключевых компонентов прагматического фокусирования идентичности в тексте). Это означает, что мужчины должны обращать внимание на мелочи, чтобы добиться успеха – одного из основных компонентов ценностной парадигмы консюмеризма.

• *Live a healthy life*.

Еще одним ключевым аспектом ценностной парадигмы современного общества является физическое здоровье. Более того, отсутствие здоровья сейчас считается немодным, так как это осложнит путь к успеху, поэтому стратегический дискурс посредством императива глагола *to live* со значением совета предписывает современному мужчине вести здоровый образ жизни.

Анализ приведенных примеров доказывает, что стратегический дискурс предлагает мужчине включить в состав идентичности своей личности черты, которые свойственны типичному представителю общества консюмеризма.

3. **Мужчина-семьянин.** Еще одна социальная роль, которую предлагает современному мужчине стратегический дискурс, – это роль мужчины-семьянина, мужчины, для которого в системе ценностей семья, дети, супруга стоят на первом месте. Несмотря на то что семья в современном обществе иногда рассматривается как фактор, указывающий на слабость мужчины, делающий его зависимым от других людей, многие продолжают считать семью залогом успешности состоявшегося как личность зрелого мужчины.

Тексты, принадлежащие к пласту стратегического дискурса, доказывают, что среди мужчин институт семьи не теряет популярности, так как 30 % примеров (90 в количественном соотношении) предлагают в качестве идентичности роль мужчины-семьянина. Например:

• *The safest cities for children*.

Современный мужчина заботится не только о себе, но и о своей жене, а главное – о детях, благополучие и здоровье которых остается одним из основных пунктов в системе ценностей даже самого независимого и уверенного в себе мужчины. Именно безопасность детей является прагматическим ядром приведенного предложения, которое создается благодаря использованию оценочных лексических средств – прилагательного *safe* в превосходной степени.

• *In today's culture, with many wives working outside the home, a role-based paradigm no longer works.*

Средства модальности на уровне гендерного противопоставления, которое достигается лексическими средствами (словосочетанием *working wife*, которое сейчас несет в себе нейтральную или положительную оценку), напоминают реципиенту текста о смещающихся в современном обществе социально-демографических ролях, доказательство чему также приводится в тексте предложения: *a role-based paradigm no longer works*.

Все сказанное выше означает, что институт семьи сохраняет свою важность в современном обществе и, вероятно, набирает популярность. Поэтому важно, чтобы и мужчины, и женщины считали социальные роли мужа/жены, отца/матери, сына/дочери одними из ключевых в составе своей идентичности в целях достижения личного благополучия и улучшения жизни всего общества.

В рамках проведенного исследования можно сделать вывод, что стратегический дискурс предлагает реципиенту текста три социальные роли: маскулинного мужчины, мужчины-по-

требителя и мужчины-семьянина. Особенности этих социальных ролей и их анализ позволяют выявить основные компоненты ценностной парадигмы современного мужчины, к примеру успех в профессиональном плане, успешные отношения с противоположным полом, семейное благополучие, эмоциональное, психологическое и физическое здоровье, финансовое благополучие, забота о своей внешности и т. п., а также сдвиги, произошедшие в ценностной парадигме, свойственной обществу консюмеризма: важность успеха в профессиональном плане для женщин, озабоченность мужчин своим внешним видом, модой и стилем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Jorgensen M.W., Phillips L.** Discourse Analysis as Theory and Method. L.: SAGE Publications, 2002. 229 p.

2. **Краснова Т.И.** Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.

3. **Fairclough N.** Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. L.; N. Y.: Routledge, 2003. 270 p.

4. **Хэллидей М.А.** Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания // Новое в зарубеж. лингвистике. 1978. № 8. С. 138–149.

5. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

6. **Серова К.А.** Прагматический фокус и перспектива в словесном портрете в английской прозе XX века (на материале романов В. Вулф и Д. Фаулза): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. 189 с.

E.V. Kalinova

MEANS OF SOCIAL IDENTITY FORMATION FOUND IN THE ENGLISH MASS MEDIA

KALINOVA Elena V. – *Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.*
Nab. Severnaya Dvina, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia
e-mail: violator_j@mail.ru

This article is dedicated to the study of means of modality which can be found in the texts of English periodicals and their influence on the formation of recipient's identity. Identity is not a monolithic item, it consists of various components which are commonly referred to as social roles. Due to the shift from the industrial society to the consumer society there can be also seen a shift of social roles. This shift is influenced by different types of discourses, including strategic discourse. Periodicals can be seen as a part of strategic discourse as one of their main functions is ideological. It means that they are a powerful tool used for the identity formation.

STRATEGIC DISCOURSE; MODALITY; IDENTITY; PRAGMATIC FOCUS; SOCIAL ROLE.

REFERENCES

1. Jorgensen M.W., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. London, SAGE Publications, 2002. 229 p.

2. Krasnova T.I. *Sub'ektivnost' – modal'nost'* [Subjectivity – Modality (Active Grammar Material)]. St. Petersburg, SPbSUEF Printing House, 2002. 189 p. (In Russ.)

3. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, New York, Routledge, 2003. 270 p.

4. Halliday M.A. [The Place of "Sentence Functional Perspective" in the Linguistic Description System]. *New of Foreign Linguistics*, 1978, no. 8, pp. 138–149. (In Russ.)

5. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the Text: Multicoding, Intertextyality, Interdiscoursivity]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 248 p. (In Russ.)

6. Serova K.A. *Pragmaticheskiy fokus i perspektiva v slovesnom portrete v angliyskoy proze XX veka*. Dokt. dis. [Pragmatic Focus and Perspective in Verbal Description in the English Fiction of the XX cent.: Found in Books by V. Woolf and J. Fowles. Doct. diss.]. St. Petersburg, 1996. 189 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 316.752 : 365.274

С.В. Виньков

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЖИЛИЩНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ»

ВИНЬКОВ Сергей Викторович – *сотрудник Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН; менеджер Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*
Россия, 127994, Москва, Большой Каретный пер., 19; Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20
e-mail: svinkov@hse.ru

В статье рассматривается жилище как значимый фактор социализации людей. Обосновывается его роль в создании и актуализации ряда социальных норм и правил поведения, рамок для социальных коммуникаций. Целью исследования является раскрытие предпосылок для изучения жилищной социализации. В основных подходах к изучению социализации и жилища используются общенаучные методы анализа и синтеза информации. Предлагается определить жилищную социализацию человека как процесс формирования социального опыта по удовлетворению потребности в жилище в течение всей жизни, описаны структура и функции данного процесса.

ЖИЛИЩЕ; ЖИЛИЩНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ; СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ; ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ; ФУНКЦИИ ЖИЛИЩА.

С позиций библеистики появление жилища рассматривается как результат грехопадения человека, изменения условий существования в природной среде и необходимости защиты от внешних воздействий. Жилище эволюционировало на протяжении становления человеческой истории от примитивных форм – пещер, ям, шалашей – до современных строений, отличающихся архитектурным и инженерно-техническим многообразием решений [2, с. 10]. Однако независимо от причин появления жилища абсолютным фактом остается то, что жилище – неотъемлемая часть всей человеческой истории, минимальная жилая единица, формирующая поселения и города цивилизаций, изменяя человека и трансформируясь во времени.

В контексте совершенствования жилищ в обществе образуется пласт определенных норм и ценностей, которыми человек руководствуется в течение всей жизни, удовлетворяя свою потребность в жилище; помимо этого, жилище становится частью социальных ценностей [28, с. 138]. Процесс удовлетворения человеком своей потребности в жилище заслуживает специального исследования, поскольку позволяет внести вклад в развитие теорий социализации человека и способен предложить аргументацию возникновения проблем в освоении человеком тех или иных жилищных норм и ценностей, его жилищного статуса.

Таким образом, возникают предпосылки для изучения процесса формирования социального опыта по удовлетворению потребности в жилище, который можно именовать жилищной социализацией. Раскрытие содержания данного процесса обеспечивают основные исследовательские подходы к изучению социализации и значимости жилища в жизнедеятельности человека.

Понимание жилища и его социокультурные модели

Обыденное понимание жилища опирается на представление его как объекта материально-вещественной среды, здания или строения, что в английском языке наиболее четко передается словами «housing» и «house». В то же время наравне с жилищем довольно часто используется понятие дома (home). В отдельных случаях эти понятия синонимичны, но в ситуации, когда требуется выразить сопричастность к чему-то большему, что выходит за рамки материаль-

но-технических конструкций, в русском языке наибольшее распространение получают выражения со словом «дом», а не «жилище» (например, «Дом согревает не печь, а любовь и согласие», «Моя страна – мой дом родной» и мн. др.). Получается, что дом представляет собой нечто большее, чем просто результат материального производства человека или условие его существования, он может включать в свое содержание различные фрагменты географического и социального пространства.

В.П. Козырьков указывает, что «с социологической точки зрения дом выражен социальными институтами, которые в их совокупности представляют публичные стороны домовой структуры: домашнее хозяйство, быт, брачно-семейные отношения, семейные традиции и др.» [9, с. 307], и выделяет четыре социокультурные модели дома как социального института, который проявляет себя как дом лишь при взаимодействии с другими социальными институтами [8]. В его работах подчеркивается увеличивающаяся значимость жилища как фактора в развитии социальных процессов и культуры общества.

В *индивидуально-ностальгической модели* дома В.П. Козырькова жилище представляет собой выражение «внутреннего уюта» и отождествляется со всей сферой частной жизни [Там же. С. 220]. Господство публичной сферы над частной находит свое отражение в *публизированной модели* дома, описывающей влияние общественных институтов и государства на порядок доступа к жилищу, правила эксплуатации жилища и процедуры оплаты за проживание, использование жилищно-коммунальных услуг [Там же. С. 221]. *Органическая модель* рассматривает дом как экологическую нишу, в которой проецируются биотическое и духовное содержание человека и его природного окружения [Там же. С. 222]. Специфика отношений между мужчинами и женщинами внутри и вне дома, их связь с жилищем раскрывается в рамках *гендерной модели* дома. Из представленных моделей следует расширенное понимание дома, обосновывается универсальная взаимосвязь дома со всем социокультурным пространством человека, экологией и географией.

Ф. Бродель в первом томе своего классического труда [3] в качестве генерального тезиса проводит идею о высоком значении географического положения, климата, наличия исходных ресурсов, целей потребления (роскошь или необходимость), места проживания (город или село) в истории становления материальных цивилизаций. Географический фактор взаимодействия человека с окружающим миром может быть рассмотрен как в группе макрофакторов, так и в группе мезофакторов социализации, выделенных А.В. Мудриком [11, с. 50]. Макрофакторы включают в себя принадлежность к этносу, государству, а мезофакторы описывают условия социализации по местности, внутри поселения, которые неразрывно связаны с географическими характеристиками среды становления человека. Развивая логику А.В. Мудрика, можно предположить, что жилище, в таком случае, будет относиться к группе микрофакторов, определяющих непосредственные условия становления человека.

Жилище выступает не просто средой становления человека, но одновременно служит инструментом социализации [25, с. 183]. Архитектурные и инженерно-технические особенности жилых строений задают основу формирования правил его эксплуатации, культурные нормы и ценности порождают особые отношения (смыслы) к отдельным частям жилого пространства, специфика организации жилого пространства (количество дверей, наличие стен или их отсутствие, наличие предметов быта) обусловливает построение коммуникации среди людей, использующих жилище.

В результате анализа основных направлений интерпретации жилища и дома становится очевидным, что эти понятия синтезирующие, способные вбирать в себя не только характеристики материально-вещественной природы, но и структуры социального порядка. Наряду с этим важно подчеркнуть, что использование термина «домашняя социализация» заведомо ограничено и включает описание отношений, происходящих внутри дома. Жилищная социализация расширяет спектр социальных отношений, поскольку охватывает сферу не только в конкретном жилом пространстве, но и за его пределами, а также рассматривает жилище как потребность человека.

Ключевые подходы в изучении социализации

Исследование процесса социализации с позиций различных научных дисциплин (философия, социология, психология, педагогика и др.)

порождает большое количество определений и формирует междисциплинарный взгляд на данное явление социальной жизни человека. Подобные определения различаются между собой по акцентам, в которых ученые пытаются обозначить основное содержание социализации: усвоение культуры; усвоение норм и ценностей; усвоение ролей и норм; воспроизводство и усвоение опыта; усвоение образцов поведения, норм и ценностей [5, с. 325]. Из всех существующих определений важно подчеркнуть два аспекта, отражающие пассивную и активную роль человека. С одной стороны, человек является субъектом усвоения норм, ценностей, ролей, опыта, а с другой – принимает участие в их воспроизводстве.

В обзоре теорий социализаций, представленном А.И. Ковалевой, отмечается, что Г. Тард предпринял одну из первых попыток характеристики социализации как процесса включения индивида в нацию, народ, достижение сходства в языке, образовании, воспитании с другими индивидами, составляющими общества [10, с. 139]. В дальнейшем теории социализации строились на основе различных подходов к интерпретации роли объективных и субъективных факторов, к трактовке индивидуального или общественного как первичной реальности.

Весомый вклад в научную рефлексию социализации внесли: концепция К. Маркса о сущности человека как совокупности общественных отношений, где социальная среда выступает одновременно условием и результатом человеческой деятельности; объективистский подход Э. Дюркгейма о биосоциальной природе человека, в которой способности, биологические функции, страсти, импульсы находятся в противоречии с социальными нормами, ценностями, идеалами; идеи Ф. Гиддингса об определяющей роли социального принуждения, которые показывают как общество, создавшее человека, преобразовывается человеком; соображения У. Джемса о сбалансированности между притязаниями индивида и его достижениями, оказывающими воздействие на самооценку личности либо к дисгармонии, либо к успешному развитию [Там же. С. 139–140]. Анализ научного вклада упомянутых классиков приводит к пониманию значимости изучения практической деятельности, обеспечивающей людей пищей, одеждой, жильем. Социальные отношения, возникающие в процессе производства, основываются на собственности и служат источником классовых противоречий. Отсутствие права собственности на средства производства (экономически значимые ресурсы) определяет позицию зависимости класса «неимущих», эксплуатируемого в качестве рабочей силы. Таким образом, наличие комфортабельного жилища в собственности, как правило, сопровождается различиями в классовой принадлежности, в персональных качествах – уровне образования, профессиональной принадлежности и т. п. Такого рода собственность свидетельствует о том, что владелец, помимо этого, имеет значительные материальные активы, способные покрывать необходимые расходы проживания в подобном жилище. Комфортное жилье позволяет удовлетворять потребности более высокого порядка, не уделяя внимания более рутинной работе (набор воды из колодца и т. п.). Классовая принадлежность и биологические характеристики индивида формируют и задают вектор развития его траектории социализации.

Психоаналитическая концепция З. Фрейда представляет совокупность «защитных механизмов», призванных обеспечить целостность и стабильность личности в процессе социализации [Там же. С. 140]. П.А. Сорокин обращает внимание на действие социопсихических раздражителей на поведение человека в процессе социализации, разделяя их на простые и сложные. К простым он относит идеи, чувства-эмоции, волнения, а к сложным – материальную культуру, явление власти, богатство, деньги и т. п. [17, с. 134]. Открытый перечень психосоциальных раздражителей П.А. Сорокина позволяет также включить жилище в группу сложных раздражителей, формирующих поведенческие модели индивида. Так, факт наличия жилища создает уверенность в завтрашнем дне и одновременно может создавать страхи об его утрате, волнения по поводу безопасности жилища. В свою очередь, подход З. Фрейда позволяет объяснить механизм психической регуляции человеческого поведения. Н. Смелзер выделил четыре психологических механизма социализации (имитация, идентификация, стыд и вина) [16, с. 120]. Проанализированные им механизмы вполне могут быть использованы при изучении знакомства детей с жилищной культурой человека, однако среди людей стар-

ших возрастов действие подобных механизмов проследить сложно.

Т. Парсонс определяет социализацию как первичное средство поддержания социального равновесия, где посредством интериоризации общепринятых норм происходит интеграция индивида в социальную систему, а с помощью социальной адаптации происходит кристаллизация самых важных дифференцированных ролей в одном и том же индивиде [10, с. 140]. Парсоновская традиция, видимо, обеспечивает узкую трактовку понятия «адаптация», рассматривая последнюю как механизм социализации. В широком смысле, М.А. Шабанова рекомендует понимать под адаптацией одновременно «процесс и результат взаимодействия индивида (группы) с кардинально изменяющейся социальной средой, в ходе которого постепенно согласуются требования и ожидания обеих сторон, так что индивид получает возможность выживания (и не только, но еще и процветания), а макросреда – воспроизведения и вступления в иную, восходящую стадию» [21, с. 82]. Определение М.А. Шабановой дает основание для вывода, что социальная адаптация и социализация – это два различных процесса, описывающие активность человека в различных контекстах. Парсоновский подход к социализации позволяет изучать процесс усвоения индивидом жилищных норм и ценностей, в результате которого человек обретает различные роли, вытекающие из жилищных отношений (арендатор, хозяин, собственник) и, в случае успешного освоения норм, интегрируется в общество.

«Критическая теория социализации» Ю. Хабермаса представляет человека как сочетание двух «частей» его личности, где одна выражает общественную сущность индивида, а вторая дистанцирует его от господствующей в обществе системы ролей, норм, ценностей, позволяя критически относиться к элементам социальной среды, препятствующим самоутверждению человека [10, с. 140]. Критическая теория может использоваться в контексте изучения процесса освоения человеком жилищного пространства, его противостояний между частной и публичной сферами бытия, создания жизненного мира личности.

Среди отечественных ученых, внесших вклад в развитие концептуальных подходов к исследованию социализации, необходимо упомянуть Г.М. Андрееву и В.А. Ядова. Г.М. Андреевой было замечено, что в процессе социализации происходит не только освоение и воспроизводство социального опыта, но и преобразование, продвижение его на новую ступень [Там же. С. 141]. Данное замечание ценно для объяснения случаев, когда человек, не имеющий опыта проживания и навыков обращения с собственным жилищем, неожиданно получает возможность его использования. Поскольку у него не сформированы навыки хозяйствования в данном типе жилища, возникают риски, связанные с безопасностью жилища, угрозы существования для самого человека при неосторожном обращения с огнем, электричеством и т. п. В.А. Ядов разработал диспозиционную теорию регуляции поведения, в рамках которой признаются различные состояния и различные уровни предрасположенности или предуготовленности человека к восприятию условий деятельности, его поведенческих готовностей, направляющих деятельность. Иными словами, поведение человека объясняется с учетом диспозиций, представляющих собой продукт «столкновения» потребностей и ситуаций (условий), в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены [24]. Диспозиционная теория позволяет говорить об обусловленности человеческого поведения, и, следовательно, при необходимых условиях человек может избегать, предотвращать риски и угрозы.

Вместе с тем А.В. Мудрик дифференцирует механизмы социализации на четыре группы:

1) традиционный (стихийный) – происходит усвоение человеком норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, характерных для его семьи и ближайшего окружения (соседи, приятели);

2) институциональный – функционирует во взаимодействии с организациями, общественно значимыми структурами (СМИ, школа, производственные предприятия);

3) стилизованный – действует в рамках определенной субкультуры;

4) межличностный – проявляется в процессе взаимодействия человека со значимыми для него людьми [11, с. 55–56].

Обзор основных подходов к анализу социализации часто демонстрирует:

- значительные расхождения в понимании процесса и механизмов социализации;

• обусловленность социализации в основном социальными факторами;

• зависимость социализации от целенаправленного влияния на развитие человека.

В результате очевиден факт, что большинство теорий социализации практически не учитывают влияния объектов материальной культуры на становление человека и его социализацию. Однако каждый из подходов содержит в себе эвристический потенциал, позволяющий построить отдельные интерпретации и рассуждения применительно к отношениям между человеком и жилищем. Для рассмотрения социализации в контексте материальной культуры человека с исследовательской точки зрения имеет значение диспозиционная теория В.А. Ядова. В его теории используется иерархия диспозиций в привязке к потребностям и ситуациям (от низших до высших), объясняющая последовательность формирования действий человека (поведенческий акт, поступок, серия поступков, деятельность). Поскольку жилище возможно представить в виде потребности, то именно оно в данном случае и будет конституировать процесс по формированию социального опыта, так называемой жилищной социализации.

Концептуализация жилищной социализации

Жилище определяет условия, уровень и образ жизни людей [1, с. 91]. О.Б. Хохлов, подчеркивая жизненную необходимость жилища для человека, выделяет ряд функций жилища, главной из которых является использование *жилья как блага*, поскольку оно позволяет удовлетворять основные витальные потребности человека [20, с. 13–16]. Наряду с этим жилье выполняет *функцию товара*, где жилище выступает как объект продажи или обмена. Другой функцией жилища выступает его *коммерческое использование*, в частности предоставление жилища в аренду, где данная функция объединяет в себе функции использования жилища как блага и товара одновременно. Другими словами, О.Б. Хохлову удалось определить биологическую и экономическую функции жилища.

Биологическая функция, позволяющая поддерживать жизнедеятельность человека, также подчеркивается О.В. Котовой и Т.Ю. Овсянниковой [13, с. 244]. Вместе с тем они объясняют содержание *социальных функций* жилища, обращая внимание на способность жилой среды влиять на поведение человека и регулировать его, выполнять функции механизма передачи культурных норм, выступать мотивацией того или иного поведения, выражать и регулировать межличностные отношения, служить социальным идентификатором, обозначая вкусы и привычки, ценностные ориентации, социальный статус и другие черты владельца или обитателя [Там же. С. 245]. С учетом того, что жилище является частью техносферы, исследователями также выделены *технические функции* жилища, обеспечивающие комфортную среду обитания человека за счет систем энерго- и водоснабжения, кондиционирования. В условиях стремительного развития высоких технологий биологические и социальные функции жилища получают новое содержание, так как «hi-tech облегчает основные процессы жизнедеятельности, высвобождая время для творчества и развития способностей, „убежище", оснащенное современными системами безопасности, становится еще более надежным, потребность в общении и самовыражении благодаря Всемирной паутине не ограничена стенами жилища» [Там же. С. 246].

При дальнейшем анализе функций жилища (house) актуальной становится потребность исследований дома (home). В некоторых случаях эти два понятия являются взаимосвязанными и несколько синонимичными понятиями. Дом может быть представлен как социальная точка в системе координат оседлого человечества и включать в себя такие категории, как собственность, брак, семья и т. п. Из исследования С.В. Климовой об архетипических функциях дома стоит отметить *смыслообразующую функцию*, задающую ракурс видения социальной реальности, культурную призму, сквозь которую осуществляется восприятие окружающей действительности. С.В. Климова объясняет, что высокая культура освоения пространства выступает фундаментальной стратегией социума [7].

О смысле пространства размышляет А.Ф. Филиппов, делая вывод, что социальная значимость и смысл пространства прослеживаются в практиках социальной жизни, которые отдельные фрагменты пространства порождают [19, с. 116]. При таком подходе дом (жилище) становится подлинно социально значимым фрагментом пространства, поскольку

является местом, территорией и границей ряда социальных практик человека (от частных до публичных). При этом вполне вероятно, что преодоление дефицита личного пространства способствует обретению новых смыслов самого существования человека и повышению качества его жизни [18, с. 127].

Как было отмечено ранее, понимание жилища не ограничивается только инженерно-техническими характеристиками строений, но также включает в себя характеристики места. Известная фраза «Мой дом – моя крепость», заимствованная из англосаксонской юридической практики XVII века, описывает связь жилища с прилегающей территорией, местом, где располагается это жилище [27, с. 65]. Отдельные исследования свидетельствуют, что социальный статус индивида зависит от места его проживания [4, с. 386].

Отношения в современных обществах, образованные в результате удовлетворения человеком своей потребности в жилище, позволяют определить жилищный статус человека. Для этой цели можно использовать концепцию социальной жилищной лестницы, разработанную Е.С. Шоминой. Жилищная лестница – это семь ступеней по восходящей, каждая из которых представляет собой тот или иной статус человека в системе жилищных отношений (от бездомного до владельца собственного дома)[1]. По сути, социальная жилищная лестница позволяет обозначить основные статусы, которые человек осваивает в процессе социализации. Собственно, данный процесс, в результате которого человек осваивает тот или иной статусно-ролевой набор, связанный с удовлетворением своей потребности в жилище, вполне возможно трактовать как жилищную социализацию.

Впервые в отечественной научной литературе понятие «жилищная социализация» встречается в работе И.Б. Назаровой [12]. Оно употреблено его для описания опыта решения жилищных проблем сирот (отсутствие жилища, низкое качество жилья и др.), которые ограничивают социальную мобильность, препятствуют адаптации, социальной реабилитации и негативно влияют на интеграцию сирот в общество [12, с. 178]. В зарубежных исследованиях аналогичное понятие «housing socialization» встречается в исследовании Р. Роуландс и К. Герни, которые объясняют, каким образом у молодежи складываются жилищные установки, опосредованные влиянием СМИ, сверстников и родителей [26]. Если в работе И.Б. Назаровой не предпринимается попыток теоретического обоснования содержания введенной ею категории, то Р. Роунландс и К. Герни раскрывают понятие посредством теории габитуса П. Бурдье и концепции общества потребителей З. Баумана, а также делают вывод, что жилищные предпочтения являются продуктом жилищной социализации. С одной стороны, они объясняют, что использование жилища подразумевает его «потребление» и, для того чтобы стать потребителем, необходимо обладать культурным капиталом, который формируется в процессе социализации. С другой стороны, формирование вкусов и предпочтений происходит под влиянием габитуса.

В определении Н.А. Шматко, ведущего исследователя наследия П. Бурдье в России, «габитус есть структурированная система диспозиций – система действий, восприятия, мышления, оценивания и выражения, – предрасположенная функционировать как структурирующая структура» [22, с. 61]. Она поясняет, что габитус генерирует и структурирует социальные практики с определенным запозданием, являясь «посредником» между «социальными отношениями» и «агентом». Например, если социальные отношения изменились или агент изменил свою позицию в них, агент по-прежнему продолжит воспроизведение социальных отношений, сформировавшихся его габитусом. В качестве иллюстрации этого примера можно рассмотреть ситуацию, когда молодой человек, живший ранее в приюте, начинает жить самостоятельно в собственном доме. В условиях отсутствия соответствующего габитуса, характерного для агента-собственника жилища, возникает риск неадекватного использования и распоряжения жилищем.

Обобщая основные предпосылки разработки понятия «жилищная социализации», будет

[1] Бездомный (житель приюта); сквоттер (захватчик чужого жилища); квартиросъемщик в муниципальном доме; квартиросъемщик в частном доме; член жилищного кооператива; собственник квартиры в кондоминиуме; собственник индивидуального дома [См. подробнее: 23, с. 67].

справедливым обозначить, что ни одно определение не способно отразить всех аспектов данного явления. Каждое возможное определение жилищной социализации будет связано с исследовательским подходом, в рамках которого предпринимается попытка формулировки содержания данного понятия и предмета, лежащего в основе этого процесса. Например, вероятные формулировки жилищной социализации могут обозначать процесс усвоения жилищных норм и правил; усвоения жилищной культуры общества; освоение жилищных ролей и статусов и т. п. Однако на текущий момент вполне достаточно ограничиться определением жилищной социализации как процесса формирования социального опыта по удовлетворению потребности в жилище. При этом, безусловно, жилищные нормы и ценности выступают предметом этой социализации, так как «ценности – объективный продукт жизнедеятельности общества, не зависящий от воли и сознания отдельных субъектов познания», ценности служат ориентиром в достижении целей человека [6, с. 10].

Жилищная социализация – это процесс длиною в жизнь (lifelong process), поскольку потребность в жилище фундаментальна и сопровождает человека на протяжении всей его жизни, выполняя, как минимум, три функции:

1) нормативно-регулятивную, направленную на формирование и регуляцию жизнедеятельности человека в процессе использования, владения и распоряжения жилищными объектами, жилищным пространством;

2) ценностно-ориентационную, позволяющую усваивать и воспроизводить систему ценностей и наделять особыми смыслами объекты материально-вещественной природы (к примеру, «мой дом – моя крепость», «храм – дом Божий»);

3) творческую, реализующуюся в процессе преобразования актором жилищного пространства в соответствии с его вкусовыми предпочтениями или мировоззренческими ориентациями (дизайн жилища, ландшафтный дизайн); организуются правила использования жилища как места рекреации и автономии личности.

Жилищная социализация как процесс может быть выражена в качестве структуры, содержащей в себе следующие элементы: предмет (жилищные ценности и смыслы, роли и статусы); средства (жилищные нормы и правила); агенты (рынок, школа, семья, культура и т. п.) и среда (география, территория, пространство и т. д.). Как и у любого процесса, у жилищной социализации есть начало и конец. Однако выделение этапов жилищной социализации на основе общеизвестных возрастных периодизаций или деление на первичную и вторичную не является целесообразным. Поскольку жилищная социализация – глубоко индивидуализированный процесс, для разных людей он будет протекать по-разному, его довольно сложно представить линейно. Генерализация данного процесса вполне возможна на уровне групп, объединенных общими признаками (например, сироты – семейная депривация), но это потребует отдельного исследования, как и выявление четкого механизма и закономерностей, происходящих в рамках жилищной социализации. К тому же, в последующих исследованиях необходимо учитывать, что концепт механизма социализации является продуктом реконструкции и смысловой интерпретации, а не результатом эмпирического исследования [15, с. 15]. Вполне вероятно, что предложенная структура будет использована в дальнейших исследованиях прикладного характера.

Таким образом, анализ функций жилища и описание отношений, возникающих в процессе удовлетворения человеком потребности в жилище, позволили сформулировать определение жилищной социализации, выделить структуру и функции данного процесса.

Резюмируя содержание вышеизложенных рассуждений, можно сделать три важных вывода.

1. Жилище, являясь фактором социализации человека, задает широкий спектр формирования социальных норм и правил поведения. Данные нормы и правила будут зависеть как от культурно-исторического контекста, так и от материально-технической основы развития общества.

2. Процесс формирования социального опыта по удовлетворению потребности в жилище можно именовать как «жилищная социализация» в самом широком смысле, включая сюда не только освоение норм и правил создания жилища, его эксплуатации, но и способы удовлетворения эстетических и социальных потребностей внутри самого жилища.

3. Жилищная социализация происходит под влиянием агентов социализации (от родителей индивида до организационных структур), она также обусловливает формирование статусно-ролевого набора индивида (например, бездомный, сквоттер, хозяин, квартиросъемщик и т. п.) на различных этапах жизнедеятельности человека, что может представлять собой отчасти и результат данного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Айзинова И.М.** «Жилищный вопрос» в трех измерениях // Проблемы прогнозирования. 2007. № 2. С. 90–115.

2. **Балакина Л.А.** Первые жилища человека в библейской истории // Изв. КГАСУ. 2006. № 2. С. 8–11.

3. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Время мира / пер. с фр. Л.Е. Куббеля, вст. ст. и ред. Ю. Афанасьева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. 624 с.

4. **Вильковский М.** Социология архитектуры. М.: Русский авангард, 2010. 592 с.

5. **Виньков С.В.** Типологический анализ определений социализации // Вестн. Орловского гос. ун-та. Сер. Новые гуманит. исслед. 2011. № 3. С. 320–325.

6. **Добреньков В.И.** Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 5–23.

7. **Климова С.В.** Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома // Web-кафедра филос. антропологии. URL: http://http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html (дата обращения: 25.04.2014).

8. **Козырьков В.П.** Социокультурные модели дома // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2006. № 1. С. 219–227.

9. **Он же.** Теоретические проблемы становления социологии дома // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 1. С. 301–309.

10. **Ковалева А.И.** Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 139–143.

11. **Мудрик А.В.** Социализация человека: учеб. пособие. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 624 с.

12. **Назарова И.Б.** Адаптация и возможные модели мобильности сирот. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. № 120. 240 с.

13. **Овсянникова Т.Ю., Котова О.В.** Жилище в системе личных и общественных ценностей // Вестн. ТГАСУ. 2004. № 1. С. 241–251.

14. **Понежа Г.А.** Философские, социологические основы понимания современной концепции социализации // Территория науки. 2006. № 1 (1). С. 99–104.

15. **Проблемы** социализации: история и современность: учеб. пособие / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая [и др.]. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 216 с.

16. **Смелзер Н.** Социология: [пер. с англ.]. М.: Феникс, 1994. 688 с.

17. **Сорокин П.А.** Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.

18. **Софронова Ю.Л.** Человек и его жилище: направления социологического анализа // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2007. № 3 (8). С. 126–131.

19. **Филиппов А.Ф.** Социология пространства. М.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

20. **Хохлов О.Б.** Оценка эффективности проектов и программ реновации жилищного фонда: дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2006. 189 с.

21. **Шабанова М.А.** Социальная адаптация в контексте свободы // Социол. исслед. 1995. № 9. С. 81–88.

22. **Шматко Н.А.** «Габитус» в структуре социологической теории // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 59–69.

23. **Шомина Е.С.** Городские общественные движения на разных фазах развития гражданского общества: сравнительный анализ жилищного движения в России и за рубежом: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М.: Изд-во РГБ, 2001. 385 с.

24. **Ядов В.А.** О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методолог. проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89–105.

25. **Bartlett S.N.** Housing as a factor in the socialization of children: a critical review of the literature // Merrill-Palmer Quarterly. 1997. No. 43 (2). P. 169–198.

26. **Rowlands R., Gurney C.M.** Young peoples? Perceptions of housing tenure: a case study in the socialization of tenure prejudice // Housing, Theory and Society. 2000. No. 17 (3). P. 121–130.

27. **Mallett S.** Understanding home: a critical review of the literature // The Sociological Review. 2004. No. 52 (1). P. 62–89.

28. **Wirth L.** Housing as a field of sociological research // American Sociological Rev. 1947. No. 2 (12). P. 137–143.

S.V. Vinkov

THEORETICAL GROUNDS OF THE CONCEPT "HOUSING SOCIALIZATION"

VINKOV Sergey V. – *A.A. Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics.*

Bol'shoi Karetnyi per., 19, Moscow, 127994, Russia; Myasnitskaya ul., 20, Moscow, 101000, Russia

e-mail: svinkov@hse.ru

The article regards housing as a significant factor of human socialization. It substantiates the role of housing in creating and updating certain social norms and behavioral patterns, guidelines for social communications. The objective of the research is to determine the background for studying housing socialization. The main approaches to studying socialization and housing apply general research methods of analysis and synthesis of information. Housing socialization is proposed to be defined as a process of forming a social experience with regard to satisfying the housing need of a person for a lifetime. The structure and functions of this process are described.

HOUSING; HOUSING SOCIALIZATION; SOCIAL NORMS; SOCIALIZATION THEORIES; FUNCTIONS OF HOUSING.

REFERENCES

1. Ayzinova I.M. ["Housing issue" in three dimensions]. *Problemy Prognozirovaniya* [Forecasting Issues], 2007, no. 2. pp. 90–115. (In Russ.)

2. Balakina L.A. [First dwellings of men in the Bible]. *Izvestiya KGASU* [News Bulletin of Kazan State University of Construction and Architecture], 2006, no. 2, pp. 8–11. (In Russ.)

3. Brodel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries]. Vol. 1. [World Time]. Moscow, Progress Publ., 1986. 624 p. (In Russ.)

4. Vilkovsky M. *Sotsiologiya arkhitektury* [Sociology of Architecture]. Moscow, Russky avangard Publ., 2010. 592 p. (In Russ.)

5. Vinkov S.V. [Definition of Socialization: An Attempt of Typological Analysis]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo univ.* Ser. Novye gumanitarnye issledovaniya. [Orel State University Bulletin. Ser. New Humanitarian Research], 2011, no. 3, pp. 320–325. (In Russ.)

6. Dobrenkov V.I. [Value oriented sociology. Focus on problem]. *Vestnik Moskovskogo univ.* Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin Ser. 18. Sociology and Politology], 2012, no. 4, pp. 5–23. (In Russ.)

7. Klimova S.V. [Social and philosophical aspects of analyzing archetypical house function]. *Web-kafedra filosofskoy antropologii*. Available at: http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html (accessed 25.06.2014). (In Russ.)

8. Kozyrkov V.P. [Sociological house models]. *Vestnik Nizhegorodskogo univ. im. N.I. Lobachevskogo*. Ser. Socialnye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky. Ser. Soical Sciences], 2006, no. 1, pp. 219–227. (In Russ.)

9. Kozyrkov V.P. [Theoretical problems of developing housing sociology]. *Lichnost'. Kultura. Obshhestvo* [Personality. Culture. Society], 2009, vol. XI, no. 1. pp. 301–309. (In Russ.)

10. Kovaleva A.I. [Socialization]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 2004, no. 1, pp. 139–143. (In Russ.)

11. Mudrik A.V. *Sotsializatsiya cheloveka* [Socialization of an Individual]. Moscow, MPSI Publ.; Voronezh, MODEK Publ., 2010. 624 p. (In Russ.)

12. Nazarova I.B. *Adaptatsiya i vozmozhnye modeli mobilnosti sirot* [Adaptation and Possible Mobility Models for Orphans]. Moscow, Moscow public scientific fund Publ., 2000. No. 120. 240 p. (In Russ.)

13. Ovsyannikova T.Yu., Kotova O.V. [Housing within the Framework of Personal and Public Values]. *Vestnik TGASU* [Tomsk State University of Construction and Architecture Bulletin], 2004, no. 1, pp. 241–251. (In Russ.)

14. Ponezha G.A. [Philosophic And Sociological Grounds For Understanding The Modern Concept Of Socialization]. *Territoriya nauki* [Territory of Science], 2006, no. 1 (1), pp. 99–104. (In Russ.)

15. Belinskaya E.P., Tukhomandritskaya O.A. et al. *Problemy socializacii: istoriya i sovremennost'* [Problems of Socialization: history and modern times]. Moscow, MPSU Publ.; Voronezh, MODEK Publ., 2013. 216 p. (In Russ.)

16. Smelser N. *Sociologiya* [Sociology]. Moscow, Feniks Publ., 1994. 688 p. (In Russ.)

17. Sorokin P.A. *Obshhedostupnyy uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let* [Easy Sociology Manual: Articles Compilation]. Moscow, Nauka, 1994. 560 p. (In Russ.)

18. Sofronova Yu.L. [Housing and Individual: Approaches of Sociological Analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo univ. im. N.I. Lobachevskogo* [Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky Bulletin]. Ser. Sotsialnye nauki [Social Sciences Series], 2007, no. 3 (8), pp. 126–131. (In Russ.)

19. Filippov A.F. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of environment]. Moscow, Vladimir Dal' Publ., 2008. 290 p. (In Russ.)

20. Khokhlov O.B. *Otsenka effektivnosti proyektov i programm renovatsii zhilishchnogo fonda*. Kand. dis. [Evaluation of efficiency of projects and programs aimed at renovating housing fund. Cand. Diss.]. Tomsk, 2006. 189 p. (In Russ.)

21. Shabanova M.A. [Social Adaptation Against the Backdrop of Freedom]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 1995, no. 9, pp. 81–88. (In Russ.)

22. Shmatko N.A. ["Habitus" within the structure of sociological theory]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [J. of Sociology and Social Anthropology], 1998, vol. 1, no. 2, pp. 59–69. (In Russ.)

23. Shomina Ye.S. *Gorodskiye obshchestvennye dvizheniya na raznykh fazakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva: sravnitelny analiz zhilishchnogo dvizheniya v Rossii i za rubezhom*. Dokt. dis. [Urban public movements at different stages of development of civil society: comparative analysis of housing movement in Russia and abroad. Doct. Diss.]. Moscow, 2001. 385 p. (In Russ.)

24. Yadov V.A. [On dispositional regulation of social behavior of individual]. *Metodologicheskiye Problemy Sotsial'noy Psikhologii* [Methodological Problems of Social Psychology]. Moscow, 1975. Pp. 89–105. (In Russ.)

25. Bartlett S.N. Housing as a factor in the socialization of children: a critical review of the literature. *Merrill-Palmer Quarterly*, 1997, no. 43 (2), pp. 169–198.

26. Rowlands R., Gurney C.M. Young peoples? Perceptions of housing tenure: a case study in the socialization of tenure prejudice. *Housing, Theory and Society*, 2000, no. 17 (3), pp. 121–130.

27. Mallett S. Understanding home: a critical review of the literature. *The Sociological Review*, 2004, no. 52 (1), pp. 62–89.

28. Wirth L. Housing as a field of sociological research. *American Sociological Rev.*, 1947, no. 2 (12), pp. 137–143.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 316.344

С.В. Орлов

ТРУДОУСТРОЙСТВО ИНВАЛИДОВ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

ОРЛОВ Сергей Васильевич – *аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета*.

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

e-mail: augaleik@gmail.com

В статье определено значение трудоустройства людей с ограниченными возможностями в обеспечении качества их жизни. Рассмотрена также роль государственных учреждений социального обслуживания в содействии трудоустройству инвалидов. На основе данных, полученных в результате опросов, сделаны выводы о занятости инвалидов. Предложены рекомендации по ее повышению.

ИНВАЛИДНОСТЬ; КАЧЕСТВО ЖИЗНИ; СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА; СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА; ТРУДОУСТРОЙСТВО.

Инвалиды являются неотъемлемой частью современного общества. Это социальная группа, члены которой обладают теми же правами, свободами, потребностями и возможностями, что и остальные члены общества. Инвалидность, как правило, приводит к ограничениям в жизнедеятельности человека, определяемым как полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью. Данные ограничения оказывают существенное влияние на состояние человека, приводя к ухудшению качества его жизни.

В нашем государстве была разработана система государственных гарантий, направленных на повышение качества жизни людей с ограниченными возможностями (инвалидов). Социальная защита – основной компонент социальной политики, представляющей собой сложный системный объект. В процессе своего развития она сформировалась в отдельную область научных исследований и одно из направлений социальной теории. Социальная политика является одним из важнейших направлений деятельности любого социального государства, своего рода государственной социальной доктриной, которая задает направление в развитии общества, стратегию и цели его развития. В то же время это направление деятельности и ряда негосударственных институтов [1]. Во многих отечественных и зарубежных университетах социальная политика – это отдельная учебная дисциплина. В целом же она является комплексом и системой мер, с помощью которых решаются вопросы и проблемы, связанные с социальными потребностями всего общества и отдельных его социальных групп, в области труда, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, в жилищной и досуговой сферах. Все вышесказанное о социальной политике позволяет с полной уверенностью выделить ее в один из важнейших общественных социальных институтов [2].

В мировой практике социальная политика (и социальная защита как ее основной компонент) направлена в первую очередь на оказание помощи установленным законом категориям граждан, которые вследствие утраты трудоспособности, отсутствия у них работы или по иным причинам испытывают нехватку средств для удовлетворения своих основных жизненных потребностей, а также потребностей нетрудоспособных членов своих семей.

При возникновении трудной жизненной ситуации у таких лиц через систему социальной защиты им оказывается помощь компенсационного характера в натуральной и денежной форме, а также в виде различного рода социальных услуг. Еще одним направлением работы системы социальной защиты является профилактическая работа, направленная на предупреждение наступления неблагоприятных событий в жизни человека. Осуществление социальной защиты происходит через широкий спектр организационно-правовых форм, среди которых страхование, социальное страхование, индивидуальная ответственность работодателей, государственное социальное обеспечение и адресная социальная помощь. Применение различных организационно-правовых форм приводит к различным социальным и экономическим последствиям, которые также необходимо учитывать при реализации государственной социальной политики [3].

Социальная политика, в том числе и социальная защита, как и любой социальный институт, располагает необходимыми для осуществления возложенной на нее социальной функции материальными средствами и системой учреждений. Ведущую роль в обеспечении занятости населения играют органы службы занятости. Именно они обязаны принимать меры по вовлечению людей с инвалидностью в сферу занятости [4]. Низкий процент обращений инвалидов в службы занятости отчасти связан с тем, что они опасаются выходить на рынок труда, так как боятся потерпеть неудачу в поиске работы, получить отказ. Останавливает их и страх ухудшить свое материальное положение, ведь доход в виде заработной платы, получаемой инвалидами, зачастую не может покрыть их расходов при потере соответствующих льгот. Одна из ключевых мер, призванных решить проблемы трудоустройства инвалидов, – установление органами власти для организаций квот на трудоустройство людей с ограниченными возможностями. Казалось бы, подобная политика должна существенно улучшить ситуацию с трудоустроенностью инвалидов. Но на практике складывается ситуация, при которой работодатели, подчиняясь требованиям государственных органов, при выделении вакансий не учитывают потребности и возможности своих потенциальных работников. Ситуация усугубляется и тем, что система контроля и ответственности носит скорее общий характер и не может должным образом стимулировать работодателей к полному выполнению требований по приему на работу людей с ограниченными возможностями. В каждом районе города есть такие учреждения социальной политики, как комплексные центры социального обслуживания населения. По нашему мнению, именно они могут и должны также оказывать помощь в трудоустройстве не только лицам с ограниченными возможностями (инвалидностью), но и тем, кто по какой-то причине не смог решить вопрос с трудоустройством традиционными способами.

Удовлетворение основных потребностей инвалидов является одним из условий обеспечения достойного качества их жизни. Под качеством жизни принято понимать удовлетворение индивидом своих потребностей в жизнедеятельности, а также существование необходимых условий, позволяющих вести полноценную жизнь в социальном и биологическом плане [5]. В структуре показателей, оказывающих решающее влияние на качество жизни индивида, важное место занимают уровень доходов и подходящий ему вид занятости. На данный момент на рынке труда в нашей стране сложилась такая ситуация, при которой инвалиды не могут в полной мере реализовать свои потенциальные возможности, их трудовая занятость остается крайне низкой. Сейчас в Российской Федерации насчитывается 2,57 млн инвалидов трудоспособного возраста, из них работают только 817,2 тыс. человек, т. е. не имеют работы 1,75 млн человек (68,1 % от числа инвалидов трудоспособного возраста). По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, доля работающих инвалидов составляет 32 % от общей численности инвалидов трудоспособного возраста [5]. Эта проблема является одной из самых острых: уровень трудоустройства инвалидов почти в 2 раза ниже, чем соответствующий показатель в среднем для всех категорий безработных граждан, обращающихся в органы службы занятости населения. В 2013 году Министерством труда и социальной защиты РФ был проведен опрос, в котором участвовали 15 тыс. незанятых инвалидов трудоспособного возраста: 77 % опрошенных заявили, что

нуждаются в трудоустройстве или смене места работы, а 5 % хотели бы открыть собственное дело [5]. В то же время в органы службы занятости за содействием в трудоустройстве обращаются только 4 % инвалидов.

Становится понятно, что положение, когда каждый десятый гражданин является экономически пассивным, недопустимо для страны такого масштаба, как Российская Федерация. Трудоустройство инвалидов не только положительным образом сказывается на их благосостоянии, но также выгодно для государства, так как возрастают доходы от расширения рынка труда и снижается нагрузка на социальные программы по льготному обеспечению инвалидов. Кроме того, непростая демографическая ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в нашей стране, требует более внимательного и рационального отношения к трудовым ресурсам.

Право инвалидов на труд законодательно закреплено в различных правовых документах. Так, в Конституции Российской Федерации право на труд определено как одно из основных прав человека, которое не должно нарушаться, даже несмотря на ограничения его возможностей. В нашей стране приняты законы «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и «О занятости населения в Российской Федерации», которые гарантируют людям с ограниченными возможностями право на труд. Также этими законами предусмотрены механизмы реализации данного права и соответствующие меры, применяемые для его реализации.

Как уже отмечалось, право на труд является неотъемлемым правом каждого человека независимо от его состояния, и в то же время реализация этого права оказывает существенное влияние на качество жизни индивида. Во многих концепциях качества жизни среди его индикаторов занятость играет большую роль. Даже если она не выделяется как самостоятельный индикатор, то все равно неизбежно оказывает влияние на другие индикаторы.

Мы изучили достаточно большое количество подходов, и в каждом из них предлагались свои, уникальные индикаторы, оказывающие влияние на качество жизни [6–9]. Так, например, в методике, разработанной специалистами ООН вместе с российскими учеными, за критерии качества жизни приняты: благосостояние, здоровье, жилищные условия, образование, качество продукции и услуг, экологическая ситуация в регионе, правовая защищенность и духовность [8]. Также выделяются статусные индикаторы, имеющие отношение к качеству жизни: доход, занятость, образование, возраст, тендер, брачный статус, этничность, национальность, место проживания, здоровье, внешность [9]. По Джилберту-Крэвису, к качеству жизни относятся: длина рабочего дня, недели и продолжительность отпуска, возможность легко и приятно добираться до места работы, экология в широком смысле, защита от преступности, климат-красота города и его культурно-развлекательные возможности [См.: 10]. К социально-региональным индикаторам относят: возможности конкретной реализации прав личности, «красоту городов», участие граждан в коммунальном управлении. Дополнительно предлагаются социально-человеческие индикаторы: здоровье, качество рабочих мест и физической окружающей среды, бытовые услуги, возможности покупки товаров и т. п. [6].

В результате анализа стало ясно, что на данный момент нельзя прийти к единому пониманию и определению этого явления, так как каждый подход своеобразен, уникален. Нами был разработан инструментарий, включающий достаточно широкий список индикаторов. В него вошли такие индикаторы, как благосостояние, здоровье, образование, информационное поле, качество окружающей среды, безопасность, участие и включенность, духовность, экологическая безопасность. Именно такой набор индикаторов обусловлен тем, что современный мир стремительно меняется и усложняется, поэтому для полноценного функционирования в нем уже недостаточно просто иметь здоровье и определенный уровень дохода. Необходимо также следить за экологией, влияющей на здоровье людей и экономики стран, уметь работать с большими информационными потоками, а также учиться жить в городских агломерациях.

Осенью 2013 года мы провели исследование качества жизни людей с ограниченными возможностями (инвалидов) в Санкт-Петербурге. Для достижения поставленной цели нам необходимо было решить следующие задачи: узнать, удовлетворены ли респонденты качеством своей жизни, и оценить роль государственных учреждений социального обслуживания в его обеспечении. Исследование проводилось

с помощью анкетирования. Объектом исследования выступали инвалиды-опорники трудоспособного возраста. Генеральная совокупность – приблизительно 100 тыч. человек, выборочная – 331 респондент. Предел погрешности составил 5 %.

Отвечая на вопросы анкеты, респонденты должны были оценить качество своей жизни по различного рода показателям. В частности, в ходе опроса мы пытались выяснить: заняты ли наши респонденты на данный момент в трудовой сфере, а если заняты, то по какой форме занятости; нуждаются ли они в работе и имеют ли возможность получить желаемую работу; какие преимущества предоставляет работа. Кроме того, очень важно для нас было выяснить, какую роль в содействии их трудоустройству играют службы социальной защиты, так как в решении проблем занятости инвалидов участвуют не только службы занятости, но и органы социальной защиты населения, учреждения здравоохранения и учреждения системы образования. Обратить внимание на роль органов социальной защиты в содействии трудоустройству инвалидов нас заставил тот факт, что работа органов службы занятости не всегда достаточно эффективна при трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями. В исследовании мы рассматривали роль комплексных центров социальной защиты населения, так как при возникновении в жизни человека трудной ситуации это ключевой орган социальной защиты, обеспечивающий комплекс услуг по социальному обслуживанию населения.

Как показал опрос, активно трудятся и заняты полный рабочий день 39 % респондентов, по сокращенному графику работают 26 %, надомный труд выбрали для себя 22 %, временно не работают по причине болезни или декретного отпуска 13 % опрошенных.

На вопрос о необходимости работы респонденты ответили следующим образом: крайне необходима – 48 %, скорее нужна – 40 %, скорее не нужна – 8 %; не испытывают нужды в трудоустройстве 4 % опрошенных.

В список преимуществ, которые предоставляет человеку трудоустройство, мы включили финансовую независимость, возможность творческой и интеллектуальной самореализации, возможность общения, чувство собственной полезности кому-то, а также возможность быть чем-то занятым. Каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос. Так, финансовая независимость оказалось решающим фактором, влияющим на решение человека получить работу: ради нее трудятся 65 % наших респондентов. Для 37 % опрошенных очень важно испытывать чувство собственной полезности. (Это объясняется тем, что ввиду состояния, при котором ограничена жизнедеятельность человека, он испытывает на себе постоянное пристальное внимание со стороны родственников и социальных служб. В то же время не каждый готов примириться с тем, что он является возможной причиной затрат дополнительных сил, времени и ресурсов, и поэтому стремится любым способом и компенсировать чувство собственной неполноценности, и отдать тем самым долг обществу.) Возможность наладить новые социальные связи, общаться и чувствовать себя полноценным членом общества важна для 29 % респондентов. Для 25 % опрошенных работа, трудовая деятельность являются полем для реализации творческих проектов и интеллектуального роста. И, наконец, для 20 % опрошенных работа – это, пожалуй, единственный способ быть просто чем-то занятым в жизни.

Все вышеперечисленное еще раз подтверждает тот факт, что работа, трудовая деятельность действительно являются очень важным фактором обеспечения качества жизни людей с ограниченными возможностями. В то же время для многих из них получение работы остается очень серьезной проблемой: только 25 % опрошенных могут без затруднений получить желаемую работу, 39 % при поиске подходящей им работы сталкиваются с серьезными трудностями и ограничениями, а 36 % участников опроса считают, что им почти невозможно получить желаемую и подходящую работу.

При возникновении у инвалидов потребности в трудоустройстве сотрудники социальных служб направляют их в службы занятости. Но зачастую инвалидам там либо вовсе отказывают в поиске подходящего места работы, либо оказываемая помощь является малоэффективной. В таком случае сотрудникам социальных служб приходится самим заниматься вопросом трудоустройства своих клиентов. Решение его представляется достаточно трудоемким, так как специалист должен, учитывая интересы и

возможности своего клиента, не только подобрать подходящее ему место работы, но также добиться от потенциального работодателя согласия принять к себе на работу человека с ограниченными возможностями.

На вопрос о том, получали ли когда-нибудь наши респонденты помощь в трудоустройстве от сотрудников комплексного центра социальной защиты населения, утвердительно смогли ответить лишь 11 % опрошенных, 21 % респондентов заявили, что сотрудники центра смогли оказать им только частичную помощь в поиске работы, а 68 % опрошенных ни разу не получали от них никакой помощи в трудоустройстве.

Стоит заметить, что в ситуации, когда 68 % инвалидов трудоспособного возраста остаются нетрудоустроенными, а в службы занятости обращаются лишь 4 % из них, учреждения социальной защиты, в нашем случае комплексные центры социальной защиты населения, могли бы сыграть существенную роль в исправлении ситуации, невыгодной как для государства, так и для самих инвалидов.

Весной 2014 года нами был проведен опрос в форме интервью руководителей Комплексного центра социального обслуживания населения Приморского района Санкт-Петербурга. В нем приняли участие 20 респондентов – заведующие отделениями социальной (социально-медицинской) помощи на дому. Цель данного исследования – узнать мнение специалистов, отвечающих за реализацию социальной политики, о роли государственных учреждений социального обслуживания в повышении качества жизни людей с ограниченными возможностями.

В числе вопросов, заданных респондентам, были вопросы, касающиеся трудоустройства людей с ограниченными возможностями. Для начала стоит отметить, что подавляющее большинство (73 %) опрошенных считают достойный уровень благосостояния и наличие возможности трудиться важными показателями качества жизни. По нашему мнению, такой показатель, как «благосостояние», обеспечивается уровнем доходов, позволяющим вести достойный образ жизни, и высоким уровнем занятости. В ходе интервью мы попросили наших респондентов рассказать, какие показатели качества жизни, по их мнению, обеспечивает работа данного учреждения. Только 30 % опрошенных считают, что работа их учреждения обеспечивает показатель жизни «благосостояние». И происходит это, по их словам, преимущественно за счет оказания содействия в повышении финансового благополучия путем оформления документов на получение разовой материальной помощи, различных пособий и пенсионных отчислений. Вот мнение одного из участников интервью: «Такой показатель мы, безусловно, можем обеспечить. Это может происходить за счет помощи в подаче заявления о наличии в жизни человека трудной жизненной ситуации. И, как следствие, человек имеет шанс на получение разовой материальной помощи или какого-либо пособия». Ни один из респондентов не смог сообщить нам что-либо об участии своего отделения в решении вопросов трудоустройства инвалидов.

Остается открытым вопрос: почему же в ходе работы учреждений социального обслуживания не решается проблема трудоустройства инвалидов? Частично ответить на него нам может помочь статистика, касающаяся возраста клиентов, полученная в комплексных центрах социального обслуживания населения. Оказывается, что большинство клиентов достигли пенсионного возраста и не нуждаются в трудоустройстве. Процентное отношение количества клиентов, находящихся в трудоспособном возрасте и нуждающихся в работе, к общему числу клиентов составляет 10–12 %. Проблема, по-нашему мнению, заключается в том, что потребности данной возрастной группы не учитываются в ходе работы центров из-за ее малочисленности. А это, в свою очередь запускает цепную реакцию. Поиск мест, соответствующих потребностям инвалидов, а также находящихся в транспортной доступности для них, требует существенных временных и иных затрат. В силу того что количество нуждающихся в трудоустройстве клиентов невелико, им предлагают альтернативные пути решения вопроса повышения их материального благополучия, предусмотренные для всех клиентов подобных учреждений. Это означает, что проблемы трудоустройства инвалидов не решаются. А следовательно, не привлекаются другие потенциальные клиенты трудоспособного возраста, которые могли бы получить содействие в трудоустройстве от сотрудников комплексных центров социального обслуживания населения. Круг замыкается.

Наши респонденты практически единодушно высказали желание обеспечивать показатель «благосостояние» и в дальнейшем, в том числе за счет содействия в трудоустройстве своих потенциальных клиентов. В ходе опроса людей с ограниченными возможностями им были заданы следующие вопросы: потребность в оказании какого рода услуг они испытывают и какие услуги хотели бы получать в комплексных центрах социального обслуживания населения? Выяснилось, что 73 % опрошенных лиц трудоспособного возраста хотели бы получать там содействие в трудоустройстве; только 7 % респондентов сообщили, что получали помощь в трудоустройстве от сотрудников центров, а 11 % опрошенных отметили, что такая помощь была частичной. Данные цифры подтверждают общую статистику.

В ходе интервью мы сообщили руководителям отделений социального обслуживания о потребностях их существующих и потенциальных клиентов и попросили оценить вероятность оказания им услуг по содействию в трудоустройстве в дальнейшем. Степень вероятности мы подразделили на минимальную, среднюю и максимальную. Достаточно будет сказать, что 70 % участников интервью оценили такую вероятность как минимальную. И после этого мы задали им главный вопрос: что же все-таки может помешать оказывать подобные услуги в дальнейшем? Приведем несколько выдержек из интервью.

Респондент 2: «Работу не могут найти и полностью здоровые люди, а специализированных рабочих мест практически нет, да еще рядом с домом»

Респондент 5: «Количество мест для обеспечения занятости мало»

Респондент 6: «Оказание подобных услуг не входит в технический регламент оказания услуг»

Респондент 9: «Нехватка рабочего времени сказывается. Еще пассивность обслуживаемых, мало кто к нам за этим приходит»

Респондент 10: «Недоработки в законодательстве и, как следствие, ограниченный регламент услуг»

Респондент 14: «Практически полное отсутствие взаимосвязи с другими организациями, ни до кого не достучаться»

Респондент 15: «Отсутствие финансирования на городском уровне, а также отсутствие платных услуг в центре»

Респондент 18: «Наличие технического регламента социального обслуживания, ограничивающего количество оказываемых услуг конкретному получателю услуг»

Респондент 19: «Отсутствие достаточной законодательной базы и невысокий уровень финансирования сферы социальных услуг»

Респондент 20: «Отсутствие влияния на учреждения здравоохранения, бытового обслуживания, органов безопасности, образования и т. п.»

Итак, мы видим, что перечень проблем, мешающих эффективно решать задачи трудоустройства инвалидов, достаточно большой. Участниками интервью была озвучена далеко не оригинальная, но, несомненно, актуальная проблема нехватки финансирования. Кроме того, они отметили, что серьезным препятствием является отсутствие межведомственного взаимодействия: невозможно объединить свои усилия с другими учреждениями, способными оказать реальную помощь в содействии трудоустройству людей с ограниченными возможностями. Этому, по словам одного из участников опроса, мешает также отсутствие достаточных полномочий. Серьезной проблемой является устаревшее или недоработанное законодательство, что, в свою очередь, отражается на основополагающих документах, на основании которых построена работа учреждений. Отдельные участники интервью видят проблему в отсутствии возможности оказания услуг по трудоустройству на платной основе. Сказывается также недостаток рабочего времени. Одной из самых серьезных проблем видится слишком малое количество рабочих мест для людей с ограниченными возможностями. По словам опрошенных, конкуренцию не выдерживают даже полностью здоровые люди, в то время как инвалидам не только нужно, чтобы место работы было оборудовано с учетом их потребностей, но и важно его территориальное расположение. Также подтвердилось наше предположение, что часть ответственности за сложившуюся ситуацию лежит и на самих инвалидах, так как, получив отказ на биржах труда, они в большинстве своем отказываются искать альтернативный путь решения проблемы и не обращаются в организации, способные помочь им в этом, например в комплексные центры социального обслуживания населения. Тем самым отсутствует стимул для дальнейшего развития подобных услуг.

Результаты проведенного исследования качества жизни людей с ограниченными возможностями дают основание говорить о том, что трудовая деятельность является необходимым залогом как материального, так и душевного благополучия, а возможность для ее осуществления является важным условием для обеспечения достойного качества жизни человека. Это особенно актуально для такой социальной группы, как люди с ограниченными возможностями. Для таких людей вопросы финансового благополучия выходят на первый план, так как помимо обычных человеческих потребностей у них есть потребности особого характера. Например, реабилитационные мероприятия и любое другое лечение, включающее медикаментозное, требуют в нашей стране серьезных финансовых затрат. Известно, что пенсионное обеспечение и наличие разных пособий в долгосрочной перспективе почти никогда не может покрыть все потребности индивида. Не стоит забывать еще и о том, что все показатели качества жизни имеют тесную взаимосвязь и непосредственно влияют друг на друга. Так, помимо очевидной материальной выгоды возможность трудоустройства открывает перед человеком возможности для личностного роста, творческого развития, налаживания новых социальных связей взамен утраченных. В то же время наличие работы помогает человеку с ограниченными возможностями, иногда чувствующему свою неполноценность, ощутить свою значимость, нужность и стать полноценным в его собственных глазах и в глазах окружающих. Несомненно, включение инвалидов в трудовую деятельность наравне с другими членами общества станет серьезным стимулом для формирования позитивного отношения к ним здоровых людей и даст серьезный толчок для развития и предоставления людям с ограниченными возможностями законного шанса на реализацию своих прав и свобод гражданина.

Приведенные ниже рекомендации, по нашему мнению, могут помочь полноценно реализовать данную возможность.

1. На федеральном уровне необходимы корректировка законодательных актов, регулирующих социальную политику, и последующая корректировка нормативных документов, на основании которых работают учреждения социального обслуживания, в частности комплексные центры социального обслуживания населения.

2. Расширение полномочий руководителей комплексных центров социального обслуживания населения с целью развития межведомственного взаимодействия.

3. Увеличение государственного финансирования социальной политики.

4. Привлечение инвалидов трудоспособного возраста в комплексные центры социального обслуживания с целью более глубокого изучения их потребностей.

5. Разработка проекта социальной рекламы, направленной на повышение интереса к проблемам трудоустройства людей с ограниченными возможностями, с учетом роли центров в данном процессе.

6. Создание возможности для оказания услуг по трудоустройству людям с ограниченными возможностями на платной основе.

Есть вероятность, что полная или хотя бы частичная реализация предложенных рекомендаций будет способствовать решению вопроса трудоустройства людей с ограниченными возможностями и, как следствие, повышению качества их жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К.** Социальная работа с инвалидами. СПб.: Питер, 2004. 316 с.

2. **Давыдова Е.В., Давыдов А.А.** Измерение качества жизни / РАН. Ин-т социологии и др. М., 1993. 216 с.

3. **Нугаев Р.М., Нугаев М.А.** Качество жизни в трудах социологов США // Социол. исслед. 2003. № 6. С. 100–105.

4. **Кавокин С.Н.** Профессиональная реабилитация и занятость инвалидов. М., 1997. 237 с.

5. **Федеральная** служба государственной статистики. URL: http//www.gks.ru (дата обращения: 12.02.2014).

6. **Аверин А.Н.** Социальная политика государства. М., 2002. 283 с.

7. **Топчий Л.В.** Социальное обслуживание населения. Ценности, теория, практика. М.: Изд-во РГСУ, 2012. 322 с.

8. **Маркович Д.Ж.** Глобальные проблемы и качество жизни // Социол. исслед. 1998. № 4. С. 129–132.

9. **Копнов В.А.** Качество жизни и региональное развитие. Технологии качества. М., 2001. 345 с.

10. **Ракитский Б.В.** Социальная политика, социальная защита, самозащита в обществе. М., 1997. 224 с.

S.V. Orlov

DISABLED PEOPLE EMPLOYMENT AS ONE OF THE KEY QUALITY OF LIFE INDICATORS

ORLOV Sergey V. – *St. Petersburg State University of Economics.*
Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia
e-mail: augaleik@gmail.com

Article examines the role of employment in the quality of life of people with disabilities. Also examines the role of public institutions of social services in promoting employment of persons with disabilities. Data were obtained from the analysis of questionnaire data and interviews. As a result, data were obtained on the employment of persons with disabilities and recommendations for improving its.

DISABILITY; QUALITY OF LIFE; SOCIAL PROTECTION; SOCIAL POLICY; EMPLOYMENT.

REFERENCES

1. Yarskaya-Smirnova Y.R., Naberushkina E.K. *Sotsial'naya rabota s invalidami* [Social work with people with disabilities]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 316 p. (In Russ.)

2. Davydova Y.V., Davydov A.A. *Izmereniye kachestva zhizni* [Measuring the quality of life]. Moscow, 1993. 216 p. (In Russ.)

3. Nugayev R.M., Nugayev M.A. [Quality of life in the works of sociologists USA]. *Sociological research J.*, 2003. no. 6. pp. 100–105. (In Russ.)

4. Kavokin S.N. *Professional'naya reabilitatsiya i zanyatost' invalidov* [Vocational rehabilitation and employment of disabled persons]. Moscow, 1997. 237 p. (In Russ.)

5. Federal State Statistics Service. Available at: www.gks.ru (accessed 12.02.2014).

6. Averin A.N. *Sotsial'naya politika gosudarstva* [Social policy]. Moscow, 2002. 283 p. (In Russ.)

7. Topchiy L.V. *Sotsial'noye obsluzhivaniye naseleniya. Tsennosti, teoriya, praktika* [Social services to the population. Values, theory and practice]. Moscow, RGSU Publ., 2012. 322 p. (In Russ.)

8. Markovich D.Zh. [Global problems and quality of life]. *Sociological research J.*, 1998, no. 4, pp. 129–132. (In Russ.)

9. Kopnov V.A. *Kachestvo zhizni i regionalnoye razvitiye* [Quality of life and regional development. Quality Technologies]. Moscow, 2001. 345 p. (In Russ.)

10. Rakitskiy B.V. *Sotsial'naya politika, sotsial'naya zashchita, samozashchita v obshchestve* [Social policy, social protection, self-defense in society]. Moscow, 1997. 224 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

Правовые аспекты государственного управления

УДК 323.2

А.С. Ратников

НОРМАТИВНАЯ БАЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ФОНДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

РАТНИКОВ Алексей Сергеевич – *аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.*

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: logie@mail.ru

Статья посвящена проблемам нормативно-правового регулирования деятельности некоммерческих организаций в современной России, в частности международных культурных фондов. Основная задача – определение статуса международных культурных фондов как субъектов культурной политики, а также фиксация новейших законодательных изменений, касающихся их деятельности. Рассмотрен широкий круг нормативно-правовых документов, на основании которых в настоящее время некоммерческие организации ведут свою деятельность на территории России. Подробно анализируется политико-юридический статус так называемых «иностранных агентов», так как введение в правоприменительную практику данного понятия существенно повлияло на изменение статуса и характера финансирования некоммерческих организаций.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФОНДЫ; КУЛЬТУРА; КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА; НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.

В последнее время деятельность международных фондов стала объектом повышенного внимания исполнительных и законодательных органов российской федеральной власти и вызвала общественную дискуссию.

Целью статьи является описание нормативной базы деятельности международных культурных фондов в современной России. Объект нашего исследования – законы РФ, регулирующие деятельность международных культурных фондов и других некоммерческих организаций (НКО). Рассмотрим процесс изменения законодательной базы деятельности международных культурных фондов на территории РФ, а также новейшие изменения в законотворческом процессе, внесшие существенные изменения в структуру и характер финансирования фондов.

Деятельность международных культурных фондов в современной России имеет ряд особенностей по сравнению с деятельностью культурных фондов, учредителями которых являются организации и/или граждане Российской Федерации. Однако общие принципы деятельности таких фондов лежат в плоскости национального законодательства, регулирующего деятельность «третьего сектора» в целом и НКО в частности [8, с. 12–14].

В Конституции РФ [1], основном законе государства, закреплена основа (фундамент) законодательного обеспечения права «третьего сектора» на участие в решении государством проблем, связанных с целями деятельности НКО. Согласно ее нормам, Россия – социальное государство, политика которого направле-

на на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Каждый имеет право на объединение. Граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, обращаться лично, а также направлять коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Нормы Конституции конкретизируются и раскрываются в федеральных законах. Основными федеральными законами, устанавливающими правовые основы взаимодействия, являются законы:

- «О некоммерческих организациях» [6],
- «Об общественных объединениях» [7],
- «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [3].

Кроме того, нормы, регламентирующие взаимодействие власти и НКО, содержатся в специальных законах, регулирующих отдельные сферы общественной жизни, виды деятельности или деятельность отдельных видов организаций, и в актах отдельных федеральных органов власти (правительства, министерства, ведомства и т. п.), а также в Гражданском кодексе РФ [2].

Так, законодательством РФ определено, что фонд – это не имеющая членства НКО, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов, преследующая социальные, благотворительные, культурные, образовательные или иные общественно полезные цели (статья 7 закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ, статья 118 ГК РФ).

Однако нельзя сказать, что нормативно-правовая база деятельности НКО в целом и международных культурных фондов в частности определяется только федеральным законодательством.

В субъектах РФ и отдельных муниципальных образованиях также принято достаточно много нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы взаимодействия власти и НКО. Эти акты либо целиком посвящены регулированию данного процесса, как, например, Закон г. Москвы от 12 июля 2006 г. № 38 «О взаимодействии органов государственной власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями» [4], либо содержат отдельные нормы, связанные с ним. Конечно же, большая часть таких актов предусматривает взаимодействие с НКО в формах, уже названных в нормативно-правовых актах федерального уровня. Значительное число их регламентирует вопросы создания и деятельности общественных консультационных советов при исполнительных органах власти субъектов РФ и органах местного самоуправления, проведения совместных мероприятий, включая ярмарки программ и проектов НКО, предоставления налоговых льгот, выделения грантов или социальных заказов и др. Но в регионах могут предусматриваться и вводиться и новые формы взаимодействия.

Действующее законодательство различает некоммерческие фонды, порядок деятельности которых регулируется ФЗ «О некоммерческих организациях», и общественные фонды, на которые распространяется действие ФЗ «Об общественных объединениях». Кроме того, порядок создания и деятельности фондов регулируется ГК РФ, а также законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ и другими специальными законами.

Понятие «иностранная некоммерческая неправительственная организация» в российском законодательстве используется применительно к НКО, которые созданы за пределами России в соответствии с законами иностранного государства и учредителями (участниками) которых не являются государственные органы. Иностранные НКО могут действовать на территории России через свои структурные подразделения (отделения, филиалы, представительства) [9]. До недавнего времени российское законодательство было достаточно либеральным по отношению к деятельности международных фондов в России, однако эта политика была пересмотрена в связи с принятием так называемого «акта об иностранных агентах».

Так, 3 июля 2012 года Государственная дума приняла поправки к закону «О некоммерческих организациях» [5]. В соответствии с этим законом статус иностранного агента получили НКО:

- занимающиеся «политической деятельностью» на территории России («к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здраво-

охранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность»);

• получающие «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства».

При этом понятие «иностранный агент» не распространяется:

• на иностранцев, работающих в составе Российского союза промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленной палаты и других бизнес-объединений;

• зарегистрированные религиозные организации;

• госкорпорации и госкомпании, а также на НКО, созданные ими.

Согласно закону, иностранные агенты должны зарегистрироваться как таковые в Министерстве юстиции и указывать свой статус во всех публикациях в СМИ и Интернете.

Отметим, что указанные поправки вызвали широкий общественный резонанс как в российском обществе, так и среди международного сообщества [10]. При этом неоднократно отмечалась дискриминационная сущность этого закона. Однако в рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачи каким-то образом комментировать действия законодателя.

Единственное, что необходимо здесь отметить: с принятием указанных изменений важной частью нормативно-правового регулирования деятельности международных культурных фондов в России является их обязанность представлять ежегодную информацию в территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации (в том случае, если они получают «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства»).

Пункт 3 статьи 32 закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ устанавливает обязанность некоммерческих фондов представлять в уполномоченный орган документы, содержащие отчет о своей деятельности, персональном составе руководящих органов, документы о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, в том числе полученных от иностранных источников, а НКО, выполняющие функции иностранного агента, также и аудиторское заключение.

При этом в документах, представляемых НКО, выполняющими функции иностранного агента, должны содержаться сведения о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, полученных от иностранных источников, и об их фактическом расходовании и использовании. Формы представления указанных документов (за исключением аудиторского заключения) и сроки их представления с учетом сроков, предусмотренных абзацем 2 пункта 3 статьи 32 данного закона, определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента, представляют в уполномоченный орган документы, содержащие отчет о своей деятельности, персональном составе руководящих органов, один раз в полгода, документы о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, в том числе полученных от иностранных источников, – ежеквартально, аудиторское заключение – ежегодно.

Кроме того, фонды, соответствующие вышеуказанному пункту, обязаны ежегодно размещать в сети Интернет или предоставлять средствам массовой информации для опубликования отчет о своей деятельности в объеме сведений, представляемых в Управление.

Еще одна ежегодная обязанность фондов установлена абзацем 2 пункта 2 статьи 118 ГК РФ и абзацем 2 пункта 2 статьи 7 закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ, а именно: публиковать отчеты об использовании своего имущества.

Таким образом, общие принципы деятельности международных культурных фондов в России в целом лежат в плоскости национального законодательства, регулирующего деятельность «третьего сектора» в целом и НКО в частности. Однако в последние месяцы в части регулирования деятельности таких организаций произошел ряд нововведений, связанных в первую очередь с введением термина «иностранный агент». Прошло еще немного време-

ни, и мы пока не можем с полной объективностью и с опорой на правоприменительную практику оценить глубинную сущность произошедших изменений, но уже можно с уверенностью сказать, что нормативно-правовая база деятельности международных культурных фондов в России (как и других НКО) находится в процессе значительного реформирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Конституция Российской Федерации** (1993) (ред. от 30.12.2008). URL: http://www.main-law.ru (дата обращения: 01.06.2014).

2. **Гражданский кодекс Российской Федерации:** федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.12.2012). Ч. 1. URL: http://www.base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 01.06.2014).

3. **О благотворительной** деятельности и благотворительных организациях: федер. закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 23.12.2010). URL: http://www.base.garant.ru/12181378/ (дата обращения: 01.06.2014).

4. **О взаимодействии** органов государственной власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями: закон города Москвы от 12 июля 2006 г. № 38. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/moscow/141990/ (дата обращения: 01.06.2014).

5. **О внесении** изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: федер. закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/409556/ (дата обращения: 01.06.2014).

6. **О некоммерческих** организациях: федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 28.07.2012). URL: http://www.base.garant.ru/10105879/ (дата обращения: 01.06.2014).

7. **Об общественных** объединениях: федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 20.07.2012). URL: http://www.base.garant.ru/10164186/ (дата обращения: 01.06.2014).

8. **Арефьев А.Л.** Деятельность иностранных фондов и организаций в России. М.: Центр социального прогнозирования, 2011.

9. **Бахмин Ф.** О фондах в России // Soc.Politika.ru. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/research/document8915.shtml (дата обращения: 01.06.2014).

10. **«Нормативная** база» для репрессий расширяется // Права человека в России. URL: http://www.hro.org/node/14944 (дата обращения: 01.06.2014).

A.S. Ratnikov

LEGISLATIVE BASE OF INTERNATIONAL CULTURAL FUNDS ACTIVITIES IN MODERN RUSSIA

RATNIKOV Alexey S. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: logie@mail.ru

The article is devoted to the problems of state regulatory activities of international cultural foundations in modern Russia, as well as non-commercial organizations in general, because in the law appears this category. In general, the main objective of this study is to determine the status of international cultural foundations, as subjects of cultural policy, as well as fixing the latest legislative changes relating to the selected topic. In this study is reviewed the wide range of legal documents, including the Constitution of the Russian Federation, federal laws and numerous regulations, on the basis of which non-commercial organizations are currently carry out their activities on the territory of Russia. In the article analyzes in detail the political and legal status of the so-called "foreign agents". Introduction of this concept to the legal practice significantly affected the change in the status and nature of the funding of non-commercial organizations.

INTERNATIONAL FUNDS; CULTURE; CULTURAL POLICY; STATE FUNDS; NORMATIVE REGULATION.

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* (1993) [The Constitution of the Russian Federation (1993)] (amended on 30.12.2008). Available at: http://www.main-law.ru (accessed 01.06.2014).

2. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [The Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 1. Federal Law of November 30, 1994. No. 51-FZ (amended on 03.12.2012). Available at: http://www.base.garant.ru/10164072/ (accessed 01.06.2014).

3. *O blagotvoritelnoy deyatelnosti i blagotvoritelnykh organizatsiyakh* [On Charity and Charitable Organizations]. Federal Law of August 11, 1995. No. 135-FZ (amended on 23.12.2010). Available at: http://www.base.garant.ru/12181378/ (accessed 01.06.2014).

4. *O vzaimodeystvii organov gosudarstvennoy vlasti goroda Moskvy s negosudarstvennymi nekommercheskimi organizatsiyami* [On the interaction of Moscow city state authorities with non-state non-commercial organizations]. Moscow City Law of July 12, 2006. No. 38. Available at: http://www.garant.ru/hotlaw/moscow/141990/ (accessed 01.06.2014).

5. *O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya deyatelnosti nekommercheskikh organizatsiy, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta* [On the Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in the regulation of non-commercial organizations acting as a foreign agent]. Federal Law of 20.07.2012. No. 121-FZ. Available at: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/409556/ (accessed 01.06.2014).

6. *O nekommercheskikh organizatsiyakh* [On non-commercial organizations]. Federal Law of 12 January, 1996. No. 7-FZ (amended on 28.07.2012). Available at: http://www.base.garant.ru/10105879/ (accessed 01.06.2014).

7. *Ob obshchestvennykh obyedineniyakh* [On public associations]. Federal Law of May 19, 1995. No. 82-FZ (amended on 20.07.2012). Available at: http://www.base.garant.ru/10164186/ (accessed 01.06.2014).

8. Arefiev A.L. *Deyatelnost' inostrannykh fondov i organizatsiy v Rossii* [Activities of foreign foundations and organizations in Russia]. Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya [Politicval forecasting center] Publ., 2011. (In Russ.)

9. Bakhmin F. *O fondah v Rossii* [On the funds in Russia]. Soc.Politika.ru. Available at: http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/research/document8915.shtml (accessed 01.06.2014).

10. "Normativnaya baza" dlya repressiy rashiryaetsya ["Normative base" for repressions expands]. *Prava cheloveka v Rossii* [Human rights in Russia]. Available at: http://www.hro.org/node/14944 (accessed 01.06.2014).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 327.7:341.231.1:341.231.5:341.231.14:341.24

О.В. Кузьмина, В.Ю. Лукьянов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ДВОЙНОГО СТАНДАРТА» – ВАЖНЕЙШАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КУЗЬМИНА Ольга Викторовна – *заведующий кафедрой Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики; кандидат исторических наук.*

Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49

e-mail: kuzminao@mail.ru

ЛУКЬЯНОВ Владимир Юрьевич – *доцент Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики; кандидат исторических наук.*

Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49

e-mail: volodya.luckyanov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме двойного стандарта, т. е. оценке какой-либо проблемы международных отношений, исходя из соображений политической выгоды того или иного государства или политического деятеля, а не политической реальности. Рассмотрены три главные проблемы, попадающие в сферу действия «двойного стандарта»: непризнанных государств, прав человека и гуманитарных интервенций. Предпринимается попытка найти способы решения названных проблем на основе анализа политической ситуации в мире и действующего Устава ООН. В заключении делается вывод о необходимости комплексного решения проблемы путем объединения усилий специалистов в области международного права и политологов.

ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА; ПРАВА ЧЕЛОВЕКА; ГУМАНИТАРНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ; УСТАВ ООН; МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

На рубеже XX и XXI вв. предельно обострилась проблема так называемого «двойного стандарта», который, по нашему мнению, можно определить как принципиально различное применение принципов, законов, правил, оценок к однотипным действиям различных субъектов в зависимости от степени лояльности этих субъектов или иных соображений выгоды для оценивающего. То есть оцениваются не объективные факты и обстоятельства того или иного события, произошедшего на мировой арене, а дается субъективная трактовка этого события и принципов международного права. Например, борьбу за национальную независимость можно определять, в зависимости от обстоятельств, либо как «сепаратизм», либо как «национально-освободительное движение». Примеров этому в новейшей политической истории можно найти более чем достаточно: события в бывшей Югославии, в Чечне, Южной Осетии, текущие события на Украине и т. д. Проблема «двойного стандарта» существовала всегда, но стала предельно актуальна именно в конце XX – начале XXI в. в результате ликвидации биполярной

системы международных отношений, приведшей к появлению многочисленных «ничейных» территорий и сфер влияния, обострению борьбы за их освоение.

Теоретическая цель работы состоит в анализе тех сфер современных международных отношений, в которых проблема «двойного стандарта» наиболее часто находит свое воплощение. Попытаемся выработать объективные критерии оценки возникающих ситуаций, что позволит избежать политических спекуляций и злоупотреблений. С этой целью предпринята попытка решения следующих задач:

1. Сформулировать суть проблемы «двойного стандарта» применительно к трем важнейшим проблемам современных международных отношений – *непризнанных государств*, *прав человека* и *гуманитарных интервенций*.

2. Определить основные причины возникновения указанных проблем.

3. Попытаться выработать методы их решения в сфере международных отношений и международного права.

Под *непризнанными государствами* понимаются государственные образования, которые обладают всеми признаками государства, но не имеют международного признания и не могут выступать в качестве субъекта международных отношений. На политической карте мира за последние 100 лет появилось около ста непризнанных государств. Некоторые из этих государств существуют де-факто, но не признаны международным сообществом (или признаны частично), например Тайвань (Китайская Республика); другие признаны, но не существуют де-факто, поскольку не обладают реальным суверенитетом, например государство Палестина. Многие из непризнанных государств имеют все необходимые атрибуты государства: государственную символику, конституцию, правительство, вооруженные силы и т. д.

Следует сказать, что более правильным в отношении непризнанных государств является термин *«частично признанные государства»*, т. е. государства, признанные лишь некоторыми странами мира. Практически все непризнанные государства сегодня получили признание со стороны тех или иных стран. Другой вопрос, что степень этого частичного признания различна. Например, край Косово сегодня признали как независимое государство 97 стран мира, а Южную Осетию и Абхазию только 4 страны (Россия, Венесуэла, Никарагуа и Науру).

Любое непризнанное государство является источником политической нестабильности. Во-первых, его появление – это всегда (или почти всегда) результат отделения от другого государства (условно – метрополии). Очевидно, что государство-метрополия будет стремиться к тому, чтобы добиться возвращения непризнанного государства любыми методами, включая вооруженные. Во-вторых, непризнанное государство становится предметом политического торга между другими государствами. Дело в том, что вновь созданному государству необходим союзник (или союзники), который мог бы защитить вновь созданное государство от бывшей метрополии. Здесь как раз и проявляет себя в полной мере принцип «двойного стандарта», т. е. признание или непризнание государства в зависимости от собственной политической выгоды. Проиллюстрировать это можно на примере непризнанных государств, возникших в Европе после распада СССР и Югославии. Именно они сегодня главный источник политической напряженности в отношениях между Западом и Россией. По всем прецедентам, связанным с появлением непризнанных государств (Косово, Южная Осетия, Абхазия, Карабах), у России и Запада полярно противоположные позиции.

Истоки проблемы непризнанных государств следует искать в противоречии двух базовых принципов международного права: принципа самоопределения народов и принципа нерушимости государственных границ. С одной стороны, принцип самоопределения гарантирует любому народу право на широкую автономию, вплоть до выхода из состава государства и создания собственного государства. С другой стороны, принцип нерушимости границ говорит о том, что любое государство мира имеет право на сохранение своей территориальной целостности. Оба эти положения были зафиксированы в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой резолюцией 2625 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [1].

Сложность проблемы заключается в неком диалектическом противоречии указанных принципов. Очевидно, что оба эти принципа справедливы. Не вызывает сомнения правомерность и обоснованность права народа на самоопределение. Это право становится особенно актуальным в ситуации, когда в отношении малого народа, проживающего на территории какого-либо государства, проводится политика насильственной ассимиляции, лишения политических прав, геноцида и т. п. Однако очевидно и другое: каждое государство имеет право на территориальную целостность. Нетрудно увидеть, что это противоречие дает возможность для двоякого толкования ситуации, т. е. все того же «двойного стандарта». Практически в любом случае борьба за создание собственного государства может трактоваться в зависимости от политической выгоды либо как нарушение принципа нерушимости границ, либо как реализация права на самоопределение.

Трудность заключается в том, что выработать объективные и универсальные критерии решения указанной проблемы крайне сложно, если вообще возможно. В самом деле, опираясь на какие критерии можно утверждать, что, например, борьба косовских албанцев против Сербии – хорошо, а такие же по сути действия жителей Крыма против Украины – плохо? Обратной стороной проблемы является создание прецедента. То есть признание мировым сообществом законности существования одного непризнанного государства сразу же дает основание претендовать на признание и другим непризнанным государствам. Например, фактическое признание Косова в качестве государства дает сегодня возможность обосновывать претензии на признание в качестве государств Южной Осетии и Абхазии.

Попытаемся теперь определить пути решения проблемы непризнанных государств. Прежде всего необходимо сказать, что ее нельзя сводить к противопоставлениям: право на самоопределение – нерушимость границ или борьба за независимость – сепаратизм. Проблема не столь однозначна, а методы ее решения в каждом конкретном случае существенно варьируются.

Оптимальным путем является создание условий, минимизирующих угрозу дезинтеграции государства. Создание новых государств всегда (или почти всегда) является следствием глубоко внутреннего политического и социально-экономического кризиса, подъема националистического движения, отсутствия внутреннего консенсуса и т. д. Очевидно, что оптимальной является ситуация устранения предпосылок кризиса, проведение политического и социально-экономического курса, направленного на повышение уровня жизни граждан, предоставление им равных политических и социально-экономических прав и свобод вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности гражданина. Однако в практической плоскости решить названные задачи весьма непросто, поэтому необходимо исходить из того, что процесс создания нового, непризнанного государства уже произошел. Как решать возникающие проблемы в этом случае?

Очевидно, что силовой вариант решения, т. е. попытки вернуть непризнанное государство в состав метрополии, малопродуктивен. Такие действия приведут лишь к вооруженному конфликту, в который могут оказаться втянутыми другие страны мира, что в перспективе вообще может привести к началу масштабной войны. Решение проблемы должно лежать на пути мирного урегулирования, а для этого необходима выработка неких объективных и универсальных критериев признания непризнанного государства как нового полноправного участника мирового сообщества.

Один из предлагаемых критериев оценки обоснованности претензий вновь созданного государства на признание – уровень автономии, т. е. политических, социально-экономических и культурных прав и свобод, предоставляемых национальному меньшинству, проживающему на территории государства. Если в отношении национального меньшинства допускается массовое нарушение его прав и свобод, тем более проводится политика геноцида, то это национальное меньшинство, безусловно, имеет право на борьбу за независимость, а создание им собственного государства является вполне законным с точки зрения норм международного права. Проблема, однако, в том, что само по себе определение того, проводится ли в государстве политика геноцида, является делом достаточно субъективным и зависит от политических симпатий того или иного участника событий.

Скажем, как выработать четкий критерий понятия «массовые этнические чистки»? Точнее, как определить, в каком случае они массовые, а в каком их можно назвать частными случаями, эксцессами. Например, в 1999 г. в ходе бомбардировки Белграда авиацией НАТО страны Запада, и прежде всего США, оправдывали свои действия тем, что сербы проводят политику геноцида против косовских албанцев, осуществляют массовые этнические чистки. Однако, с точки зрения российского руководства, ни о каких массовых этнических чистках речи не было; США просто использовали отдельные случаи нарушения прав косовских албанцев (а то и просто фальсифицировали факты) для агрессии против Сербии. В 2008 г. в ходе событий в Южной Абхазии ситуация была диаметрально противоположной. Теперь уже российская сторона говорила о массовом уничтожении абхазов и осетин грузинской армией. Западные страны, и в первую очередь США, утверждали, что якобы имевшие место нарушения прав абхазов и осетин для России – не более чем предлог для агрессии против Грузии.

Другой критерий обоснованности признания «непризнанного государства» представляется более объективным. Его можно определить как состояние метрополии на момент создания нового государства. Иными словами, можно ли говорить о том, что в момент создания нового государства государство-метрополия вообще существовало? Если нет, то создание на его месте новых государств является легитимным с точки зрения норм международного права. Например, вполне легитимным и обоснованным в этом плане является создание на месте СССР пятнадцати новых государств – бывших союзных республик, а также Словении и Хорватии на территории Югославии, поскольку в момент создания названных государств и СССР, и Югославия де-факто уже распались, прекратив свое существование. Сегодня идеи восстановления СССР или Югославии даже не обсуждаются. А вот признание в качестве независимых государств Южной Осетии, Абхазии, Приднестровья или Косова является достаточно спорным как раз по причине того, что во всех этих случаях государство-метрополия, т. е. соответственно Грузия, Молдавия или Сербия, существует и законность его существования под сомнение мировым сообществом не ставится.

Еще одним критерием обоснованности претензий непризнанного государства на признание может стать длительность существования и внутренняя стабильность. Если непризнанное государство существует на протяжении длительного периода времени и, самое главное, демонстрирует свою внутреннюю состоятельность (эффективность работы властных структур, внутренний политический консенсус, наличие демократических институтов, обеспечение прав и свобод граждан и т. д.), то в этом случае государство может претендовать на признание как полноправный член мирового сообщества.

Наконец, заключительное условие – участие в решении проблемы ООН, которая должна стать местом обсуждения и принятия решений, касающихся проблем непризнанных государств.

Вторая важнейшая проблема, на решение которой также оказывает влияние политика «двойного стандарта», – *проблема соблюдения прав человека*.

Главным гарантом соблюдения прав человека и соответствующих норм международного права является ООН. Принятая ООН в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека провозглашала равенство прав и свобод человека «вне зависимости от пола, расы, языка или религии», право на жизнь, свободу и неприкосновенность, запрет пыток, свободу совести и вероисповедания, равенство прав от рождения и т. д. [2]. Положения Декларации были конкретизированы принятием в 1966 г. двух пактов о правах человека, статьи которых носили уже не рекомендательный, а обязательный характер для стран, присоединившихся к ним: Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

В этих документах законодательно закреплены такие права и свободы человека, как право на жизнь, труд, защиту материнства и детства, образование; право на создание профсоюзов, свобода совести, собраний, слова, вероисповедания; равенство перед законом, запрет рабства, запрет пыток и т. д. [3, 4]. Оба пакта были подписаны и ратифицированы большинством стран мира. Эти два документа в совокупности со Всеобщей декларацией прав человека объединены в так называемый Международный билль о правах человека. Зафиксированные в

нем нормы являются основой для деятельности ООН по защите прав человека.

Решением вопросов, связанных с защитой прав человека, в ООН занимаются как руководящие структуры этой организации – Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея, так и структуры специализированные – Верховный комиссар по правам человека, Совет по правам человека ООН, заменивший действовавшую до 2006 г. Комиссию по правам человека. В случае нарушения каким-либо государством прав человека ООН может применить против него систему санкций от сравнительно мягких (дипломатических демаршей) до более жестких (экономических и военных).

Вместе с тем в деле защиты прав человека ООН сегодня сталкивается с серьезной проблемой, порождаемой противоречием между двумя базовыми принципами международного права, – принципом суверенитета государства и принципом необходимости соблюдения прав человека.

С одной стороны, в рассмотренной выше Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (1970) четко сформулирован принцип суверенитета, подразумевающий, что каждое государство мира обладает правом на суверенитет, т. е. на неприкосновенность его границ, защиту со стороны мирового сообщества в случае агрессии против него другого государства и, самое главное, на проведение самостоятельной внутренней политики. С другой стороны, в Уставе ООН присутствует и принцип прав человека, подразумевающий, в частности, абсолютную недопустимость проведения политики геноцида, т. е. целенаправленного уничтожения той или иной группы общества по национальному, религиозному или какому-либо иному признаку.

Вот здесь как раз и возникает вопрос – что важнее: права человека или право государства на проведение независимой внутренней политики? Может ли мировое сообщество вмешаться в дела суверенного и независимого государства, если в нем проводится политика геноцида или в массовом порядке нарушаются права человека?

В практической плоскости это противоречие можно наглядно проиллюстрировать на примере событий в Сирии, которые стали камнем преткновения в отношениях США и европейских государств, с одной стороны, России и Китая – с другой. Напомним вкратце, что отправной точкой событий в Сирии стало начавшееся в 2011 г. вооруженное противостояние между президентом страны Башаром Асадом и сирийской оппозицией. Сегодня события в Сирии переросли в масштабную гражданскую войну. Все попытки США и европейских государств (Франции, Англии и Германии) добиться решения Совета Безопасности ООН о применении санкций против режима Асада, который США и их союзники считают диктаторским и антинародным, наталкиваются на противодействие сразу двух членов Совета Безопасности – России и Китая, последовательно блокирующих усилия США и их европейских союзников использованием права вето. Россия и Китай накладывали вето на проект соответствующего решения Совета Безопасности дважды – в октябре 2011 г. и в феврале 2012 г.

Дело здесь заключается в том, что Россия и Китай, с одной стороны, и страны Запада, с другой, трактуют события в Сирии с противоположных, взаимоисключающих позиций, которые как раз и лежат в рамках рассматриваемого противоречия. США и их европейские союзники считают, как уже было сказано выше, режим Асада антинародным и этим оправдывают необходимость вмешательства в дела Сирии, применение против нее санкций. Позицию же России предельно ясно обозначил министр иностранных дел России С.А. Лавров, который заявил, что «резолюция, о которой говорят наши западные партнеры... замышляется ими исключительно с одной целью: обострить ситуацию и создать условия для смены режима» [5]. Насилие в Сирии должно быть прекращено через политический диалог противостоящих сторон, т. е. президента Асада и оппозиции [6]. По словам нынешнего Председателя Правительства России Д.А. Медведева, «Россия готова поддержать резолюцию Совета Безопасности ООН в том случае, если она будет адресована обеим сторонам конфликта и не повлечет применения санкций» [7].

Попытаемся все же дать ответ на вопрос: как состыковать принцип соблюдения прав человека и право государства на суверенитет, на проведение независимой внутренней поли-

тики? Как и в рассматривавшейся ситуации с непризнанными государствами, неверно будет выстраивать решение проблемы по принципу жесткого выбора: либо права человека, либо государственный суверенитет. На практике необходимо оценивать каждый конкретно взятый случай, специфику ситуации.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что указанная проблема решается на двух уровнях – внутреннем, т. е. в рамках государства, и внешнем, т. е. с участием других государств.

Говоря о решении проблемы на внутреннем уровне, следует обратить внимание на то, что универсальность понятия «права человека» достаточно сомнительна. В трактовке прав человека в каждом конкретно взятом государстве существует некий зазор, обусловленный разными уровнями социально-экономического и политического развития, культуры, традиций, религии и т. д.

В качестве примера можно привести Всеобщую исламскую декларацию прав человека, принятую в 1981 г. В самом начале этой декларации говорится о том, что высшим и единственным источником прав человека является Всевышний, стоящий над структурами политической власти, т. е. власть имеет иррациональный, не зависящий от воли человека характер, что в корне противоречит западной политической традиции, считающей единственным источником прав и свобод человека сугубо материальные структуры – общество и государство. Весьма показателен следующий фрагмент декларации: «...Рациональность сама по себе, без озарения Всевышним не может ни указать человечеству правильный путь, ни дать духовную пищу человеческой душе». Применительно к политическим правам и свободам декларация гласит: «Каждый имеет право участвовать... в политической жизни общества и создавать институты и организации, призванные выполнять то, что представляет собой добро, и препятствовать осуществлению того, что есть зло». Об экономической деятельности говорится: «Разрешаются все виды экономической деятельности... не нарушающие исламские законы». Все приведенные выше цитаты ясно показывают принципиальное расхождение в трактовке прав человека восточной и западной традицией. Для Запада главное – четкие, понятные и рациональные правила, сформулированные в законах, источником которых является общество и государство. Для Востока – апелляция к морально-нравственным ценностям, источником которых является ислам и воля Всевышнего [8].

Приведенный пример достаточно наглядно показывает неприменимость понятия «права человека» вообще, в абстрактно-отвлеченном смысле, безотносительно к конкретно взятой ситуации. Из этого, в свою очередь, можно сделать вывод, что в каждой стране мира имеется собственная трактовка понятия «права человека» с учетом культурной, религиозной и национальной специфики. Другой вопрос, что никакие особенности национальной, культурной или религиозной специфики не могут оправдать такие вещи, как геноцид, насильственная ассимиляция того или иного национального меньшинства, преследования за религиозные, политические убеждения и т. д.

С 2002 г. дела по обвинениям в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности рассматривает Международный уголовный суд (МУС), членами которого, однако, не являются такие страны, как США, Россия, Китай, Индия. Хотя МУС не является частью ООН, он, тем не менее, может возбуждать дела по представлению Совета Безопасности ООН. МУС стал первым постоянным органом международного правосудия, созданным на основе договора между государствами для уголовного преследования лиц, нарушивших нормы международного права. Бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан так сформулировал миссию МУС: «Создание международного уголовного суда вселяет надежду на торжество справедливости во всем мире... Мы просим всех внести свой вклад в борьбу, направленную на то, чтобы ни один правитель, ни одно государство, ни одна хунта и ни одна армия где бы то ни было не могли нарушать права человека безнаказанно» [9]. В течение первых 10 лет работы судом было возбуждено несколько расследований, связанных с нарушением прав человека в одном из самых нестабильных регионов мира – Африке, самым громким из которых стало расследование МУС деятельности ливийского лидера Муаммара Каддафи и выдача ордера на его арест [10].

Однако роль и значение МУС в деле защиты прав человека не следует преувеличивать.

Во-первых, полномочия МУС ограниченны. В его компетенцию входит только рассмотрение преступлений, совершенных на территории государства – участника МУС, либо гражданином государства – участника МУС. Иными словами, если государство не является членом МУС, то юрисдикция последнего на это государство не распространяется.

Во-вторых, и это самое главное, в случае с МУС мы видим ту же фундаментальную проблему – противоречие между необходимостью защиты прав человека и государственным суверенитетом. Примечательно, что ряд ведущих государств мира относятся к МУС негативно. Например, Индия и Китай не присоединились к МУС и не признают его полномочия. США, хотя и признали МУС в 2000 г. и подписали его устав (Римский статут), однако уже в 2002 г. отозвали свою подпись. Россия подписала Римский статут, но не ратифицировала его и, таким образом, формально также не является членом МУС. Итак, юрисдикцию МУС фактически не признают три из пяти государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН: Россия, Китай, США. Их главный аргумент: МУС вмешивается во внутренние дела государства, нарушает его суверенитет.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что главной проблемой защиты прав человека в области международных отношений являются разные интерпретации понятия «права человека» в зависимости от культурных, религиозных и иных традиций и опасения вмешательства во внутренние дела государства под предлогом защиты прав человека. Очевидно, что здесь необходимо достижение некоего компромисса между общим и частным, т. е. между базовыми нормами международного права, универсальными и обязательными для всех государств мира, и трактовкой, интерпретацией этих норм с учетом национальной специфики. То есть на международном уровне (в первую очередь – в Уставе ООН) должны быть зафиксированы важнейшие права человека, нарушение которых абсолютно недопустимо, – прежде всего право человека на жизнь и свободу. Должны также эффективно действовать и международные структуры по контролю над соблюдением этих прав. Все государства должны привести свои законодательства в соответствие с международными стандартами и гарантировать их выполнение. При этом законодательство каждой конкретной страны может допускать определенные интерпретации в трактовке менее важных прав человека, связанных с национальной, религиозной и культурной спецификой.

Рассмотрим теперь проблему прав человека на внешнем уровне, т. е. через вмешательство во внутренние дела государства с целью защиты прав человека в виде так называемых гуманитарных интервенций.

Гуманитарную интервенцию можно определить как применение военной силы против государства или каких-либо сил на его территории для пресечения политики геноцида, под которым понимается массовое уничтожение людей по национальному, этническому, расовому или религиозному признаку. Самое главное – применение военной силы осуществляется без согласия государства или государств, на территории которых имеют место либо геноцид, либо межгосударственный или внутригосударственный конфликт [11].

Проблема заключается в том, что сам принцип «гуманитарной интервенции» содержит фундаментальное противоречие, о котором уже говорилось выше: между принципом территориальной целостности и правами человека. Допустимо ли вмешательство в дела суверенного государства в случае нарушения этим государством в массовых масштабах прав человека?

Сегодня существуют два диаметрально противоположных ответа на этот вопрос. Первый вариант ответа – мировое сообщество имеет право вмешаться в дела государства, нарушить его суверенитет, если в этом государстве проводится политика геноцида, а также в том случае, если в этом государстве имеет место масштабный вооруженный конфликт, в результате которого происходит массовая гибель людей. Теоретическим обоснованием этого подхода стала концепция «обязанности защищать», одним из сторонников которой является бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Суть концепции в том, что суверенитет – не только право контролировать свои внутренние дела, но и обязанность защищать граждан, проживающих в государстве. По мысли Аннана, «суверенитет может быть преодолен гуманитарной интервенцией в случае массовых нарушений прав человека» [12].

Дополнительным аргументом в защиту необходимости проведения гуманитарной интервенции служит то обстоятельство, что игнорирование нарушения прав человека в какой-либо стране неизбежно ведет к тому, что насилие перешагнет государственные границы и затронет интересы других государств, станет международной проблемой [13].

Наконец, гуманитарную интервенцию можно рассмотреть и как меру по спасению тех стран, которые попали в состояние хаоса. В данном случае говорить об агрессии вообще неуместно. Речь идет о вмешательстве ради создания элементов порядка на территории, где государства, по сути дела, нет, поскольку властные структуры не контролируют ситуацию ни в политической, ни в социально-экономической сфере [14].

Второй вариант ответа – вмешательство в дела другого государства недопустимо. Здесь главный аргумент заключается в том, что под благовидным предлогом (защиты прав человека или борьбы с политикой геноцида) государство, осуществляющее это вмешательство, может использовать его для своих корыстных целей, для оправдания агрессии. Более того, подобное вмешательство угрожает не только суверенитету отдельно взятого государства, но и грозит дестабилизацией ситуации в регионе или мире в целом. Сторонником названной точки зрения является Президент России В.В. Путин. Так, в самом начале своего первого президентского срока, затрагивая проблемы международных отношений, он заявил, что под лозунгами гуманитарных интервенций могут осуществляться попытки перекраивания политической карты мира [15].

Аналогичной позиции придерживается и такая влиятельная группа стран, как БРИКС, объединяющая Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику. Ее лидеры официально заявили, что БРИКС понимает озабоченность мирового сообщества нарушением прав человека и проведением политики геноцида. Однако, выбирая между необходимостью вмешательства в дела государства для пресечения политики геноцида и принципом недопустимости нарушения государственного суверенитета, БРИКС делает выбор в пользу последнего. Для решения же проблемы эта группа государств предложила дополнить концепцию «обязанности защищать» концепцией «ответственности во время защиты», основанной на идее превентивной дипломатии. Вмешательство во внутренние дела государства, тем более военная интервенция, допустимо лишь в самом крайнем случае. До этого необходимо использовать все меры, приложить максимальные усилия со стороны политиков, военных, общественных деятелей для разрешения кризисной ситуации исключительно мирными средствами [16].

То есть, как мы можем видеть, в случае с гуманитарной интервенцией как неким «внешним» способом решения проблемы прав человека на первый план выходит все та же проблема «двойного стандарта». В зависимости от политической целесообразности гуманитарную интервенцию можно интерпретировать либо как вынужденную меру, предпринятую ради защиты той или иной этнической или религиозной группы от геноцида или этнических чисток, либо как агрессию против независимого государства.

В заключение попытаемся сформулировать критерии обоснованности использования «гуманитарной интервенции».

Как представляется, первый и главный вывод – так же, как и в предыдущих случаях, нет и не может быть единой, универсальной модели оценки гуманитарной интервенции, определения ее критериев. И именно поэтому в каждом конкретном случае вопрос о необходимости проведения гуманитарной интервенции должен решаться крайне осторожно и тщательно, с учетом максимального числа аспектов проблемы.

Второй вывод – необходимость реформирования Совета Безопасности ООН, о чем идет речь с момента начала ликвидации Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений на рубеже 80–90-х гг. XX в. Многие эксперты и государственно-политические деятели солидарны в том, что реформа Совета должна заключаться в увеличении числа стран – членов Совета Безопасности. Так, в марте 2005 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан предложил расширить Совет до 24 членов и, самое главное, увеличить число постоянных членов Совета с 5 до 10, включив в их число Японию, Бразилию, Индию, Германию (так называемая G4) и одну из стран Африки [17]. Подобное расширение с целью улучшения работы Совета Безопасности,

повышения ее эффективности, более адекватного отражения позиции мирового сообщества представляется необходимым.

Еще один важный момент. Гуманитарная интервенция в виде военной операции – начальный этап процесса урегулирования конфликтной ситуации, а не его завершение. После проведения собственно военной операции возникает огромное количество проблем невоенного характера, начиная от решения проблем обеспечения населения продовольствием и заканчивая формированием структур управления, созданием судебной системы и т. д. Именно так, в комплексе с постконфликтным урегулированием и должна рассматриваться гуманитарная интервенция.

Таким образом, представляется необходимым более полное правовое определение понятия «гуманитарная интервенция», оформление нормами международного права положения о том, что после завершения военной операции гуманитарная интервенция в обязательном порядке должна продолжиться политическими и экономическими реформами, направленными на обеспечение безопасности граждан, проведением акций гуманитарного характера, установлением контроля над ситуацией со стороны мирового сообщества в лице ООН.

Итак, считаем необходимым сделать следующие выводы:

1. Три рассмотренные проблемы – *непризнанных государств*, *прав человека* и *гуманитарных интервенций* – тесно связаны друг с другом, а их решение в рамках «двойного стандарта» является постоянным источником напряженности в современных международных отношениях.

2. Реализация методов решения проблемы «двойного стандарта», обозначенных в статье, требует совместных усилий государственно-политических деятелей и специалистов в области международного права. Именно нечеткость и даже противоречивость трактовок норм международного права порождают проблему «двойного стандарта» и нестабильность системы международных отношений в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Декларация** о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principls.shtml (дата обращения: 12.03.2014).

2. **Всеобщая** декларация прав человека // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.03.2014).

3. **Международный** пакт о гражданских и политических правах // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.03.2014).

4. **Международный** пакт об экономических, социальных и культурных правах // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 12.03.2014).

5. **Лавров:** Запад пытается обострить ситуацию, чтобы сменить режим в Сирии // Интерфакс. URL: http://www.interfax.ru/news.asp (дата обращения: 11.12.2013).

6. **Чуркин:** Заблокированная РФ резолюция по Сирии отражала конфронтационный подход // Росбалт.Ru. URL: http://www.rosbalt.ru/main/allnews (дата обращения: 11.12.2013).

7. **Возмущенные** словами Медведева сирийцы жгут флаги России // Сегодня.Ua. URL: http://www.segodnya.ua (дата обращения: 11.12.2013).

8. **Всеобщая** исламская декларация прав человека // Сайт издательского дома GA&GG Press AB. URL: http://www.ca-c.org/jornal/08-1997/st_21_pravaisl.shtm (дата обращения: 12.04.2014).

9. **Международный** уголовный суд. Исторический обзор // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtm (дата обращения: 12.04.2014).

10. **International** Criminal Court. Situation and cases. UN Website: Available at: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situationandcases/Pages/situationandcases.aspx (accessed 12.04.2014).

11. **Holzgrefe J.** The Humanitarian Intervention Debate // Holzgrefe J., Keohane R. Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 452 p.

12. **Annan K.** The Secretary – General Address to the Millennium Summit New York. September 6, 2000. UN Website. Available at: http://www.un.org/millennium/webcast/statements/sg.htm2000(accessed 12.04.2014).

13. **Walzer M.** The Politics of Rescue // Arguing About War. New Haven L., 2004; **Nye J.** Redefining the National Interest // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 4. Pp. 78–89.

14. **Rivero O.** The Myth of Development. The non-Viable Economies of the 21 st. Century. L.; N. Y.: Zed Books, 2001. 349 p.

15. **Путин В.В.** Выступление при представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. Москва. URL: http://www.russiatoday.ru/archive/no_14/14_federal_power201.htm (дата обращения: 11.12.2013).

16. **Дейч Т.** БРИКС как новый игрок в сфере международной безопасности // Сайт Российского совета по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id-4=2811#top (дата обращения: 15.12.2013).

17. **При большей** свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех. Доклад Генерального секретаря ООН // Электронная б-ка международных документов по правам человека. URL: http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=306 (дата обращения: 12.12.2013).

O.V. Kuzmina, V.Yu. Lukyanov

THE USE OF "DOUBLE STANDARD" – THE MOST IMPORTANT PROBLEM CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

KUZMINA Olga V. – *St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.*

Kronverkskiy pr., 49, St. Petersburg, 197101, Russia

e-mail: kuzminao@mail.ru

LUKYANOV Vladimir Yu. – *St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.*

Kronverkskiy pr., 49, St. Petersburg, 197101, Russia

e-mail: volodya.luckyanov@yandex.ru

This article is devoted to a problem double standard that is estimation some problem of international relations in connection with political profits of some state ore political statesman, but not political realities. Three main problems of international relations which lies in the field of double standard – non-recognized states, human rights and humanitarian intervention were analyzed. It was making an attempt to found out ways of decision these ones by analyzing world political situation and Charter of the United Nation. Finally it was pointed out that joined efforts of specialists in the field of international law and political science must be used for decision of this problem.

DOUBLE STANDARD; INTERNATIONAL RELATIONS; NON-RECOGNIZED STATES; HUMAN RIGHTS; HUMANITARIAN INTERVENTIONS; CHARTER OF THE UNITED NATION; INTERNATIONAL LAW.

REFERENCES

1. Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya druzhestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva mezhdu gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizatsii Obyedinennykh Natsiy [Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations]. UN Website. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principls.shtml (accessed 12.03.2014).

2. *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka* [The Universal Declaration of Human Rights]. UN Website. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 12.03.2014).

3. *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh* [International Covenant on Civil and Political Rights]. UN Website. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed 12.03.2014).

4. *Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsialnykh i kulturnykh pravakh* [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. UN Website. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (accessed 12.03.2014).

5. *Lavrov: Zapad pytayetsya obostrit situatsiyu, chtoby smenit rezhim v Sirii* [Lavrov: The West is trying to aggravate the situation to change the regime in Syria]. INTERFAX. Available at: http://www.interfax.ru/news.asp (accessed 11.12.2013).

6. *Churkin: Zablokirovannaya RF rezolyutsiya po Sirii otrazhala konfrontatsionnyy podkhod* [Churkin: The locked Russian resolution on Syria was reflect confrontational approach]. ROSBALT.RU. Available at: http://www.rosbalt.ru/main/allnews (accessed 11.12.2013).

7. *Vozmushchennyye slovami Medvedeva siriytsy zhgut flagi Rossii* [Indignant words of Medvedev Syrians have been burning Russian flags]. Segodnya.Ua. Available at: http://www.segodnya.ua (accessed 11.12.2013).

8. *Vseobshchaya islamskaya deklaratsiya prav cheloveka* [Universal Islamic Declaration of Human Rights]. Server publishing house GA & GG Press AB. Available at: http://www.ca-c.org/jornal/08-1997/st_21_pravaisl.shtm (accessed 12.04.2014).

9. *Mezhdunarodnyy ugolovnyy sud. Istoricheskiy obzor* [International Criminal Court. Historical overview]. UN Website. Available at: http://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtm (accessed 04.12.2014).

10. International Criminal Court. Situation and cases. UN Website: Available at: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situationandcases/Pages/situationandcases.aspx (accessed 12.04.2014).

11. Holzgrefe J. The Humanitarian Intervention Debate. *Holzgrefe J., Keohane R. Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 452 p.

12. Annan K. The Secretary – General Address to the Millennium Summit New York. September 6, 2000. UN Website. Available at: http://www.un.org/millennium/webcast/statements/sg.htm 2000 (accessed 12.04.2014).

13. Walzer M. The Politics of Rescue. *Arguing About War*. New Haven L., 2004; Nye J. Redefining the National Interest. *Foreign Affairs*, 1999, vol. 78, no. 4, pp. 78–89.

14. Rivero O. The Myth of Development. The non-Viable Economies of the 21 st. Century. London; New York, Zed Books, 2001. 349 p.

15. Putin V.V. *Vystupleniye pri predstavlenii yezhegodnogo Poslaniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federalnomu sobraniyu Rossiyskoy Federatsii 8 iyulya 2000 g.* Moskva. [Speech which is of annual representation the President's Address to the Federal Assembly of the Russian Federation of July 8, 2000 in Moscow]. RUSSIATODAY.RU. Available at: http://www.russiatoday.ru/archive/no_14/14_federal_power 201.htm (accessed 11.12.2013).

16. Deych T. *BRIKS kak novyy igrok v sfere mezhdunarodnoy bezopasnosti* [BRICS as a new player in the field of international security]. Website of the Russian Council on International Affairs. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id-4=2811#top (accessed 15.12.2013).

17. *Pri bolshey svobode: k razvitiyu, bezopasnosti i pravam cheloveka dlya vsekh*. Doklad Generalnogo sekretarya OON [In larger freedom: towards development, security and human rights for all. Report of the UN Secretary General]. Digital Library of international human rights documents. Available at: http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=306 (accessed 12.12.2013).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 327.54

К.А. Агафонов

ОСНОВНЫЕ ДИЛЕММЫ И РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ НЕЙТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

АГАФОНОВ Константин Александрович – *аспирант Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: agafonov.k@inbox.ru

Статья посвящена исследованию проблем и перспектив политики нейтралитета в условиях холодной войны. Дан анализ политических, дипломатических, военных, экономических и иных вызовов для нейтральных государств, а также их возможных ролей как субъектов системы международных отношений выбранного периода. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что в эпоху холодной войны нейтралитет трансформировался из нормы классического международного права в многоуровневую активную внешнюю политику, нацеленную на снижение международной напряженности на региональном и глобальном уровнях.

ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА; ХОЛОДНАЯ ВОЙНА; ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ; МЕЖДУНАРОДНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ; РАЗРЯДКА; ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ; РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ.

Феномен нейтралитета наравне с международной системой в целом претерпевает серьезные структурные изменения в послевоенный период. Классическое понятие нейтралитета, сформировавшееся одновременно с понятием суверенитета государства, с течением времени развивалось и обогащалось все новыми положениями и в 1907 г. было зафиксировано в Гаагской конвенции как устоявшаяся норма международного права [См. подробнее: 1].

Тем не менее в условиях послевоенной системы международных отношений юридический характер нейтралитета, трактующий права и обязанности стран в условиях войны и базирующийся на принципе беспристрастия, уступает место многосоставному и зачастую ускользающему понятию политики нейтралитета, предполагающей следование принявших на себя обязательства государств определенному курсу и в мирное время.

Для понимания феномена нейтралитета в эпоху холодной войны необходимо проанализировать вызовы нейтральным государствам и их отклики на такие присущие международной системе свойства, как биполярность, идеологическое противостояние сверхдержав и соответствующих им блоков, появление ядерного оружия и растущая экономическая взаимозависимость.

Шведский политолог Б. Сунделиус выделяет четыре основные «дилеммы» для нейтральных стран: стратегическую, экономическую, позиционную и ролевую. Однако в своих статьях Сунделиус акцентирует внимание на периоде новой холодной войны[1].

Попробуем спроецировать данную модель четырех составляющих на весь период холодной войны.

Стратегическая дилемма подразумевает основную функцию политики нейтралитета лю-

[1] Новая холодная война – период международной напряженности в первой половине 1980-х гг., вызванной вторжением СССР в Афганистан в 1979 г., «Двойным решением НАТО» 1979 г., введением военного положения в Польше в 1981–1983 гг. и рядом других конфликтных ситуаций между Востоком и Западом в различных регионах мира [17, 18].

бого государства – сохранение суверенитета и обеспечение собственной безопасности в условиях возможного вооруженного конфликта.

Согласно правилам классического нейтралитета, государство, желающее оставаться нейтральным в войне, обязуется не допускать использования его территории, морского и воздушного пространства воюющими странами. Выполнение этого условия требует от нейтрального государства превентивных мер, в том числе необходимости поддерживать собственную обороноспособность на должном уровне, согласно международным стандартам, и на уровне других стран, схожих по размерам территории, численности населения и уровню экономического развития [20, с. 54]. Анализируя военный потенциал и оборонительные способности европейских нейтральных государств Швейцарии, Швеции, Финляндии и Австрии, можно прийти к выводу, что эти страны обладали внушительными по численности и подготовке армиями и серьезным запасом обычного вооружения в сравнении с другими небольшими странами – членами военных блоков. Безусловно, Швеция и Швейцария имели технически более развитый военный потенциал, нежели Австрия и Финляндия, так как численность и допустимое оснащение армий последних были регламентированы соответствующими мирными договорами [Там же. С. 55–61]. Стоит отметить, что для Финляндии и Австрии, нейтралитет которых опирается на внешнеполитический курс и дипломатию, а не на строгую норму международного права или глубокие исторические корни, излишнее упоминание о самообороне и военных приготовлениях в своей риторике было едва ли оправданно.

Несмотря на тот факт, что возможность нейтрального государства самостоятельно защитить себя от агрессии одной из воюющих сторон выгодна для обоих участников вооруженного конфликта [17, с. 13], ответная реакция США и СССР на обсуждение в политических кругах Швеции и Швейцарии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. возможностей и целесообразности обретения их странами тактического ядерного оружия была крайне негативной. Безусловно, наличие ядерного потенциала в нейтральных государствах расстроило бы сложившийся к тому моменту баланс сил. Для самих же Швейцарии и Швеции это едва ли принесло бы выгоду, так как им отводилось бы другое, менее завидное, место в стратегии великих держав, что выражалось бы в более пристальном внимании к проводимой этими странами политике и готовности принять более жесткие меры в ответ на их отступление от ожидаемого курса [9, с. 175–183].

Стоит отметить, что классическое понимание нейтралитета сложилось в эпоху, когда различие между военными потенциалами великих держав и нейтральных стран было незначительным [15, с. 87]. В послевоенную эпоху блоки Востока и Запада аккумулировали в своих руках беспрецедентный по разрушительной способности военный ядерный потенциал. Иными словами, по сравнению со сверхдержавами даже кумулятивные оборонные способности европейских нейтральных государств были смехотворными. Попытавшись преодолеть эту лакуну, нейтральные государства вынуждены были либо столкнуться с экономическими проблемами, многократно увеличив расходы на разработку собственного вооружения, либо подвергнуть риску свой нейтралитет, закупая вооружение у стран – участниц военных блоков [15, с. 88–89; 17, с. 13–14].

В этих условиях на передний план выходит политика нейтралитета в мирное время, направленная на избежание войны и преодоление конфликтов [7, с. 179]. Тогда как классическое понятие нейтралитета опирается на нормы международного права, изоляционизм и самодостаточность, в эпоху холодной войны нейтральные государства должны улучшать климат системы международных отношений, создавая такие модели и системы, внутри которых ни один из участников не будет извлекать выгоды из международных конфликтов [6, с. 57–59].

Для достижения этой цели необходимо смещение ценностей политики нейтралитета от исключительно военной сферы к политической, социально-экономической сферам, миротворчеству, разоружению и позитивному развитию глобальной международной системы [7, с. 180–181; 12, с. 41–42].

Одним из важнейших вызовов для нейтральных государств в XX в. явилось образование систем коллективной безопасности, перед ними встала проблема совместимости их целей и задач с избранной политикой нейтралитета. Предполагаемая диаметральная противополож-

ность двух систем безопасности – нейтралитета и Лиги Наций – уже в 1921 г. была устранена поправкой к XVI статье Устава. Неадекватная реакция Лиги Наций на вторжение войск Италии в Эфиопию многим государствам, в том числе и нейтральным государствам Европы, показала, что такая система коллективной безопасности не способна обеспечить безопасность на глобальном уровне. В связи с этим конец 1930-х гг. был ознаменован расцветом классического нейтралитета в Европе [8, с. 57–59].

Учитывая неудачный опыт Лиги Наций, нейтральные государства Европы в послевоенный период уже не лелеяли надежду на уникальные возможности ООН в деле международной безопасности. Несмотря на первичное негативное отношение стран-победительниц к возможности членства нейтральных государств в ООН, последние в конечном итоге были допущены, так как формально Устав, не предполагающий автоматического механизма санкций, имел ряд и других легальных лазеек для участия нейтральных государств в данной Организации [4, с. 113]. Проанализировав деятельность ООН с момента первой разрядки напряженности, можно прийти к выводу, что цели и методы ее смещаются от идеи коллективного сдерживания и становятся все более совместимыми с политикой активного нейтралитета. Именно поэтому европейские нейтральные государства Швеция, Австрия и Финляндия активно участвовали в международных миротворческих операциях и деятельности Департамента по разоружению. В этой связи ООН становится платформой международного признания политики нейтралитета и гарантом ее состоятельности [8, с. 60–62; 12, с. 42–43].

Согласно классической модели нейтралитета, нейтральное государство должно поддерживать гармоничные торговые отношения со сторонами конфликта и не участвовать в эмбарго и экономических санкциях, т. е. не отдавать свое предпочтение одной из воюющих сторон. Статус постоянного нейтралитета предполагает принятие такими государствами обязательств по выстраиванию своих международно-экономических отношений и в мирное время таким образом, чтобы обязательства по экономическим и торговым соглашениям не ставили их в зависимое положение от своих партнеров, подрывая тем самым возможность нейтрального государства оставаться нейтральным в случае вооруженного конфликта. Безусловно, в этой связи максимальной состоятельности политики нейтралитета будет соответствовать автаркия [15, с. 90]. Однако европейские нейтральные государства – крайне индустриализованные активные участники международной торговли с исключительно высоким уровнем социально-экономического развития [6, с. 109]. Нахождение в стороне от развивающейся системы экономической интеграции угрожает ключевым ценностям этих государств, зависимых от рынков сырья, высоких технологий и международных инвестиций, – высокому уровню жизни их населения и международному признанию производимой ими продукции.

Начиная с 1945 г. можно наблюдать склонность международного сообщества вмешивать международную торговлю в вопросы стратегической безопасности, стирая тем самым грань между экономической, политической и даже военной сферами международных отношений, что создает определенные проблемы для нейтральных государств на пути их ассимиляции в развивающейся системе европейской экономической интеграции [17, с. 17; 13, с. 206].

Программа «плана Маршалла» и сопутствовавшее ей создание Организации экономического сотрудничества и развития впервые в послевоенный период потребовали от европейских государств общности в экономической сфере. Несмотря на тот факт, что эти программы были по своей сути «экстренными и разовыми предприятиями» [8, с. 63], открыто не подразумевающими дальнейшего развития в политический блок, Финляндия была вынуждена отказаться от вступления по политическим причинам.

Гораздо более серьезным вызовом для нейтральных государств стало развитие общего рынка европейских стран, начавшееся в 1950-х гг. В рамках Стокгольмской конвенции 1959 г. нейтральные Австрия, Швеция и Швейцария стали одними из основателей Европейской ассоциации свободной торговли. Ассоциация не стала камнем преткновения для политики нейтралитета во многом благодаря своей внутренней организации. Так, руководящий орган ЕАСТ – Совет обязан был достичь единогласного согласия всех членов организация для принятия решения по воплощению дальнейшей политики. Таким образом, ней-

тральные участники могли бы заблокировать любые возможные меры, противоречащие их статусу постоянно нейтрального государства. Финляндия, однако, в связи с особенностями своих отношений с СССР смогла принять только ассоциативное членство в организации в 1961 г., а полное членство лишь в 1986 г. [14, с. 118–120].

Совершенно иным образом нейтральными странами и международным сообществом было воспринято их возможное вступление в ЕЭС, постепенно формировавшееся в более сложный экономико-политический орган с 1958 г. В отличие от ЕАСТ уже на момент своего образования ЕЭС представляло собой таможенный союз, устанавливающий барьеры для сторонних участников. Голосование в ЕЭС проводилось на основе правила большинства, что исключало возможность для нейтральных стран Европы, даже объединившихся в негласный союз, накладывать вето на решения Совета и Комиссии организации. Швеция, Австрия и Швейцария в 1972 г. подписали соглашения о свободной торговле с ЕЭС, позволяющие этим государствам придерживаться избранного курса нейтралитета и принимать односторонние решения во время военных действий или серьезной международной напряженности. Финляндия же вновь пошла по самобытному пути, подписав соглашение с ЕЭС, в котором исключалась «эволюционная оговорка»[2], годом позже [Там же].

Римский договор 1957 г. подразумевал, что ЕЭС по своей природе будет являться не только экономической организацией, но и политическим союзом. Представители ряда стран – членов НАТО высказывали свое сомнение в том, что нейтральные государства смогут привести свою политику к общему знаменателю с целями общего рынка, предполагающими общность внешнеполитического курса и координирование оборонительных действий. Многие даже выступали против ассоциации нейтральных государств с ЕС, так как такое членство перечило бы политической философии Римского договора [2, с. 339–340]. Постепенно развивающаяся тенденция к все большей координации в политической сфере достигла своего апогея и нашла свое отражение в Едином европейском акте в 1986 г., когда ЕЭС аккумулировало в себя 90 % населения Западной Европы [13, с. 206].

Как уже было сказано выше, заслуживающая доверия политика нейтралитета предполагает развитие нейтральными странами сбалансированной системы международной торговли с равносильными векторами в обоих направлениях. В этой связи нейтральные государства могут играть положительную роль торговых мостов между Востоком и Западом, способствуя снижению поляризации и разрядке международной напряженности. Находясь за рамками политических и экономических ограничений альянсов, эти страны в наибольшей степени склонны к развитию взаимовыгодной торговли и индустриальной кооперации со странами разных политических и экономических систем [4]. Показателен пример Финляндии, получавшей исключительную выгоду от интенсивного сотрудничества со странами социалистического блока в периоды экономической стагнации на Западе [17, с. 18].

В условиях ядерного паритета ни США, ни СССР не станут использовать стратегическое атомное вооружение в обоюдном конфликте интересов. Конфликт Востока и Запада отходит все дальше от военной сферы и затрагивает не только экономическую сферу и торговлю, но и идеологию. Позиционная дилемма нейтральных государств заключается в опасности подорвать состоятельность своей политики нейтралитета в глазах одной из великих держав в идеологическом противостоянии социализма и коммунизма. Безусловно, все нейтральные государства Европы являются западными демократиями с плюралистической политической системой и капиталистической экономикой. Иными словами, они полностью разделяют основные ценности Запада, а устои социалистической системы им чужды. В этой связи многие склонны утверждать, что нейтральные страны не являются таковыми в рамках идеологических предпочтений, а сохраняют нейтралитет только в интересах национальной политики безопасности [10, с. 156–157].

С другой стороны, в периоды наивысшей напряженности сверхдержавы склонны особенно пристально наблюдать за проводимой нейтральными странами политикой и требовать от

[2] Эволюционная оговорка предполагала возможность ходатайства нейтрального государства о расширении сотрудничества и подписания дополнительных соглашений с ЕЭС.

них четкой позиции в идеологическом конфликте Востока и Запада. Отвечая на данное требование, нейтральному государству крайне важно не скомпрометировать себя в глазах одной из держав, подорвав тем самым состоятельность своей политики нейтралитета в случае вооруженного конфликта. Руководства нейтральных государств прибегают к различным путям решения этой проблемы: сведению к минимуму любых упоминаний об идеологических пристрастиях, проводя цензуру в СМИ, отрицанию зависимости идеологического фактора и проводимой внешней политики или акцентированию своего равноудаленного положения по отношению к обеим идеологиям [11, с. 307].

Именно позиционная дилемма выявляет крайне важные составляющие любой политики нейтралитета – состоятельность и приемлемость. Состоятельность политики нейтралитета заключается в наибольшей вероятности приверженности нейтральных государств избранному курсу в условиях возможных вооруженных конфликтов и других вызовов международной системы. Эта вероятность оценивается ключевыми акторами на международной арене: великими державами и их альянсами. Определяя состоятельность внешней политики нейтрального государства, они склонны обращать внимание в первую очередь на фактическое положение этих стран в системе международных отношений, а не на провозглашенные ими направления и цели внешней политики [5, с. 26–28]. Так, в СССР были склонны пропускать мимо ушей даже самые торжественные обещания нейтральных стран следовать своему курсу, тогда как в США к этим провозглашениям зачастую относились несерьезно, ожидая, что в случае конфликта нейтральное государств выступит на стороне своих идеологических товарищей из Западного блока [15, с. 95].

Приемлемость политики нейтралитета подразумевает, что данная политика не противоречит стратегическим целям и задачам великих держав в настоящий момент времени. Этот показатель является ключевым основанием для возможности проведения нейтральным государством политики по разрешению конфликтов и общему оздоровлению международной системы [5, с. 30–31].

Таким образом, мы переходим к ролевой дилемме нейтральных государств. Выше уже отмечалось, что нейтральные государства, благодаря своему обособленному положению в системе Восток – Запад, могут проводить активную внешнюю политику по укреплению мира и развивать экономические отношения между обеими системами. Необходимо подробнее рассмотреть вклад нейтральных стран в дело развития международной системы.

Аккумулируя значительную состоятельность своего внешнеполитического курса, нейтральные государства являются наиболее стабильными элементами на международной арене. Это позволяет им создавать вокруг себя зоны стабильности, способствуя разрядке напряженности в Европе [19, с. 128]. В этом отношении все нейтральные страны Европы могут служить примерами в рамках своих регионов.

Но все ли нейтральные государства показывали одинаковый уровень участия в рамках отведенных им ролей?

В рамках политики наведения мостов нейтральные страны представляют собой связующие звенья между двумя лагерями, что особенно важно в условиях поляризации, негибкой политики блоков и недостатка межблочного общения [5, с. 212]. Финляндия, Австрия и Швеция выступали пионерами в деле заключения долгосрочных торговых соглашений со странами Восточной Европы. Финляндия же шла еще дальше, развивая контакты с Восточным блоком в индустриальной и научно-технической сферах. Финляндия также показала максимум отзывчивости к Востоку, отвергнув участие в дискриминирующих процессах Западного блока [4].

Несколько иная картина наблюдается в посреднической деятельности нейтральных стран, представляющей собой «особую форму миротворчества, в которой сторонний участник по собственному желанию или по приглашению противоборствующих сторон вступает в конфликт с целью помощи последним в деле заключения соглашения» [Цит. по: 5, с. 218]. В качестве видных примеров такой политики можно выделить посредничество Швейцарии в войне Алжира за независимость и кризисе, вызванном захватом американских заложников в Иране [Там же. С. 221].

Швеция продемонстрировала активное участие в переговорах в рамках конференций по разоружению в Женеве. Проявляя интерес

к вопросам ядерного вооружения, эта страна в 1965–1966 гг. предложила создание глобальной группы вычисления ядерных испытаний сейсмологическими методами, подтвердив свои намерения возведением подобной базы на собственной территории в 1968 г. и активным пропагандированием исследований ядерного и других типов запрещенных вооружений в рамках ООН в 1970-х гг. [5, с. 222–223].

В качестве отдельной группы можно выделить независимые предложения и инициативы, не попадающие в предыдущие категории. Сюда можно отнести планы по созданию безъядерных зон в Европе шведского министра Бу Эстена Ундена в 1961 г. и президента Финляндии Урхо Кекконена в 1963 и 1978 гг. Несмотря на то что оба плана так и не были воплощены, сама инициатива положительно сказалась на международном имидже политики нейтралитета этих стран [Там же. С. 228–229].

В техническом плане очень важна роль нейтральных государств в предоставлении услуг по размещению и проведению международных конференций и переговоров. Участвуя в конференциях, проводимых нейтральными государствами, страны открыто признают независимое положение нейтральных государств в противостоянии Востока и Запада, объективность и состоятельность их политики нейтралитета и ее возможности в сфере урегулирования конфликтов. В качестве основных примеров можно выделить Женевскую конференцию «Большой четверки» 1955 г., Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и подготовительные этапы к нему в Хельсинки в 1972–1975 гг., проведение переговоров ОСВ также в Хельсинки в 1969–1972 гг., переговоров о взаимном сбалансированном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе между НАТО и ОВД в Вене в 1973–1989 гг. и пр. [Там же. С. 232–234].

Стоит выделить деятельность нейтральных стран в ходе встреч Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в рамках которых нейтральные участники смогли объединить свои усилия, использовать все свои ролевые возможности и внести большой вклад в продвижение целей этой организации. Уже на подготовительной стадии, после встречи Генри Киссинджера и представителей Советского Союза в Москве в 1972 г., стало понятно, что в рамках СБСЕ будет рассматриваться широкий спектр политических проблем, тогда как основные вопросы военной политики будут решаться представителями сверхдержав в ходе переговоров о взаимном сбалансированном сокращении вооруженных сил и вооружений в Вене [1, с. 149]. Осознавая, что важные аспекты их безопасности могут быть решены без их участия, нейтральные государства объединились в группу с целью продвижения ОБСЕ не только как политической организации, но и ведущего форума по вопросам вооружения. Ключом к созданию группы нейтральных и неприсоединившихся стран стали принципы равенства всех участников и конфиденциальности, предотвращающие возможность срыва переговоров великими державами из-за несоответствия взглядов и блоковой политики и позволяющие нейтральным государствам участвовать в дискуссиях по безопасности и внешней политике наравне с обоими блоками. Начав с простой разработки и координирования программы совещаний, нейтральные государства позднее проявили себя как незаменимые посредники в конфликтных ситуациях между Востоком и Западом. Так, в рамках Женевского этапа СБСЕ в 1974 г. именно совместная инициатива Швеции и Швейцарии, поддержанная другими нейтральными странами, помогла сдвинуть с мертвой точки, порожденной непримиримыми противоречиями между представителями Востока и Запада, процесс согласования текста Заключительного акта [3].

Со времен первой разрядки напряженности после Женевской конференции 1955 г. соответствие целей и задач ООН и политики нейтралитета постепенно стало получать признание в мировом сообществе [5]. Нейтральные страны, являясь, за редким исключением, активными участниками миротворческих, административных и гуманитарных кампаний ООН, подчеркивают свое стремление к устранению конфликтности в международных отношениях и переходу от разрядки к установлению всеобщего мира.

Подводя итоги, можно утверждать, что с течением холодной войны нейтралитет сбрасывал с себя элементы безучастия и укрывательства, присущие его классической трактовке, и превращался в активную мирную политику. Однако не стоит забывать, что возможности

нейтральных государств не безграничны, они зависят от климата международной системы, и в большей степени от великих держав. Так, во времена напряженности последние склонны пристально следить за политикой нейтральных стран, требуя от них более четкой манифестации своего внешнеполитического курса и следования обязательствам нейтралитета. Во времена разрядки, когда поляризация блоков находится на низком уровне, нейтральные страны могут трактовать политику нейтралитета более широко и выгодно для своих стремлений, спектр их ролей на международной арене расширяется.

Здесь же невозможно не упомянуть правило двух аспектов политики нейтралитета. Позитивный аспект заключается в убеждении конфликтных сторон в абсолютной полезности нейтралитета для них самих и международной системы в целом. Негативный аспект опирается на классический принцип самозащиты как угрозы для возможных посягателей на нейтральное государство [9]. Активный или позитивный нейтралитет, проводимый нейтральными странами в эпоху разрядки, по своей сути кардинально отличается от классического нейтралитета.

Проведенный анализ дилемм нейтральных государств наглядно показывает, насколько в эпоху холодной войны стирается присущая классическому нейтралитету грань между военной, политической и экономической областями. Спектр же представленных ролей, которые играют нейтральные страны в эпоху холодной войны, показывает, насколько многогранной может быть политика нейтралитета, не заключенная в традиционные юридические рамки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Birnbaum K.E.** The Neutral and Non-Aligned States in the CSCE Process // The Neutral Democracies and the New Cold War / ed. by Sundelius, Bengt. Boulder, Colorado: Westview Press, 1987. P. 148–160.

2. **Devine K.** Neutrality and the Development of the European Union's Common Security and Defence Policy: Compatible or Competing? // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46. No. 3. P. 334–369.

3. **Fischer T.** Neutral Power in the CSCE : the N+N States and the Making of the Helsinki Accords 1975. Baden-Baden: Nomos, 2009. 392 p.

4. **Hakovirta H.** Neutral states in East-West economic cooperation // Coexistence : a review of East-West and development issues. 1981. Vol. 18. No. 2. P. 95–119.

5. **Idem.** East-West Conflict and European Neutrality. N. Y.: Clarendon Press; Oxford University Press, 1988. 291 p.

6. **Joenniemi P.** Models of Neutrality: The Traditional and Modern // Cooperation and Conflict. 1988. Vol. 23. No. 1. P. 53–67.

7. **Idem.** The Peace Potential of Neutrality: A Discursive Approach // Security Dialogue. 1989. Vol. 20. No. 2. P. 175–182.

8. **Karsh E.** International Co-operation and Neutrality // J. of Peace Research. 1988. Vol. 25. No. 1. P. 57–67.

9. **Idem.** Neutrality and Small States (Routledge Revivals). Routledge, 2011. 240 p.

10. **Kruzel J.J.** The European Neutrals, National Defense, and International Security // Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States / ed. by Kruzel J.J. and Haltzel M.H. Cambridge: Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989. P. 133–161.

11. **Idem.** The Future of European Neutrality // Ibidem. P. 295–312.

12. **McSweeney B.** The Politics of Neutrality: Focus on Security for Smaller Nations // Security Dialogue. 1987. Vol. 18. No. 1. P. 33–46.

13. **Idem.** The European Neutrals and the European Community // J. of Peace Research. 1988. Vol. 25. No. 3. P. 205–211.

14. **Neuhold H.** The Neutral States of Europe: Similarities and Differences // Neutrality: Changing Concepts and Practices / ed. by Alan T. Leonhard. Lanham; N. Y.; L.: University Press of America, 1988. 155 p.

15. **Idem.** Challenges to Neutrality in an Independent World // Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States / ed. by Kruzel J.J. and Haltzel M.H. Cambridge: Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989. P. 83–98.

16. **Ogley R.** The Theory and Practice of Neutrality in the Twentieth Century. L.: Routledge & Kegan PauL, 1970. 217 p.

17. **Sundelius B.** Dilemmas and Security Strategies for Neutral Democracies // The Neutral Democracies and the New Cold War / ed. by Sundelius, Bengt. Boulder, Colorado: Westview Press, 1987. P. 11–33.

18. **Idem.** National Security Dilemmas and Strategies for the European Neutrals // Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States / ed. by Kruzel J.J. and Haltzel M.H. Cambridge: Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989. P. 133–161.

19. **Thalberg H.** The European Neutrals and Regional Stability // European Neutrals in International Affairs / ed. by Neuhold, Hanspeter and Thalberg, Hans. Vienna: Wilhelm Braumüller, 1984. P. 125–133.

20. **Vetschera H.** Neutrality and Defense: Legal Theory and Military Practice in the European Neutral's Defense Policies // Defense & Security Analysis. 1985. Vol. 1. No. 1. P. 51–64.

K.A. Agafonov

THE CORE DILEMMAS AND ROLE STRATEGIES FOR EUROPEAN NEUTRAL STATES IN THE FRAMEWORK OF THE COLD WAR'S INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM

AGAFONOV Konstantin A. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: agafonov.k@inbox.ru

The article is devoted to the examination of problems and prospects for the policy of neutrality in the course of the Cold War. Political, military, diplomatic, economical and other challenges as well as the variety of potential and already occupied roles for European neutral democracies are examined by the author. From the conducted examination author infers that the phenomenon of neutrality in the Cold war era transcends it's classical trait as mere a norm of international law und evolves as multifaceted active foreign policy striving for the preservation of Détente and establishment of the eternal peace.

POLICY OF NEUTRALITY; THE COLD WAR; SECURITY CHALLENGES; INTERNATIONAL TENSIONS; DÉTENTE; ECONOMICAL INTERDEPENDENCE; CONFLICT RESOLUTION.

REFERENCES

1. Birnbaum K.E. The Neutral and Non-Aligned States in the CSCE Process. *The Neutral Democracies and the New Cold War*. Boulder, Colorado, Westview Press, 1987. Pp. 148–160.

2. Devine K. Neutrality and the Development of the European Union's Common Security and Defence Policy: Compatible or Competing? *Cooperation and Conflict*, 2011, vol. 46, no. 3, pp. 334–369.

3. Fischer T. Neutral Power in the CSCE : the N+N States and the Making of the Helsinki Accords 1975. Baden-Baden, Nomos, 2009. 392 p.

4. Hakovirta H. Neutral states in East-West economic cooperation. *Coexistence: a review of East-West and development issues*, 1981, vol. 18, no. 2, pp. 95–119.

5. Hakovirta H. East-West Conflict and European Neutrality. New York, Clarendon Press; Oxford University Press, 1988. 291 p.

6. Joenniemi P. Models of Neutrality: The Traditional and Modern. *Cooperation and Conflict*, 1988, vol. 23, no. 1, pp. 53–67.

7. Joenniemi P. The Peace Potential of Neutrality: A Discursive Approach. *Security Dialogue*, 1989, vol. 20, no. 2, pp. 175–182.

8. Karsh E. International Co-operation and Neutrality. *J. of Peace Research*, 1988, vol. 25, no. 1, pp. 57–67.

9. Karsh E. Neutrality and Small States (Routledge Revivals). Routledge, 2011. 240 p.

10. Kruzel J.J. The European Neutrals, National Defense, and International Security // *Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States*. Cambridge, Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989. Pp. 133–161.

11. Kruzel J.J. The Future of European Neutrality // *Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States*. Cambridge, Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989. Pp. 295–312.

12. McSweeney B. The Politics of Neutrality: Focus on Security for Smaller Nations. *Security Dialogue*, 1987, vol. 18, no. 1, pp. 33–46.

13. McSweeney B. The European Neutrals and the European Community. *J. of Peace Research*, 1988, vol. 25, no. 3, pp. 205–211.

14. Neuhold H. The Neutral States of Europe: Similarities and Differences. *Neutrality: Changing Concepts and Practices*. Lanham, New York, London, University Press of America, 1988. 155 p.

15. Neuhold H. Challenges to Neutrality in an Independent World. *Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States*. Cambridge, Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989. Pp. 83–98.

16. Ogley R. The Theory and Practice of Neutrality in the Twentieth Century. London, Routledge & Kegan PauL, 1970. 217 p.

17. Sundelius B. Dilemmas and Security Strategies for Neutral Democracies. *The Neutral Democracies and the New Cold War*. Boulder, Colorado, Westview Press, 1987. Pp. 11–33.

18. Sundelius B. National Security Dilemmas and Strategies for the European Neutrals. *Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States*. Cambridge, Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989. Pp. 133–161.

19. Thalberg H. The European Neutrals and Regional Stability. *European Neutrals in International Affairs*. Vienna: Wilhelm Braumüller, 1984. Pp. 125–133.

20. Vetschera H. Neutrality and Defense: Legal Theory and Military Practice in the European Neutral's Defense Policies. *Defense & Security Analysis*, 1985, vol. 1, no. 1, pp. 51–64.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 327.54

А.Р. Казарян

ФИНЛЯНДИЯ КЕККОНЕНА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

КАЗАРЯН Артур Рафаэлович – *аспирант Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: kazaryanart@rambler.ru

В статье рассматривается внешнеполитическое развитие Финляндии во время президентства Урхо Калева Кекконена. Проанализированы основные аспекты международной политики Кекконена, позволившей Финляндии найти баланс между Востоком и Западом. На примере Кекконена автор делает акцент на роли личности в международных отношениях в целом.

ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА; ТОРГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО; СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; ЛИНИЯ КЕККОНЕНА; ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ.

В современной Европе политики нейтралитета и неприсоединения придерживается небольшое количество стран: Швейцария, Австрия, Мальта, Швеция и Финляндия. Каждая политика нейтралитета имеет свои особенности. В случае с Финляндией становление ее собственного положения на международной арене заняло долгие годы. И одной из главных особенностей финляндского нейтралитета является то, что ключевую роль в его оформлении сыграли две выдающиеся политические личности. Финляндский нейтралитет еще называется «накопленным»: политические элиты дипломатическим путем добились расширения своих прав и самостоятельности на мировой арене [5, с. 105]. Проблема поиска Финляндией своего места в послевоенной Европе рассматривается с точки зрения деятельности главной политической фигуры того времени – Урхо Калева Кекконена.

После окончания Второй мировой войны в Европе сложилась новая внешнеполитическая обстановка. Финляндия была экономически и политически подорвана. В этой ситуации от руководства страны требовалось принятие кардинальных решений для выправления положения. Ключевыми этапами в первое послевоенное десятилетие стали: подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с СССР в 1948 году (ДСВ-48), полная выплата репараций, отказ СССР от аренды базы Порккала-Удд в 1955 году. Последний пункт Паасикиви назвал одной из предпосылок для осуществления Финляндией политики нейтралитета [7, с. 60]. Именно Юхо Кусти Паасикиви стал зачинателем новой внешнеполитической линии. Он выработал концепцию, в основу которой был положен ДСВ-48 и доверительные отношения с СССР. Продолжил дело Паасикиви его многолетний сторонник У.К. Кекконен, которому предстояло в течение четырех президентских сроков вершить внутреннюю и внешнюю политику государства.

Мир оказался разделен на два лагеря: капиталистический и социалистический. В условиях противостояния США и СССР от Финляндии требовалось найти то срединное состояние, которое устраивало бы обе сверхдержавы. Европа также оказалась разделена на сферы влияния: понятия «Западная Европа» и «Восточная Европа» на долгие годы закрепились на политической карте. К тому же, шло противостояние военных блоков: в противовес НАТО во главе с США была создана Организация Варшавского договора (ОВД). Такой была новая европейская политическая обстановка, в которой Финляндии необходимо было разграничить свои приоритеты и сфокусироваться на определенной модели во внешней политике.

Президент Финляндии Кекконен оказался в достаточно сложном положении. Ось США – Европа – СССР – внешняя политика – внут-

ренняя политика проходила через весь срок его президентства. Перед Кекконеном стояла задача выстроить отношения с США, СССР и европейскими странами; ему необходимо было «преподнести» Финляндию миру, «встроить» ее в мировой механизм. В условиях холодной войны единственным возможным вариантом организации внешнеэкономических отношений для Финляндии оказалось создание симметричных связей с Востоком и Западом [3, с. 45].

Кекконен был превосходным стратегом, и все свои ходы во внешнеполитической деятельности он просчитывал заранее. Первым большим шагом Кекконена стало стремление к открытости и гласности. Президент Финляндии демонстрировал направление своей политики. В декабре 1961 года, выступая в Вашингтоне, он назвал нейтралитет «делом всей своей жизни» [7, с. 61]. Публичные выступления и речи стали одним из пунктов стратегии Кекконена. Кроме того, президент Финляндии перешел на формат личного общения с главами государств. Так называемая «личная дипломатия» являлась залогом успеха Кекконена.

Первым делом Кекконен стал выстраивать отношения со своим «восточным соседом». Большая значимость конструктивного диалога с Москвой продвигалась Кекконеном еще задолго до начала его президентства. Для Москвы доверие к Хельсинки означало прямую дорогу к делам западных государств: именно через налаженные контакты с финляндской стороной в Кремле были в курсе всех намерений и планов западных держав. Москва, естественно, пыталась ограничить связи Финляндии с Западом, но при этом речь никогда не шла о том, чтобы полностью запретить эти контакты [1, с. 175]. Во-первых, это было бы неразумно, поскольку свело бы на нет возможности контролировать ситуацию по ту сторону «железного занавеса» со стратегически наиболее выгодных позиций. Во-вторых, это в принципе было бы невозможно, так как СССР был заинтересован в индустриальной Финляндии, но сам не мог обеспечить все условия для развития ее экономики, несмотря на изменения в структуре, обеспеченные при помощи репараций и последующего перевода торгово-экономических отношений на долговременную основу [Там же].

В период президентства Кекконена экономические и политические связи СССР и Финляндии достигли небывалых высот. Замысел Кекконена, заключавшийся в обеспечении всесторонних отношений с СССР, возымел свое действие. СССР стал главным торговым партнером Финляндии. Точкой отсчета новой политической линии стал взаимный экономический интерес [2, с. 197]. Между СССР и Финляндией действовала так называемая система торговых соглашений, которые заключались на пять лет. Первое такое соглашение, подписанное 13 июня 1950 года, было рассчитано на 1951–1955 годы. Кекконен отмечал, что этот пятилетний договор «поставил торговлю между Финляндией и СССР на прочную основу и наметил перспективный план ее развития» [8, с. 16]. Особых успехов Кекконену удалось добиться в период нахождения у власти Никиты Сергеевича Хрущева. Между двумя главами стран установились очень теплые, дружественные отношения, которые отразились на взаимодействии СССР и Финляндии. Обмен визитами и встречи в неформальной обстановке стали составной частью дипломатии Кекконена. Нередко отношения СССР и Финляндии называли «лабораторией мирного сотрудничества» [6, с. 28]. Все эти «дипломатические уловки» финского президента применялись исключительно с одной целью – застолбить место Финляндии в мировой политике. Кекконен блестяще выбрался из кризиса 1958 года и «нотного кризиса» 1961 года. Проведенная им исключительно тонкая политическая игра в шахматы предопределила его политическое долголетие [10, с. 31].

Укрепив свое положение, Кекконен начиная с 1960-х годов все более сосредотачивается на определении роли Финляндии в европейской и мировой политике. И все это происходит с учетом интересов Москвы. Кекконену из разных стран поступают многочисленные приглашения нанести визит. В 1960 году он побывал в США, Норвегии, Канаде и Великобритании. По итогам коммюнике, заключенных в ходе этих визитов, отмечалось, что в этих странах «уяснили» политику нейтралитета, проводимую Финляндией. Никогда прежде президент Финляндии не наносил официального визита даже в соседние страны, и принятие приглашений из другого конца Атлантического океана взбудоражило общественность [12, с. 605].

В 1962 году Кекконен нанес визит генералу де Голлю, причем помимо континентальной

Франции посетил также Корсику. В 1963 году он побывал в Югославии и Венгрии, в 1964-м – в Польше, в 1967-м – в Болгарии, Норвегии и Бельгии, в 1969-м – в Англии, Румынии и Чехословакии, в 1971-м – в Италии, Ватикане и Турции, в 1976-м – в ГДР, в 1979-м – в ФРГ. В свою очередь, Кекконен принимал у себя глав тех государств, которые он еще не успел посетить, например Австрии и Испании. Кроме того, Кекконен принял ряд шагов по укреплению контактов Финляндии со странами развивающегося мира. В 1965 году он побывал в Тунисе, Индии, в 1967-м – в Египте. Финляндию посетили президенты Танзании (1968), Сенегала (1970), Индии (1970).

К тому времени СССР и Финляндия во всех вопросах действовали сообща, и советское руководство было в курсе всех «передвижений» президента своего западного соседа. Успехи, которых добился СССР в своей политике в Финляндии, были во многом следствием того, что в планах Москвы обеспечение в стране стабильного влияния СССР с учетом возможных изменений в международных политических и экономических отношениях и поддержание авторитета Кекконена существовали как две взаимосвязанные цели [4, с. 65].

В тот момент в диалоге с Москвой наметилось новое приоритетное направление – коллективная безопасность. Гонка вооружений, усиление обороноспособности, выражавшееся в закупках оружия, и развитие ядерного потенциала стали болезненными элементами новой политической обстановки. Финляндия также участвовала в укреплении своего военного потенциала. Свободно закупать оружие страна смогла уже в 1963 году, после того как западные страны, подписавшие Парижский мирный договор, согласились с его новым толкованием. В Финляндию поступила большая партия ракетного оружия, иметь которое ранее ей запрещалось. Закупка проходила в равных частях на Востоке и Западе, главным образом в Великобритании. В этой ситуации необходима была программа по сдерживанию этих процессов. В 1962 году через своего полномочного посла СССР высказал идею о создании безъядерной зоны в Северной Европе. Оформленная совместными усилиями советского и финляндского руководства, идея была реализована в предложении Кекконена о создании на севере Европы безъядерной зоны, с которым он выступил 28 мая 1963 года [3, с. 52]. Впрочем, на Западе план Кекконена не нашел поддержки. Его инициативу отвергли, в том числе Норвегия и Дания, входящие в НАТО, сославшись на то, что оборона упомянутых Скандинавских стран строилась на концепции ядерного сдерживания, которая выступает стратегической основой западного военного союза. Эта идея была отложена на 15 лет.

Однако данная локальная неудача не выбила Кекконена из колеи, а, наоборот, дала импульс проведению другой, более масштабной политики. Президент Финляндии выдвинул идею о проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Отношения между Западом и Востоком в результате разрядки решающим образом изменились, поэтому можно было ожидать, что инициативу удастся воплотить в жизнь [11, с. 368].

Тем не менее, когда в апреле 1969 года СССР выступил с предложением начать подготовку к созыву СБСЕ, финское правительство довольно неожиданно выступило с ответным предложением – начать ее без предварительных условий. В силу своего особого характера отношения между СССР и Финляндией являлись противовесом тем ограничениям, которые налагала холодная война на возможности диалога Востока и Запада как в политической, так и в экономической сфере [2, с. 211].

Ситуация в то время позволяла надеться, что инициативу удастся провести, так как напряженность между Западом и Востоком в результате процесса разрядки спала. В Хельсинки сразу же приступили к подготовительным мероприятиям, понимая, что уже сам факт проведения подобного рода совещания, не говоря уже о его благоприятных для всей Европы последствиях, послужит национальным интересам Финляндии.

Финляндия разослала правительствам всех европейских государств, а также США и Канады, влиятельных членов НАТО, обращение от 5 мая 1969 года, в котором вызвалась взять на себя всю организацию подготовительных межправительственных консультаций и проведение как организационного совещания, так и собственно СБСЕ.

Стремление Финляндии было одобрено, и предложенные ею консультации были проведены в течение 1969 года. К тому же, Финляндия

получила моральную поддержку в результате принятого США и СССР решения провести в Хельсинки первый раунд американо-советских переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ). Время встречи было обозначено как ноябрь-декабрь 1969 года. Ответственным за подготовку предложений о проведении в Финляндии как СБСЕ, так и переговоров по ОСВ был представляющий Финляндию в ООН Макс Якобсон, который также был выдвинут на пост Генерального секретаря ООН и в случае поддержки со стороны обеих супердержав мог занять этот пост.

В итоге инициатива о проведении в Хельсинки СБСЕ была одобрена, но кандидатура Якобсона из-за возражений СССР не прошла. Таким образом, западная группировка НАТО согласилась на проведение подобного мероприятия с определенным условием: в повестке дня совещания, помимо принципов, на которых должны строиться отношения между государствами, в том числе запрещающих применение силы, должен фигурировать пункт о развитии международных отношений, нацеленных на более свободное перемещение между странами людей, обмен идеями и знаниями. Кроме того, предлагалось развивать сотрудничество в области образования, экономики, науки и техники, равно как и в области охраны окружающей среды. Это было начало процесса СБСЕ.

Первый этап СБСЕ формально начался в Хельсинки 3 июля 1973 года, после того как подготовительные обсуждения, проходившие в течение полугода с ноября 1972 года в «Диполи», в Эспо, городе-спутнике Хельсинки, были закончены. По причинам практического характера (ограниченные возможности по обеспечению информационных и коммуникационных связей, а также по размещению делегаций) он был продолжен с сентября того же года по июль 1975-го в Женеве. Финляндии было предоставлено право провести у себя торжественное заключительное заседание. Высшими политическими руководителями стран-участниц, собравшимися в Хельсинки 31 июля — 3 августа 1975 года, в присутствии Генерального секретаря ООН был подписан Заключительный акт, который позднее стал основой общеевропейского процесса, внесшего свою лепту в окончание холодной войны. В Финляндии подписание Заключительного акта рассматривалось как оплот финляндского нейтралитета и достижение своей цели в проведении этого совещания [13, с. 118].

Для Кекконена это был не просто успех, это была грандиозная победа. Все его стремления, задумки, идеи воплотились в жизнь. Фактически этот акт был признанием его политического курса. Он нашел место для своей страны на международной арене. Развиваясь несколько особняком от всех, придерживаясь нейтралитета, Финляндия, вопреки всему, добилось международного признания и уважения. И, конечно, в этом заслуга Кекконена. Это был задел на будущее, на дальнейшее укрепление международного положения Финляндии, которое проходило в 1980-е и 1990-е годы.

Лишь обладая государственным и патриотическим мышлением, можно понять, как много сделал Кекконен для Финляндии, как искусно в сложнейших отношениях Востока и Запада он использовал Советский Союз для суверенного развития своей страны, как деликатно, но настойчиво «вмешивался» в дела великого соседа [9, с. 137]. Пользуясь всесторонней поддержкой СССР, Кекконен расширил фронт своих внешнеполитических контактов на весь мир. До него ни одному финскому президенту не удавалось ничего подобного. Кекконен доказал, насколько важны личностные характеристики в международных отношениях. Он полностью посвятил себя своему государству, сумел включить Финляндию во все мировые процессы и разработал собственную концепцию, которой придерживался в течение всего времени своего президентства. При Кекконене Финляндия нашла свою нишу в Европе и приобрела собственный внешнеполитический почерк.

Умело проводимая Финляндией внешняя политика позволила ей со временем стать полноправным членом мирового и европейского сообщества. Нейтралитет этой страны признается всеми [7, с. 74]. Финляндия активно участвует во всех крупнейших европейских сообществах. Кроме того, значительна ее роль в североевропейских региональных и субрегиональных организациях, таких как Северный совет, Совет государств Балтийского моря, Арктический совет. Корни всех этих успехов лежат в послевоенной внешней политике. Финляндия, придерживаясь, своей внешнеполитической линии, выбралась на передовые рубежи европейского сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андросова Т.В.** «Мы ничего не можем поделать с географией...». Финляндия между Западом и Востоком // Северная Европа: проблемы истории. 2011. Вып. 5. С. 163–182.

2. **Она же.** Советско-финляндские отношения на фоне холодной войны // Там же. 2007. Вып. 6. С. 195–216.

3. **Она же.** Финляндия между Западом и Востоком: XIX–XX вв. // Там же. 2011. Вып. 5. С. 32–53.

4. **Она же.** Советско-финляндские отношения в 1956–1962 годах // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 52–66.

5. **Воронов К.В.** Нейтралитет в постконфронтационной Европе: закат или поиск новых моделей? // МЭиМО. 1995. № 5. С. 103–111.

6. **Денисов Ю.** Международная значимость советско-финляндского сотрудничества // Там же. 1985. № 2. С. 21–31.

7. **Дерябин Ю.С.** Финляндия: нелегкий путь к нейтралитету // Северная Европа: проблемы истории. 2005. Вып. 5. С. 58–76.

8. **Кекконен У.К.** Финляндия и Советский Союз: речи, интервью 1952–1975 гг. М.: Прогресс, 1975. 267 с.

9. **Пискулов Ю.** Наследие У.К. Кекконена // Междунар. жизнь: проблемы внешней политики, дипломатии, нац. безопасности. 2006. № 5. С. 137–143.

10. **Рупасов А.И.** Советско-финляндские отношения 50-70-х годов XX века: по материалам дневника У.К. Кекконена // Истор. зап. 2009. Вып. 12 (130). С. 25–51.

11. **Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.** Политическая история Финляндии 1809–1995 гг. М.: Весь мир, 2010. 472 с.

12. **Törngren R.** Neutrality of Finland // Foreign Affairs. 1961. Vol. 39. No. 4. P. 601–609.

13. **Bell W.** Finland – The Kekkonen Years. L.: London Press, 2013. 172 p.

A.R. Kazaryan

THE KEKKONEN FINLAND BETWEEN EAST AND WEST

KAZARYAN Artur R. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politechnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kazaryanart@rambler.ru

The article examines the development of Finland's foreign policy during the presidency of U.K. Kekkonen. Author studies essential aspects of U.K. Kekkonen international policy permitted to find the balance between East and West. Considering the example of U.K. Kekkonen, author emphasizes on the role of the person in international relations in general.

POLICY OF NEUTRALITY; TRADE PARTNERSHIP; SOVIET-FINLAND RELATIONS; KEKKONEN LINE; POLICY OF SAFETY.

REFERENCES

1. Androsova T.V. ["We cannot do anything with geography..."» Finland between West and East]. *Severnaya Yevropa: problemy istorii* [Northern Europe: problems of history], 2011, pt 5, pp. 163–182. (In Russ.)

2. Androsova T.V. [Soviet-Finnish relations against the background of the cold war]. *Severnaya Yevropa: problemy istorii* [Northern Europe: problems of history], 2007, pt 6, pp. 195–216. (In Russ.)

3. Androsova T.V. [Finland between East and West: XIX–XX centuries]. *Severnaya Yevropa: problemy istorii* [Northern Europe: problems of history], 2011, pt 5, pp. 32–53. (In Russ.)

4. Androsova T.V. [Soviet-Finnish relations in the years 1956–1962]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1998, no. 9, pp. 52–66. (In Russ.)

5. Voronov K.V. [The neutrality in the post-cold war Europe: the Sunset or the search for new models?]. *MEiMO*, 1995, no. 5, pp. 103–111. (In Russ.)

6. Denisov Yu. [The international significance of the Soviet-Finnish cooperation]. *MEiMO*, 1985, no. 2, pp. 21–31. (In Russ.)

7. Deryabin Yu.S. [Finland: a hard way to neutrality]. *Severnaya Yevropa: problemy istorii* [Northern Europe: problems of history], 2005, pt 5, pp. 58–76. (In Russ.)

8. Kekkonen U.K. Finlyandiya i Sovetskiy Soyuz [Finland and the Soviet Union: Speech, interview in the years 1952–1975]. Moscow, Progress Publ., 1975. 267 p. (In Russ.)

9. Piskulov Yu. [The heritage of U.K. Kekkonen]. *Mezhdunarodnaya zhizn': problemy vneshney politiki, diplomatii, natsionalnoy bezopasnosti* [International Affairs: Problems of foreign policy, diplomacy, national security], 2006, no. 5, pp. 137–143. (In Russ.)

10. Rupasov A.I. [Soviet-Finnish relations in the 50-70 years of XX century: materials of the diary U.K. Kekkonen]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes], 2009, pt 12 (130), pp. 25–51. (In Russ.)

11. Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Yu. Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–1995 gg. [Political history of Finland in the years 1809–1995]. Moscow, Ves' mir Publ., 2010. 472 p. (In Russ.)

12. Törngren R. Neutrality of Finland. *Foreign Affairs*, 1961, pt. 39, no. 4, pp. 601–609.

13. Bell W. Finland – The Kekkonen Years. London, London Press, 2013. 172 p.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 94(73:510)"1939/1941"

О.О. Зиновьева

ИЗМЕНЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ США ПОСЛЕ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЗИНОВЬЕВА Ольга Олеговна – *аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.*

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: ko-smile@yandex.ru

В статье рассматривается китайская политика США после начала Второй мировой войны. В период между двумя мировыми войнами политика США в Китае являлась политикой минимальных рисков, поэтому в 1930-е годы. США лишь морально осуждали действия Японии в Азии и не оказывали существенной помощи Китаю. Ситуация изменилась в 1941 году, когда американское правительство взяло курс на оказание экономической и военной помощи правительству Чан Кайши. А после нападения Японии на Перл-Харбор на первое место в китайской политике США выходит координация совместных военных действий союзников в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Тихоокеанском регионе в целом.

США; КИТАЙ; ДОКТРИНА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»; ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ЛЕНД-ЛИЗ; ВОЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.

США и Китай входят в число мировых лидеров во многих областях, в том числе и в сфере международной политики, и изучение отношений между этими двумя странами не только на современном этапе, но и в прошлом представляет особый интерес. На протяжении XX столетия американо-китайские отношения складывались по-разному, но во многом зависели от внешнеполитической доктрины, которой придерживались США на том или ином этапе своей истории. Поэтому является актуальным изучение именно политики США в Китае и тех изменений, которым она была подвержена. Несомненно, один из периодов, когда в китайской политике американского правительства произошли очередные перемены, пришелся на начало Второй мировой войны и первые военные годы.

В период между двумя мировыми войнами официальный внешнеполитический курс США в Китае, по сути, ограничивался действиями в рамках доктрины «открытых дверей и равных возможностей», которая, по мнению американской исследовательницы Б. Тачмэн, несмотря на то, что провозглашала защиту независимости и территориальной целостности Китая, на самом деле означала, что дверь для проникновения в эту страну должна быть открыта в равной степени для всех [1, с. 38]. После окончания Первой мировой войны новый подход США к Азии и Тихоокеанскому региону в целом, закрепленный результатами Вашингтонской конференции 1921–1922 годов, призывал к прекращению военно-морского соперничества с Японией и попыток последней установить господство в Китае, а также к созданию новой системы безопасности, основой для которой послужит сотрудничество между Японией, Великобританией, США и другими державами. Соединенные Штаты выступали против любых экономических монополий других стран в Китае, существование которых не соответствовало доктрине «открытых дверей» [2, с. 10]. Правительство США стремилось использовать международные договоры для того, чтобы сдерживать Японию, сохранять целостность Китая и обеспечивать для всех открытый экономический доступ в эту страну.

Однако политическая нестабильность в Китае и ограниченные возможности США в

этой стране внесли свои коррективы в осуществление внешнеполитического курса. В результате, с одной стороны, в 1920-е годы Соединенные Штаты вынуждены были реагировать на повторяющиеся акты насилия в отношении американцев и других иностранцев во время революционных и военно-политических событий в Китае [3, с. LXVII], с другой стороны, они брали на себя инициативу для обеспечения своих интересов в беспрепятственном коммерческом проникновении в Китай только тогда, когда политические и дипломатические риски были минимальны [Там же. С. XXXVIII].

В отношениях между США и Японией сложилась ситуация, когда американцы сдерживали захват японцами китайского рынка и в то же самое время наращивали американо-японские экономические связи. Как отмечал в своей монографии Р. Саттер: «В течение 1920-х годов американизации Японии способствовало распространение американских фильмов, потребительских товаров и даже, что более важно, американских политических, экономических и социальных ценностей» [2, с. 10]. Ситуация изменилась в начале 1930-х годов, когда японские политические лидеры переориентировались на военное усиление страны и на установление контроля над рынками и ресурсами стран Азии и европейских колоний в Юго-Восточной Азии.

Реакция США на захват Японией Манчжурии в 1931–1932 годах соответствовала политике минимальных рисков. Р. Саттер отмечал: «Президент Г. Гувер не хотел отвечать силой на агрессию Японии в Манчжурии и предпочел занять нравственную позицию „непризнания" изменений, внесенных японской агрессией» [3, с. LXVIII]. Когда же Япония начала широкомасштабную войну против Китая в 1937 году, Вашингтон выразил ему сочувствие, но конкретная помощь так и не была предоставлена [Там же]. Возможно, что в этом бездействии сыграли свою роль и внутренние проблемы США, которые только начали приходить в себя после экономического кризиса, и отсутствие у американского бизнеса значительных деловых интересов в Китае. По этому поводу Р. Синха писал: «В 1937 году доля Китая в американском экспорте на Дальнем Востоке составляла всего 10 %, а доля Японии – более 53 %. Поэтому американские бизнесмены выступали против санкций в адрес Японии из-за ее вторжения в Китай» [4, с. 43].

Косвенно об уровне официальных американо-китайских отношений свидетельствуют отрывки из воспоминаний генерал-майора К.Л. Ченнолта – создателя и командира знаменитой группы «Летающие тигры», который с апреля 1937 года находился на службе у китайского правительства. В своих воспоминаниях генерал-майор писал: «Когда я в 1939 году посетил штаб Воздушного корпуса, генерал Арнольд попросил меня прочитать лекцию для своих офицеров о воздушной японо-китайской войне. Потребовался целый час, чтобы отыскать крупномасштабную карту Китая. Однако она была настолько неточной, что мне пришлось карандашом подрисовывать упоминающиеся в лекции пункты и объекты» [5, с. 158–159]. Ченнолт, вернувшийся в конце 1940 года в США, чтобы набрать группу американских летчиков-добровольцев, отмечал: «Лишь немногие американцы видели, что происходит в Европе, где Англия сражалась за свое существование. Дальний Восток был совершенно забыт. Общественное мнение начало постепенно склоняться в сторону оказания помощи Англии. Сотни американцев пересекали канадскую границу, чтобы вступить в Королевские канадские ВВС и сражаться в Европе. Однако идея найти американских добровольцев для войны в Китае казалась фантастической. Буквально все, к кому я обращался, в той или иной форме вежливо давали мне понять, что я сошел с ума» [Там же. С. 157].

Бездействие США поощряло японскую агрессию, но оно имело свои причины. Вот мнение профессора университета города Глазго Р. Синха: «Во-первых, США чувствовали, что, как и любая другая мировая держава, Япония, доказавшая свой статус ранее одержанными победами над Китаем и Россией, имеет право на сферы своего влияния. Во-вторых, подчинение более слабых стран не считалось чем-то безнравственным. В-третьих, многие американцы и европейцы полагали, что Китай слишком отсталый и раздробленный для того, чтобы иметь самоуправление. В-четвертых, у США не было значительных экономических интересов в Китае. И, наконец, в-пятых, американские политики плохо знали политическую ситуацию в Китае» [4, с. 44–45]. По-нашему мнению, по-

мимо этих причин следует учитывать и геополитическое положение США в этом регионе.

До 1941 года Госдепартмент США не рассматривал Китай как важного стратегического партнера, так как в этом регионе сложилась довольно благоприятная геополитическая обстановка. С одной стороны, Соединенным Штатам удавалось не провоцировать усиливавшуюся Японию, а с другой, баланс сил в Восточной Азии хорошо защищал интересы США – на севере Советская Россия и Япония контролировали друг друга, а на юге Великобритания, Франция и Нидерланды поддерживали устойчивый порядок в своих колониях. Американский исследователь П. Варг подчеркивал, что в этот период «некоторые американцы рассматривали Китай как будущий рынок сбыта, поэтому интересовались его внутренними делами, а некоторые считали, что если баланс сил в Восточной Азии будет нарушен, то американские интересы там окажутся под угрозой» [6, с. 1–2]. Что касается неофициального курса, то на неполитическом уровне между США и Китаем были близкие и дружественные отношения, которые развивались в рамках американских миссионерских, гуманитарных и экономических проектов в этой стране.

Ситуация в официальном курсе начала меняться в конце 1940 – 1941 году. Р. Саттер отмечал: «Намерение США помочь Китаю и выступить против Японии окрепло в год, предшествующий вступлению Соединенных Штатов в войну. Тогда же группа американских добровольцев «Летающие тигры» начала обеспечивать противовоздушную оборону районов, контролируемых Гоминьданом, также было утверждено оказание помощи по ленд-лизу для Китая» [3, с. LXVIII]. Однако кардинальные перемены в отношении союзников – США и Великобритании – к Китаю начали происходить после нападения Германии на СССР.

Фактически до начала нацистской агрессии против Советского Союза США и Великобритания в своей внешней политике разделяли войну в Европе и японскую агрессию в Китае. Война в Китае не воспринималась ими как часть мирового военного конфликта. В одной из статей журнала «Amerasia» подчеркивалось, что нападение Германии на СССР «не просто показало, что цели нацистов простираются до берегов Тихого океана, но также включило в мировую войну миллионы судеб Китая, Индии и других частей Азии. Таким образом, очень быстро сопротивление Китая стало в прямом смысле неотъемлемой частью мирового блока, противостоящего агрессии» [7, с. 239].

В той же статье делался вывод, что «осознание союзниками того факта, что Китай – это не просто театр военных действий, а полноценный партнер в борьбе с агрессией в Тихоокеанском регионе, привело к пониманию союзниками необходимости выполнения ранее данных обещаний об оказании помощи с тем, чтобы в полной мере использовать широкий потенциал мощи Китая» [Там же. С. 242]. Таким образом, в 1941 году произошли изменения не только в отношении США к войне в Китае, но и в официальной политике американского правительства в этой стране. Соединенные Штаты взяли курс на оказание экономической и военной помощи, чтобы можно было использовать прежде всего людские ресурсы Китая и его стратегическое положение.

Одно из первых совещаний, на котором обсуждались поставки в Китай по ленд-лизу, состоялось 27 марта 1941 года в офисе генерала Дж. Бёрнса. На нем присутствовал агент китайского правительства по закупкам – известный китайский политик, дипломат и предприниматель Т.В. Сун (Сун Цзывэнь), которого генерал Дж. Бёрнс подробно расспрашивал о нуждах Китая [8, с. 617–618]. Всего через месяц, 26 апреля, госсекретарь К. Халл направил послу США в Китае Н.Т. Джонсону телеграмму, в которой просил сообщить Чан Кайши, что для Китая были одобрены первые поставки по ленд-лизу [Там же. С. 636]. Уже весной 1941 года началось оказание американской помощи Китаю, несмотря на то что само соглашение о ленд-лизе между США и правительством Чан Кайши было подписано только 2 июня 1942 года.

После нападения Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года на первое место в китайской политике США вышла организация совместных военных операций против общего врага. 13 декабря президент Ф.Д. Рузвельт обратился к Чан Кайши с просьбой о проведении военной конференции в Чунцине не позднее 17 декабря для координации общих действий. Представители Китая, Великобритании, Нидерландов, США и СССР должны были собраться для разработки предварительного пла-

на совместных военных операций на суше и на море, особенно в Восточной Азии. Кроме того, президент Ф.Д. Рузвельт выражал надежду, что такая конференция положит начало созданию постоянной организации, которая будет координировать совместные действия [9, с. 751–752]. Президент США также подчеркнул, что он «особое внимание уделяет снабжению Китая и делает всё возможное, чтобы его увеличить» [Там же. С. 752]. Обеспечение Китая всем необходимым: вооружением, продовольствием, транспортом, медикаментами – также превратилось в важный элемент китайской политики США.

Таким образом, с началом Второй мировой войны политика США в Китае претерпела существенные изменения. Еще в 1937–1939 годах в отношении американского правительства к этой стране речь шла только о действиях в рамках доктрины «открытых дверей», о политике минимальных рисков и о моральном осуждении агрессии Японии. Однако 1941 год стал переломным, когда на фоне фактически разгрома Европы Германией США начали осознавать ту важную роль, которую Китай может сыграть в американской военной стратегии и внешнеполитическом курсе. Прежде всего, правительство Соединенных Штатов сосредоточило свое внимание на оказании экономической помощи Китаю, на осуществлении необходимых поставок в эту страну и на координации совместных военных действий союзников в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Тихоокеанском регионе в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Tuchman B.W.** Stilwell and the American Experience in China 1911–45. N. Y.: The Macmillan Company, 1971. 621+XV p.

2. **Sutter R.** The United States in Asia. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Plymouth (UK), 2009. 303+XV p.

3. **Idem.** Historical Dictionary of United States–China Relations. Lanham; Maryland; Toronto; Oxford, 2006. 239+LXXV p.

4. **Sinha R.** Sino-American Relations. Mutual Paranoia. Hampshire, N. Y., 2003. 255+XVIII p.

5. **Ченнолт К.Л.** Путь бойца: американская авиация в войне на Тихом океане. М: АСТ : АСТ Москва : Транзиткнига, 2006. 555 с.

6. **Varg P.A.** The Closing of the Door. Sino-American Relations, 1936–1946. Michigan State University Press, 1973. 300+X p.

7. **Amerasia.** A review of America and Asia. N. Y., 1941. Vol. V. No. 6.

8. **Foreign** relations of the United States, 1941. The Far East. U.S. Government Printing Office, 1941. Vol. V. 938+V p. URL: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v05 (дата обращения: 10.04.2014).

9. **Ibidem.** Vol. IV. 1044+IV p. URL: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v04 (дата обращения: 10.04.2014).

O.O. Zinoveva

CHANGES IN THE U.S. POLICY IN CHINA AFTER THE OUTBREAK OF THE SECOND WORLD WAR

ZINOVEVA Olga O. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: ko-smile@yandex.ru

The author analyses the changes in Chinese policy of the USA after the outbreak of the Second World War. During the interwar period the U.S. policy in China was the policy of minimal risk therefore in 1930s the USA only morally condemned the Japanese actions in Asia and did not provide substantial assistance to China. In 1941 the situation changed. The USA headed for the rendering of economic and military aid to

China. After the Japanese attack on Pearl Harbor the coordination of joint military operations in East and South-East Asia came out on top in the U.S. policy in China.

THE USA; CHINA; OPEN DOOR POLICY; THE SECOND WORLD WAR; LEND-LEASE; MILITARY COOPERATION.

REFERENCES

1. Tuchman B.W. Stilwell and the American Experience in China 1911–45. New York, The Macmillan Company, 1971. 621+XV p.

2. Sutter R. The United States in Asia. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth (UK), 2009. 303+XV p.

3. Sutter R. Historical Dictionary of United States–China Relations. Lanham, Maryland, Toronto, Oxford, 2006. 239+LXXV p.

4. Sinha R. Sino-American Relations. Mutual Paranoia. Hampshire, New York, 2003. 255+XVIII p.

5. Chennolt K.L. *Put' boytsa: amerikanskaya aviatsiya v voyne na Tikhom okeane* [Way of a Fighter: The U.S. Aircraft in the Pacific War]. Moscow, AST; AST Moskva; Tranzitkniga Publ., 2006. 555 p. (In Russ.).

6. Varg P.A. The Closing of the Door. Sino-American Relations, 1936–1946. Michigan State Univ. Press, 1973. 300+X p.

7. Amerasia. A review of America and Asia. New York, 1941. Vol. V, no. 6.

8. Foreign relations of the United States, 1941. The Far East. U.S. Government Printing Office, 1941. Vol. V. 938+V p. Available at: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v05 (accessed 10.04.2014).

9. Foreign relations of the United States, 1941. The Far East. U.S. Government Printing Office, 1941. Vol. IV. 1044+IV p. Available at: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v04 (accessed 10.04.2014).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 908

В.М. Марасанова

ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПОСЛЕ РЕФОРМ 1870 И 1892 ГОДОВ

МАРАСАНОВА Виктория Михайловна – *заведующий кафедрой музеологии и краеведения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; доктор исторических наук.*

Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Советская, 14

e-mail: vmm@uniyar.ac.ru

В статье на примере Верхневолжского региона России (Владимирская, Костромская, Тверская, Ярославская губернии) рассмотрено взаимодействие органов городского общественного управления и губернских властей после принятия «Городовых положений» 1870 и 1892 гг. На основе архивных документов показаны основные модели этих взаимоотношений: контроль – сотрудничество – конфликты. Установлено, что на результативность деятельности городских учреждений большое влияние оказывали личный фактор и контакты глав городского самоуправления с губернаторами. Показано, что усиление административного контроля над городскими учреждениями после 1892 г. не изменило их структуру и основные задачи, при этом подавляющее большинство горожан по-прежнему было отстранено от участия в городских делах.

ГОРОДСКАЯ ДУМА; ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА; ГУБЕРНАТОР; ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА 1870 ГОДА; ГОРОДСКАЯ КОНТРРЕФОРМА 1892 ГОДА; ВЕРХНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ.

Каждая эпоха крупных реформ в истории России сопровождалась изменениями в системе городского управления. Это верно и для Российской империи, и для советского времени, и для современной России. Государственные потребности и общественные запросы вели к постепенному развитию сферы городского самоуправления и одновременно к более широкому привлечению населения к решению местных административно-хозяйственных вопросов. Монархи-реформаторы не могли оставить без внимания город и как объект налогообложения, и как социальную единицу. В Российской империи главными этапами становления и развития системы городского управления стали царствования Петра I, Екатерины II, Александра II и Александра III, т. е. реформы проводились примерно два раза за каждое столетие. Эти реформы вносили новое не только в деятельность городских учреждений, но и в их взаимодействие с коронной администрацией. Опыт перехода к всесословной модели городского управления и реформирования городских учреждений в пореформенный период является научно значимым и практически востребованным в современных условиях.

Признанными отечественными специалистами в изучении деятельности городского общественного управления являются В.А. Нардова [8, 9] и Л.Ф. Писарькова [10, 11]. Результаты и методики их исследований создают необ-

ходимую основу для осмысления накопленных региональных данных.

Предметом проводимого исследования стало изучение взаимодействия городских учреждений и губернских властей Верхнего Поволжья, включавшего Владимирскую, Костромскую, Тверскую и Ярославскую губернии. Данные губернии имели много общего с точки зрения экономического потенциала (значительная доля текстильного производства, развитый отход и неземледельческие промыслы), состава населения и его политической культуры. Соответственно органы государственного управления, сословные учреждения и органы общественного управления (земские и городские) в этих губерниях развивались весьма сходно [5].

До 1870-х гг. основой городского управления оставалась «Жалованная грамота» Екатерины II от 21 апреля 1785 г. Распорядительные функции осуществляло собрание «градского общества», в котором участвовали купцы, почетные граждане, мещане и ремесленники; представители других сословий, живущие в городах, не могли участвовать в его работе. Исполнительный орган (дума), состоявший из нескольких гласных во главе с городским головой, находился под полным контролем администрации.

Проведение городской реформы началось с подписания императором Александром II «Городового положения» 16 июня 1870 г. [12]. Оно касалось 541 города России и предусматривало создание всесословных органов общественного управления на основе налогового ценза. Городские думы избирались на четыре года по трем избирательным съездам крупных, средних и мелких налогоплательщиков. Процент городского населения в пореформенный период был невелик, а доля городских избирателей еще меньше. К примеру, в Ярославской губернии на 1883 г. из 1,03 млн жителей городское население составляло 10,5 %, а избирательные права даже в губернском центре имели не более 9 % жителей [19, с. 5].

Согласно «Городовому положению» 1870 г., городская дума являлась распорядительным органом и выбирала из своего состава в качестве исполнительного органа городскую управу. В состав управы входили городской голова и члены управы. Городской голова возглавлял одновременно думу и управу. Городских голов Петербурга и Москвы утверждал император, деятельность остальных контролировали губернатор и министр внутренних дел. Для надзора за деятельностью городских дум и управ создавались губернские по городским делам присутствия под председательством губернатора. В их состав входили вице-губернатор, прокурор окружного суда, председатель мирового съезда, председатель губернского земского собрания и городской голова губернского центра (ст. 11), т. е. представители администрации всегда обеспечивали поддержку губернатора. В присутствие могли подаваться жалобы на деятельность органов городского управления. Решения присутствия могли быть обжалованы в Первом департаменте Сената (ст. 153).

Губернская администрация осуществляла контроль за законностью действий органов городского самоуправления. Копии со всех определений городской думы должны были предоставляться губернатору, и, если он «не усмотрит в оных нарушения законов», они вступали в силу и передавались для публикации в «Губернских ведомостях» (ст. 68). Однако «Городовое положение» 1870 г. не предусматривало право администрации оценивать решения городских дум с точки зрения их целесообразности. В обязательном утверждении министра внутренних дел или губернатора нуждались немногие постановления городских дум – о крупных займах, поручительствах или гарантиях от имени города (ст. 124), об утверждении или изменении планов городов (ст. 113).

До реформы 1870 г. городские учреждения занимались в основном взиманием налогов и сборов, а теперь взялись за главные муниципальные вопросы. Они занимались вопросами благоустройства города, заботились о местной промышленности, образовании, культуре, благотворительности и здравоохранении, ведали проблемами организации рынков, принимали постановления о санитарных и противопожарных мерах. Предметом постоянного внимания городских учреждений являлись учебные заведения, театры, приюты и богадельни.

За 1871–1880 гг. доходы городов возросли с 19 до 30,8 млн рублей, а к 1890 г. – до 56 млн рублей (как в целом по России распределялись городские расходы на 1880 г. см. в таблице). Основная часть собранных средств шла на благоустройство городов (33 %), поэтому в данной сфере деятельность городских учреждений ста-

ла особенно успешной. Значительными расходными статьями являлись также содержание самих городских учреждений и полиции.

Структура городских расходов в России на 1880 г. [См.: 7, с. 130]

Статья расходов	Размер расходов, руб.	Процент от собранных средств
Благоустройство	10 000 000	33
Полиция	3 500 000	11
Воинские потребности	2 351 000	7,5
Учебные и общественные заведения	2 171 900	7
Пожарная часть	1 832 200	6
Благотворительные заведения	1 417 000	4,5
Уплата долгов	970 600	3
Прочие, включая содержание городских учреждений	8 550 267	28
Итого	*30 792 967*	*100*

Однако на местах в силу разных условий могло иметь место некоторое перераспределение статей расходов. В частности, ревизия городских учреждений г. Осташкова в 1885 г. показала, что расходы на благоустройство города составляли в структуре городских расходов всего 4,6 %. Они включали средства на ремонт улиц, мостов, содержание водопровода, городского парка и т. д. Самой значительной статьей расходов было содержание органов городского управления – 29,3 %. Ей немного уступали расходы на образование – 27,8 %. Расходы на содержание городской полиции составляли 9,3 % бюджета, а расходы на медицинские нужды и на местную тюрьму находились примерно на одном уровне – около 5 %. Наибольшие доходы в городскую казну поступали от сдачи в аренду мест рыбной ловли на озере Селигер – 29,6 %. Этим промыслом занимались около 400 семей. Доходы от городской недвижимости и выдачи торговых патентов в сумме давали около 40 % поступлений в городскую казну [1, л. 23].

В Ярославле новое «Городовое положение» было введено в 1871 г. В состав Ярославской городской думы вошли 66 человек. Первым городским головой стал купец 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин Р.И. Кокуев. В 1874 г. его сменил А.П. Шубин, а наиболее заметный вклад в жизнь города внес Иван Александрович Вахромеев (Вахрамеев). Он был городским головой в 1881–1886 и 1895–1905 гг., а гласным Ярославской городской думы непрерывно избирался с 1875 по 1909 г. При активном участии И.А. Вахрамеева город получил такие новшества, как водопровод, телефон, трамвай.

В 1861–1877 гг. пост ярославского губернатора занимал Иван Семенович Унковский. После введения «Городового положения» он отмечал, что новые городские управления, по примеру земств, уже успели заявить о пользе дарованной им самостоятельности, особенно активно помогая в прекращении эпидемии холеры [2, л. 9]. В 1870-х гг. в Ярославле были достигнуты значительные результаты в благоустройстве города: расчищены пруды, устроены сплошные мостовые в центральной части города, появились павильоны для торговли напитками и сладостями в летнее время.

И.С. Унковский всегда успешно сотрудничал с органами городского и земского общественного управления. Это сотрудничество продолжалось и при губернаторе В.Д. Левшине. Вместе с городским головой И.А. Вахрамеевым он возглавил комитет по «возобновлению памятника» П.Г. Демидову в Ярославле [20]. В 1883 г. в центральной части Ярославля открылся водопровод. Выступая по случаю столетия «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г., Вахрамеев отмечал, что после проведения городской реформы «городские дела стали обсуждаться гласно и публично. Явились, наконец, и между гражданами правдивые ораторы, заявлявшие не одну хвалу, но и порицание тем из городских деятелей», которые злоупотребляли своим положением [14, с. 59]. В этот период в Ярославле, как и по всей России, явно не хватало опыта муниципальной практики, поэтому столь велико было значение личных контактов между главами губернских и городских учреждений.

Тверской губернатор А.Н. Сомов, как и полагалось, докладывал министру внутренних дел о деятельности органов городского общественного управления. 26 ноября 1883 г. в своей еженедельной записке он сообщал, что тверской городской голова А.Е. Нечаев «намерен оставить городскую службу в этой должности и предполагает 28 сего ноября предложить го-

родской думе произвести выбор на его место другого лица». Хотя Нечаев заранее уведомил думу о своем желании, кандидатов на эту должность «не предвидится, так как лица, которые могли бы быть избранными и заступить эту должность, видимо, сторонятся общественной жизни, считая ее крайне хлопотливою и ответственною». По мнению губернатора, «оставление Нечаевым службы поставит думу в затруднение и можно с уверенностью сказать, что выбор нового городского головы состоится не скоро» [15, л. 3–4]. 20 декабря 1883 г. на пост городского головы в Твери был избран купец Ф.Н. Культепин. А.Н. Сомов отмечал, что он «человек довольно опытный, но весьма пожилой и потому едва ли он в состоянии выполнить взятые на себя обязанности по городской службе» [Там же. Л. 18].

Многие губернаторы считали главным недостатком городского устройства допускаемое «Городовым положением» 1870 г. участие в выборах (а вместе с тем и право представительства в городском общественном управлении) владельцев мелкой недвижимой собственности, мелких торговцев и содержателей промышленных заведений. Городская контрреформа 1892 г. сохранила основные задачи и организационное устройство органов городского общественного управления, но изменила характер их отношений с губернской администрацией. Поскольку коронная администрация и общественные учреждения параллельно занимались одними и теми же вопросами, правительство стремилось навести больше порядка в их взаимоотношениях традиционным способом – за счет усиления административного контроля.

По замыслу правительства новое «Городовое положение» 11 июня 1892 г. [13] должно было предоставить администрации «действительный надзор» за деятельностью городского управления; улучшить состав городских органов; поставить исполнительные органы городского управления в тесную связь с правительством; создать упрощенную форму управления в городах, где введение общей системы управления оказалось чрезмерно дорого и сложно. Городская контрреформа заменила при формировании органов городского самоуправления налоговый ценз имущественным, что сократило число избирателей. Для мелких городов вводилось «упрощенное управление»: сход домохозяев города избирал собрание уполномоченных (12–16 человек), а оно выбирало городского старосту с одним или двумя помощниками.

При этом нарушался основной принцип формирования представительных органов городского общественного управления – их выборность. «Городовое положение» 1892 г. узаконило право администрации при определенных обстоятельствах назначать гласных думы. Если при повторном проведении выборов количество избранных гласных оказывалось менее 2/3 от установленного законом числа, то недостающее количество гласных пополнялось по распоряжению губернатора из гласных прежнего созыва (ст. 54). Если министр внутренних дел или губернатор не утверждали результаты выборов, то назначались новые выборы. При вторичном отклонении кандидатур или в случае несостоявшихся выборов на вакантные должности в столицах и губернских городах назначал министр внутренних дел, а в остальных городах – губернаторы (ст. 119).

Контроль за деятельностью органов общественного управления с 1892 г. осуществляли объединенные губернские по городским и земским делам присутствия. По новому положению не только городской голова и его помощник, но и все члены управы считались состоящими на государственной службе. Они утверждались и увольнялись губернской администрацией, могли подвергаться взысканиям и по суду, и по административной линии. Должностным лицам городского управления присваивались классы: городским головам столиц – 4-й класс, в прочих городах – 8-й класс, члены управ получали 7–9-й классы (ст. 121).

По плану правительства подчинение городских учреждений административному контролю должно было свести к минимуму проявления их оппозиционности. Городской голова был обязан представлять губернатору список вопросов к очередному заседанию (ст. 65) и копии всех постановлений (ст. 76). Одновременно расширялся круг постановлений, требовавших утверждения министра внутренних дел или губернатора (ст. 78, 79). Если по положению 1870 г. губернатор мог приостановить решение думы, только признав «незаконным», то теперь основой для его отмены служила «неправильность», «несоответствие общим государственным поль-

зам и нуждам», а также вывод о «явном нарушении интересов местного населения» (ст. 89).

После городской контрреформы 1892 г. общая численность городских избирателей в губернских центрах Верхнего Поволжья снизилась с 8169 до 2193 человек, т. е. на 73,2 %. При этом количество гласных также уменьшилось – на 24,2 % (до 174 человек) и составило: в Ярославле – 50, Твери – 42, Костроме – 44, во Владимире – 38 человек. По региону в целом доля городских избирателей снизилась с 6,3 до 1 % (по России – с 5,3 до 1 %). В Твери доля избирателей уменьшилась с 3,6 до 1,1 %, в Костроме – с 6,1 до 1,3 %, а во Владимире – с 5,7 до 1,5 %. Особенно заметным стало сокращение численности избирателей в Ярославле, где по «Городовому положению» 1870 г. избирательные права имели 8,9 % жителей, а по положению 1892 г. – только 0,9 %.

При общем сокращении численности избирателей сословный состав органов городского общественного управления изменился в пользу дворянства. Если до контрреформы 1892 г. в составе гласных городских дум преобладали представители купцов, почетных граждан, мещан и ремесленников (до 85 %), то после выборов по новому «Городовому положению» уже дворяне и чиновники составляли до 80 % гласных. Только в Ярославле и Твери купечество сохранило свои позиции в органах городского общественного управления. Так, в Ярославской городской думе из 50 гласных 33 человека (66 %) представляли купцов и почетных граждан, 13 (26 %) – дворян и разночинцев, еще 4 человека (8 %) относились к категории «мещане, крестьяне и ремесленники».

В каждом третьем городе России (всего в 168) вводилось упрощенное управление, 27 городов были приравнены по избирательному цензу к губернским. Дела о применении к городам упрощенного общественного управления и о приравнивании городов в отношении имущественного ценза для избирателей к губернским городам вел Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. Он же собирал отзывы губернского начальства о том, в полном или в упрощенном объеме необходимо применение «Городового положения» к конкретным городам.

Эти отзывы показали, что не всем губернаторам нравилась упрощенная форма управления. Владимирский губернатор И.М. Судиенко отмечал, что при введении упрощенной формы управления все «теперешние должностные лица перестанут принимать участие в городских делах и ведение городского хозяйства перейдет в руки лиц, менее благонадежных в нравственном отношении». Он считал, что даже в городах с низким бюджетом – Гороховце и Суздале следует ввести полную форму управления. Для Гавриловского Посада он предлагал упрощенную форму по причине «ничтожности средств и сельскохозяйственного характера занятий населения» [17, л. 3 об.]. Министр внутренних дел И.Н. Дурново счел необходимым ввести упрощенное управление во всех трех городах (Гороховце, Суздале, Гавриловском Посаде), и Комитет министров поддержал его мнение. Полное управление во Владимирской губернии получили 13 городов, а упрощенное – 3.

Костромской губернатор А.Р. Шидловский ходатайствовал «о применении ко всем уездным городам губернии Городового положения в полном объеме», чтобы города не могли «признать себя обиженными». Министр включил в перечень городов с упрощенным управлением Буй, Варнавин, Ветлугу, Кологрив, Солигалич, Чухлому, поселок Большие Соли, Кадый, Лух, Парфентьев Посад, Судиславль и Унжу. По решению Комитета министров полное управление получали Кострома и 7 уездных городов. В остальных 12 городах вводилось упрощенное управление.

Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев писал, что «широкое развитие торговли и промыслов в городах губернии, из коих одиннадцать имеют торговлю с ежегодным оборотом от одного до семи миллионов рублей, привело губернское присутствие к убеждению в необходимости применения «Городового положения» в полном объеме ко всем городам губернии, за исключением поселений Погорелого Городища и Селижарова, торговля коих слабо развита, а население занимается преимущественно земледелием» [Там же. Л. 12 об.]. С этим мнением полностью согласились министр внутренних дел и Комитет министров.

Губернаторы часто выступали за приравнивание уездных городов к губернским центрам. В таком случае повышение цензовых требований приводило бы к уменьшению численности избирателей. Так, ярославский

губернатор А.Я. Фриде, занимавший этот пост в 1887–1896 гг., выступал за применение к Рыбинску и Ростову ценза, соответствующего губернским городам, обосновывая это тем, что «увеличение цензовых требований улучшит состав избирательных собраний». Он утверждал, что при повышении ценза в Ростове мог пострадать главным образом класс мещан, представлявший собой «большей частью мелких торговцев или промышленников», где «всего менее можно встретить лиц, материально обеспеченных и умственно развитых, умеющих сознательно относиться к общественным интересам». По мнению губернатора, в Ростове были «нужны как большая материальная заинтересованность, так и большее умственное развитие» избирателей [16, л. 134–135].

А.Я. Фриде предлагал дать избирательное право квартиронанимателям с учетом срока проживания в городе и образовательного ценза. По его данным, в Рыбинске при численности жителей 20 182 человека количество избирателей при цензе 300 рублей составляло бы 573 человека, а при цензе в тысячу рублей – 372 человека. Городские доходы Рыбинска достигали 224 507 рублей, а торгово-промышленный оборот превышал 9,8 млн рублей. Губернатор отмечал, что Рыбинск «по географическому положению является большим торговым центром и ни в чем не уступает губернскому городу Ярославлю» [16, л. 135; 17, л. 109].

В Ростове, при уравнении этого города с губернским центром, численность гласных составила бы только 20 человек, что, по мнению министерства, «являлось бы недостаточным для заведования сложным хозяйством города» [16, л. 110]. А.Я. Фриде отмечал, что, кроме Рыбинска и Ростова, все остальные города губернии разделялись по величине городских доходов на две группы: первая – с доходами от 21 до 40 тыс. рублей, вторая – с доходами от 6 до 14 тыс. рублей. Он писал министру: «Ввиду достаточного количества избирателей в городах первой группы и их сравнительного большого торгово-промышленного значения я признаю необходимым введение упрощенного городского устройства ограничить городами второй группы, а именно гг. Любимом, Мышкином, Норским Посадом и Петровском» [16, л. 133; 17, л. 14 об.].

В утвержденном министром внутренних дел 30 мая 1893 г. списке из уездных городов Верхнего Поволжья к губернским приравнивался только Рыбинск. Владимирский, костромской и тверской губернаторы уведомили министерство о том, что «во вверенных им губерниях не имеется вовсе уездных городов, которые следовало бы приравнять в указанном отношении к губернским» [16, л. 255; 17, л. 98]. Владимирский вице-губернатор отмечал, что в губернии особенно развиты города Иваново-Вознесенск, Шуя и Муром, но приравнение их по цензу к губернским вызывало у него «серьезные опасения». Он считал, что при этом произойдет «предоставление городского общественного управления лишь одним фабрикантам и купцам и устранение от оного остальных классов городского населения» [16, л. 235].

В 1893 г. список городов с упрощенным управлением несколько сократился. И.Н. Дурново, ссылаясь на мнение губернаторов, просил Комитет министров ввести полное управление еще в 15 городах России, в том числе в Судогде и Гороховце Владимирской губернии, Ветлуге, Солигаличе и Чухломе Костромской губернии, а также в Любиме Ярославской губернии. Комитет министров передал окончательно согласованные списки городов на рассмотрение императору, и 6 мая 1893 г. они были утверждены для 190 городов страны, включив поправки о полном управлении для указанных шести городов Верхнего Поволжья.

Выборы по новому «Городовому положению» прошли в 1893–1894 гг. при низкой активности избирателей. В Костроме 18 марта 1893 г. избрали 26 гласных и 10 кандидатов. Остальных 18 гласных избрали на повторных выборах, назначенных в соответствии со ст. 53. На первых выборах в Твери 16 февраля 1893 г. из 50 вакансий гласных и 10 кандидатов были заняты только 32, на повторных выборах сумели избрать 18 гласных. Кандидатов в гласные опять не выбрали. Подобные затруднения мешали работе органов городского самоуправления, поскольку для принятия решений требовалось 2/3 голосов. В марте 1893 г. городским головой вновь избрали надворного советника А.Ф. Карпова (45 голосов подано «за», а 5 – «против») [18, л. 19].

На рубеже XIX–XX веков в Ярославле проявился конфликт между губернатором и городским головой. Незадолго до повторного избрания городским головой И.А. Вахрамеева

ярославским губернатором был назначен Борис Владимирович Штюрмер, который занимал этот пост в 1896–1902 гг. Местный журналист С.С. Каныгин вспоминал: «Умный Вахромеев с первых дней появления Штюрмера в Ярославле, как говорится, раскусил его, т. е. понял, что это за человек, совсем не уважал его, был сдержан, холодно вежлив с ним и имел только официальные отношения.

И Штюрмер не любил Вахромеева. Тот был не покладист, самостоятелен, его на кривой было не объехать, он не позволял наступать себе на ноги. Этот „лабазник", как называл губернатор за глаза Вахромеева, ведет за собой всю думу, ворочает всеми городскими делами, он здесь сила и сила огромная, а кроме того, у него есть связи и связи крупные в Петербургских сферах, с ним приходилось считаться, и Штюрмер проявлял к миллионеру наружную любезность, а при случаях старался „куснуть" его отменой думских постановлений, затяжкой их по проведению в жизнь» [Цит. по: 6, с. 185].

Доверенным лицом Б.В. Штюрмера в Ярославле стал профессор Демидовского юридического лицея И.Я. Гурлянд. Он писал для Штюрмера статьи, появлявшиеся в «Трудах Ярославской губернской ученой архивной комиссии (ЯГУАК)» за подписью губернатора, речи для торжественных случаев, доклады и отчеты в Петербург. И.А. Вахрамеев активно работал в ЯГУАК и хорошо знал сложившееся между губернатором и профессором лицея «разделение труда». В 1889–1899 гг. Иван Александрович являлся членом комиссии и ее казначеем, с 1897 г. стал почетным членом, а в 1906–1908 гг. занимал пост председателя. Именно он был инициатором создания в 1895 г. музея – Древлехранилища ЯГУАК.

В мае 1900 г. в Ярославле торжественно прошел один из первых в России театральных юбилеев, посвященный 150-летию русского национального театра [21]. Однако при его подготовке вновь проявились противоречия между типичным по своим воззрениям и стилю работы губернатором и относительно независимым ярославским городским головой. Со стороны официальных властей подготовку к юбилею возглавил Б.В. Штюрмер. Городской голова И.А. Вахрамеев вынес вопрос о материальной поддержке празднеств на обсуждение Ярославской городской думы и пообещал ассигновать крупную сумму на подготовку торжеств. Но Штюрмер решил отстранить Вахрамеева от подготовки к празднику, и постановление городской думы об ассигновании средств на устройство празднеств по его распоряжению затормозило губернское по земским и городским делам присутствие. Губернатор сосредоточил всё делопроизводство по подготовке юбилея в своей канцелярии, что, по мнению Вахрамеева, было связано с возможностью сбора и присвоения денег.

В результате И.А. Вахрамеев не стал проявлять особой инициативы к подготовке Волковских торжеств и только после многократных напоминаний губернатора внес на памятник 300 рублей, «пообещав „дать побольше" потом, когда памятник будет строиться». К сожалению, подписка на памятник Ф.Г. Волкову, начатая с февраля 1900 г., не закончилась его сооружением. С.В. Дмитриев писал, что, уезжая к новому месту службы в Петербург, Б.В. Штюрмер «будто бы сумел захватить с собой и 11 тыс. рублей, предназначенные на сооружение Волковского памятника» [4, с. 296]. Следующий губернатор, А.П. Рогович, не разрешил проводить ревизию средств, сданных при его предшественнике на сооружение памятника. К 1908 г. на памятник вновь собрали средства в сумме 7190 рублей 34 копейки. В 1911 г. провели общероссийский конкурс на лучший проект памятника, но, к сожалению, он так и не был установлен [3, л. 1-1 об., 62].

Ярославская городская управа к юбилею организовала в городском театре три спектакля с участием приглашенных столичных знаменитостей: М.Н. Ермоловой, М.Г. Савиной, А.А. Яблочкиной, М.С. Сумбатова-Южина, К.А. Варламова, В.Н. Давыдова, участвовавших в «Грозе», «Ревизоре» и «Свадьбе Кречинского». В числе приглашенных в театр присутствовал и автор последней пьесы – А.В. Сухово-Кобылин. С.С. Каныгин сожалел о том, что «рядовым гражданам на этих спектаклях присутствовать не пришлось, так как цены на билеты были такие, что и думать об этом не приходилось. Смотрели пару знаменитых артистов исключительно только люди состоятельные, да бесплатные, такие как супруги Штюрмер и приглашенные ими лица». Он вспоминал, что «вперемежку между парадными спектаклями для гостей устраивались

обозрения достопримечательностей города и непрерывный ряд завтраков, обедов и ужинов с увеселительными поездками за город. Везде присутствовали губернатор и губернаторша, выставляя себя как хозяева, все делалось по их распоряжениям и указаниям, везде они были во главе и благодарности за угощения и проч. они принимали как должное, а деньги на все тратились городские» [Цит. по: 6, с. 185].

В августе 1901 г. в Ярославле прошел Первый областной съезд исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли. Съезд смог состояться во многом благодаря личной поддержке губернатора Б.В. Штюрмера, считавшего, что всероссийские съезды не могут в должной степени уделить внимание местной истории. В 1902 г. под редакцией секретаря съезда профессора И.Я. Гурлянда на средства И.А. Вахрамеева были опубликованы «Труды Ярославского областного съезда», куда вошли протоколы заседаний и доклады [23]. В данном случае, несомненно, присутствовало успешное сотрудничество между губернской и городской властью, т. е. лично между Штюрмером и Вахрамеевым. Затем инициативу проведения таких съездов подхватили Тверь (1903), Владимир (1906) и Кострома (1908).

Б.В. Штюрмер оставался ярославским губернатором до августа 1902 г., когда последовал указ о назначении его директором Департамента общих дел МВД [22]. И.А. Вахрамеев, покинув пост городского головы, остался гласным Ярославской городской думы и в 1906 г. стал председателем ЯГУАК. Он не получил дворянства, но имел класс статского советника и еще в 1887 г. был удостоен звания «Почетный гражданин Ярославля». Штюрмер же был лишен этого звания по решению Ярославской городской думы в 1917 г. после Февральской революции и ареста в Петербурге.

Во взаимоотношениях Б.В. Штюрмера и И.А. Вахрамеева присутствовала не только их личная неприязнь друг к другу, в них проявились противоречия между весьма консервативной государственной властью и всесословными органами городского общественного управления. Любые конфликты между этими людьми воспринимались правительством с крайним беспокойством, проявление неуступчивости губернскому начальству со стороны городских глав и городских дум расценивалось как противозаконные действия.

Таким образом, на результативность деятельности новых учреждений большое влияние оказывали личный фактор и контакты глав городского самоуправления с губернаторами. Несмотря на многочисленные трудности, городские общественные учреждения «образца» 1870 г. внесли существенный вклад в улучшение внешнего облика городов, санитарной и противоэпидемической обстановки. В этой деятельности городские общественные учреждения получали поддержку со стороны глав губернской администрации. Очевидные успехи городских дум в деле благоустройства и других направлениях показывали преимущества местного общественного управления по сравнению с прежним сословно-бюрократическим. Усиление административного контроля над городскими общественными учреждениями по «Городовому положению» 1892 г. не изменило их структуру и основные задачи. От участия в городских делах по-прежнему была отстранена подавляющая часть горожан, и в результате проблема укрепления власти на местах и расширения ее социальной опоры не решалась. Опыт деятельности городского общественного управления в регионе показывает, что взаимоотношения губернских и городских властей вписывались в модели: контроль – сотрудничество – конфликты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Государственный архив Тверской области (ГАТО).** Ф. 56. Канцелярия тверского губернатора. Оп. 1. Д. 18931. Результаты ревизии губернатором присутственных мест в уездных городах Тверской губернии. 1885 г.

2. **Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).** Ф. 73. Канцелярия ярославского губернатора. Оп. 1. Д. 5860. Отчет начальника Ярославской губернии. 1871 г.

3. **ГАЯО.** Ф. 509. Ярославская городская управа. Оп. 1. Д. 1256. Дело об увековечении памяти основателя русского театра Федора Григорьевича Волкова. 10 марта 1908 – 12 июня 1914 г.

4. **Дмитриев С.В.** Воспоминания / вступ. ст. и коммент. Я.Е. Смирнова. Ярославль: Александр Рутман, 1999. 392 с.

5. **Марасанова В.М.** История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX в. (на материалах Верхнего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. В 2 т. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2005. Т. 1. 452 с. Т. 2. 330 с.

6. **Она же.** Ярославский помпадур. Журналист С.С. Каныгин о губернаторе Б.В. Штюрмере // Исторический архив. 2004. № 5. С. 175–198.

7. **Министерство** внутренних дел: исторический очерк. СПб.: Типография М-ва внутренних дел, 1902. 232 с.

8. **Нардова В.А.** Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в.: Правительственная политика / под ред. Р.Ш. Ганелина. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 260 с.

9. **Она же.** Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Наука, 1994. 157 с.

10. **Писарькова Л.Ф.** Московская городская дума. 1863–1917 гг. М., 1998. 568 с.

11. **Она же.** Городские реформы в России и Московская дума. М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2010. 752 с.

12. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ).** Собр. II. Т. XLV. Отд. 1. № 48498.

13. **ПСЗ.** Собр. III. Т. XII. № 8708.

14. **Речь** ярославского городского головы И.А. Вахрамеева, произнесенная на заседании городской думы 21 апреля 1885 года, в день столетнего юбилея Городовой грамоты Екатерины II // Ярославская старина. 1995. Вып. 2. С. 51–60.

15. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1282. Канцелярия министра внутренних дел. Оп. 3. Д. 215. Еженедельные донесения гражданского губернатора о происшествиях в Тверской губернии. 21 нояб. 1883 – 30 дек. 1889 г.

16. **РГИА.** Ф. 1287. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. Оп. 38. Д. 2601. По циркуляру МВД о применении городского положения 11 июня 1892 г. в полном его объеме и упрощенного общественного управления к городским поселянам. 24 июля 1892 – 5 мая 1906 г. Ч. 1.

17. **РГИА.** Там же. Д. 2604. Ч. 4.

18. **РГИА.** Там же. Д. 2606. О введении городского положения 11 июня 1892 г. в Тверской губернии. 30 июля 1892 – 19 июля 1894 г.

19. **Статистические** сведения по Ярославской губернии за 1883 г. // Тр. Яросл. губерн. стат. комитета (ЯГСК). 1885. Вып. 9. С. 1–80.

20. **Ярославские** губернские ведомости. 1884. 5 окт. Неофиц. часть.

21. **Там же.** 1900. 12 мая. Неофиц. часть.

22. **Там же.** 1902. 16 авг. Офиц. часть.

23. **Ярославский** областной съезд исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли 1901 г. Ярославль, 1902. 177 с.

V.M. Marasanova

MUNICIPAL PUBLIC ADMINISTRATION AND PROVINCIAL GOVERNMENT OF THE UPPER VOLGA REGION AFTER THE REFORMS OF 1870 AND 1892

MARASANOVA Victoria M. – *P.G. Demidof Yaroslavl State University.*
Sovetskaya ul., 14, Yaroslavl, 150000, Russia
e-mail: vmm@uniyar.ac.ru

The article reviews interaction of municipal public administration and provincial authorities after the adoption of "Municipal regulations" in 1870 and 1892 through the example of the Upper Volga region of Russia (Vladimir, Kostroma, Tver, Yaroslavl provinces). Main models of this relationship are shown based on archival documents: control – cooperation – conflicts. It was determined that personal factor and contacts between leaders of municipal self-administration and governors played a big role in productivity of municipal institutions activity. Reinforcement of administrative control over the municipal institutions after 1892 did not change their structure and overwhelming majority of citizens was still excluded from participation in municipal affairs.

CITY COUNCIL (DUMA); CITY MAYOR (GOLOVA); GOVERNOR; MUNICIPAL REFORM OF 1870; MUNICIPAL COUNTR REFORM OF 1892; THE UPPER VOLGA REGION.

REFERENCES

1. State Archive of the Tver region. F. 56. Office of the Tver Governor. Op. 1. D. 18931. The results of the governor examination of the official institutes in the county towns of the Tver province, 1885. (In Russ.)

2. State Archive of the Yaroslavl region. F. 73. Office of the Yaroslavl Governor. Op. 1. D. 5860. Report of the Yaroslavl Governor, 1871. (In Russ.)

3. State Archive of the Yaroslavl region. F. 509. Yaroslavl city council. Op. 1. D. 1256. About the perpetuating of the memory of the founder of Russian theater Fyodor Volkov, March 10, 1908 – June 12, 1914. (In Russ.)

4. Dmitriev S.V. *Vospominaniya* [Memories]. Yaroslavl, Alexander Rutman Publ., 1999. 392 p. (In Russ.)

5. Marasanova V.M. *Istoriya organov gubernskogo upravleniya v contse XVIII – nachale XX v.* (na materialah Verhnego Povolzhya). Dokt. dis. [History of provincial administration in the late XVIII – early XX centuries (on materials of the Upper Volga). Doct. diss.]. In 2 vol. Yaroslavl, 2005. (In Russ.)

6. Marasanova V.M. [Yaroslavsky pompadour. Journalist S.S. Kanygin about the governor B.V. Shtyurmer]. *Historical Archives*, 2004, no. 5, pp. 175–198. (In Russ.)

7. *Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskii ocherk* [Ministry of Internal Affairs: Historical Rev.]. St. Petersburg, Typography Ministry of Interior Publ., 1902. 232 p. (In Russ.)

8. Nardova V.A. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-h – nachale 90-h gg. XIX v.: Pravitelstvenaya politika* [Municipal government in Russia in the 60s and early 90s of the XIX century: Government Policy]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad office, 1984. 260 p. (In Russ.)

9. Nardova V.A. *Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v contse XIX – nachale XX v.* [Autocracy and city councils in Russia in the late XIX – early XX centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 157 p. (In Russ.)

10. Pisar'kova L.F. *Moskovskaya gorodskaya duma. 1863–1917* [Moscow City Council (Duma). 1863–1917]. Moscow, 1998. 568 p. (In Russ.)

11. Pisar'kova L.F. *Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaya duma* [Urban reform in Russia and Moscow Duma]. Moscow, AIRO-XXI, New chronograph Publ., 2010. 752 p. (In Russ.)

12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. XLV. First dep., no. 48498. (In Russ.)

13. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. III. Vol. XII, no. 8708. (In Russ.)

14. [Speech of the Yaroslavl Mayor I.A. Vahrameev delivered at the meeting of the City Council April 21, 1885, the day of the centennial "City charter" of Catherine II]. *Yaroslavl old*, 1995, iss. 2, pp. 51–60. (In Russ.)

15. The Russian State Historical Archive. F. 1282. The Office of the Minister of Internal Affairs. Op. 3. D. 215. Weekly reports of the Tver civil governor about the incidents in the Tver province. Nov. 21, 1883 – December 30 1889. (In Russ.)

16. The Russian State Historical Archive. F. 1287. The Economic Department of the Ministry of the Interior. Op. 38. D. 2601. On the Circular of the Ministry of Internal Affairs about the application of "Municipal regulations" June 11, 1892 in its full extent and simplified public administration to urban villagers. July 24, 1892 – 5 May 1906. Pt. 1. (In Russ.)

17. The Russian State Historical Archive. F. 1287. Op. 38. D. 2604. Pt. 4. (In Russ.)

18. The Russian State Historical Archive. F. 1287. Op. 38. D. 2606. On introduction of the "Municipal regulations" June 11, 1892 in the Tver province. 30 July 1892 – 19 July 1894. (In Russ.)

19. *Statisticheskie svedeniya po Yaroslavskoi gubernii za 1883 g.* [Statistical information on Yaroslavl province in 1883]. *Proceedings of the Yaroslavl Regional Committee*, 1885, iss. 9, pp. 1–80. (In Russ.)

20. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti*. 1884. October 5. Unofficial part. (In Russ.)

21. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti*. 1900. May 12. Unofficial part. (In Russ.)

22. *Yaroslavskie gubernskie vedomosti*. 1902. August 16. Official part. (In Russ.)

23. *Yaroslavskii oblastnoi syezd issledovatelei istorii i drevnostei Rostovo-Suzdalskoi zemli 1901 g.* [Yaroslavl Regional Congress of the researchers of history and antiquities of the Rostov-Suzdal in 1901]. Yaroslavl, 1902. 177 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 94(47) «18/20»

Д.А. Сосницкий

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (по материалам нарративных источников)

СОСНИЦКИЙ Дмитрий Александрович – *аспирант Санкт-Петербургского государственного университета*.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

e-mail: yraggan@mail.ru

В фокусе исследования – коллективная память российского общества второй половины XIX – начала XXI века о князе Владимире Святом (ок. 960–1015). Очерчен круг основных источников формирования исторической памяти, проанализирована учебная и художественная литература (в частности, историческая беллетристика), а также сетевые ресурсы, содержащие исторические нарративы о князе Владимире Святославиче. Рассмотрены тенденции изменения его образа в коллективном сознании, дана оценка перспектив включения Владимира Святого в пантеон наиболее востребованных национальных героев.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ; ИСТОРИОГРАФИЯ; РОССИЙСКИЕ МЕМОРИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ; ВЛАДИМИР СВЯТОЙ.

Мемориальные исследования – одна из наиболее динамично развивающихся областей исторического знания как на Западе, так и в России. Методология и понятийный аппарат таких работ заложен в ставших уже классическими трудах историков М. Хальбвакса [1], Ж. Ле Гоффа [2], Я. Ассмана [3] и мн. др. В числе самых востребованных направлений развития мемориальных исследований – тема конкретного исторического героя в коллективной памяти [См., например: 4–6]. На российском материале также создан ряд работ, в которых рассматривается трансформация образа того или иного исторического персонажа в национальном сознании. Однако исследований, посвященных деятелям допетровской истории России, чрезвычайно мало [См. подробнее: 7]. Среди работ, посвященных времени правления и личности Владимира Святого (ок. 960–1015), в том числе монографического характера [См. прежде всего: 8, 9], исследований, направленных на изучение его образа в исторической памяти, нет. Основной задачей данной статьи является рассмотрение комплекса популярных нарративных источников как фактора формирования массового исторического сознания в России второй половины XIX – начала XXI века.

Князь Владимир Святой стоит особняком среди других древнерусских князей. Это объясняется тем, что Владимир стал крестителем России и тем самым определил ее духовные и политические ориентиры на многие годы вперед. Время правления Владимира Святого стало переломным моментом, разделяющим отечественную историю на два периода: до крещения и после него. Как же формировался образ Владимира Святого в наиболее массовых нарративных источниках в России второй половины XIX – начала XXI века? (Профессиональные исследования к таким источникам напрямую не относятся, влияют на них лишь опосредованно, поэтому мы рассматривать их не будем. Источниками формирования массового исторического сознания прежде всего являются: учебные тексты – учебники и учебные пособия для средних школ; художественные тексты, которые можно разделить на две категории – нормативные, т. е. изучаемые в рамках школьной программы по русской литературе, и наиболее востребованные читателями, согласно матери-

алам книжной статистики, социологии чтения и т. д.; интернет-источники.)

Образ Владимира Святого начал формироваться еще при его жизни устной традицией, нашел отражение как в летописании, так и в былинном эпосе и впоследствии был востребован на протяжении всей русской истории. Отражением той роли, которую играл и играет образ Владимира Святого в национальной исторической памяти, являются нарративы, посвященные князю, *в учебниках* второй половины XIX – начала XXI века. Рассмотрим, как формировался в них образ Владимира Святославича.

Д.И. Иловайский в «Кратких очерках русской истории» (1860), выдержавших более 40 изданий, подчеркивает решительность князя в деле крещения Руси: «В Киеве Владимир приказал истреблять языческие жертвенники (требища) и сокрушать идолов. Перун по его повелению был привязан к конскому хвосту и, осыпаемый палочными ударами, свезен в Днепр; народ плакал, смотря на такое поругание. Священники между тем ходили по городу и проповедовали христианство» [10, с. 191]. При этом историк отмечает международное значение принятия христианства, демонстрируя еще и дипломатический талант князя: «Владимир осадил Корсунь; граждане защищались мужественно, и князь дал обет креститься, если возьмет город. Когда же корсунцы сдались, он послал просить у греческих императоров Василия и Константина руку их сестры Анны и объявил о своем намерении креститься. Обрадованные цари поспешили прислать сестру и священников, которые немедленно окрестили русского царя, его сыновей и дружину (988 г.)» [Там же]. Иловайский создает исключительно позитивный образ князя, изображая его правителем мудрым и дальновидным: «Особенно князь любил свою дружину и советовался о всех предприятиях, о военных делах и земских уставах» [Там же. С. 192].

И.И. Беллярминов, автор другого популярнейшего учебника по русской истории для гимназий, вышедшего в свет в 1871 году, также подчеркивает мудрость князя, его способность прислушиваться к своим советникам. При этом он, как и Д.И. Иловайский, отмечает жесткость князя в исполнении своей воли: «Затем Владимир велел киевлянам сойтись к Днепру для крещения, объявив, что непришедших будет считать своими противниками» [11, с. 76].

Либеральный историк В.О. Ключевский (1841–1911) характеризует Владимира Святославича как создателя церковного устава и правителя, подчинившего церковь государству: «Церковь на Руси ведала тогда не одно только дело спасения душ: на нее возложено было много чисто земных забот, близко подходящих к задачам государства. Она является сотрудницей мирской государственной власти в устроении общества и поддержании государственного порядка» [12, с. 54–55].

Совершенно иные характеристики даны Владимиру Святому в советских учебниках истории. Так, в популярном учебном тексте 1920-х – начала 1930-х годов «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского Владимир изображен ярким представителем торгового капитала, основной целью которого является порабощение еще большего количества людей и обогащение, а проведенное им крещение Руси рассматривается лишь как средство духовного подчинения трудового народа и создание еще одного крупного феодала, подчиненного князю, – церкви [13, с. 27–28]. Подобная позиция отражена и на страницах более поздних советских учебников истории. Так, например, авторы одного из них утверждают: «Пугая простой трудовой народ этими выдумками, стращая адом, прельщая раем, христианство добивалось от него повиновения властям и терпения в этой жизни за награду в „загробной" жизни, которой вообще нет. Темный народ верил этому и становился послушнее» [14, с. 21–22]. Примечательно, что советские историки сходятся во мнении со своими дореволюционными коллегами, что крещение было проведено насильно и князь Владимир жестко навязывал свою волю народу: «Киевлян согнали к Днепру и крестили в нем по приказу князя» [Там же. С. 22]. Интересно, что, негативно оценивая факт крещения Руси Владимиром, авторы учебника отмечают: «Христианское духовенство было грамотным. При церквах собиралось много книг, работали переписчики, открывались школы. Жизнь стала культурнее, чем при язычестве» [Там же].

В учебнике по истории России для средней школы [15], изданном в 1993 году, характеристика личности и правления Владимира Святого уже кардинально отличается от совет-

ской трактовки и значительно дополняет дореволюционную. Так, выдающимся событием времени правления князя Владимира, наряду с введением христианства, авторы учебника называют укрепление государственного порядка, выразившееся в том, что «вместо далеких походов Владимир главное внимание сосредоточил на организации обороны и сплочении огромной державы под своей властью» [15, с. 48]. В этом тексте, в противоположность советским учебникам, подчеркиваются близость князя к дружине и его внимание к простому народу: «Владимир, как и каждый князь, много пировал со своей дружиной, насчитывавшей тричетыре сотни человек, но в отличие от других он приказывал ставить на княжьем дворе столы для народа. Все могли прийти к праздничному столу» [Там же]. В учебнике [16], изданном в 2013 году и рекомендованном для использования в школах Министерством образования и науки РФ, обсуждается роль церкви во время правления Владимира Святославича: «Христианство осуждало варварские обычаи: многоженство, кровную месть, принесение пленных врагов в жертву языческим богам, убийство жен, рабынь, слуг на похоронах мужей и господ и др. Церковь выступала против жестоких форм рабства. На первый план выдвигались такие качества правителя, как мудрость, милосердие, образованность, жертвенность» [Там же. С. 35]. Подразумевается, что князь Владимир во многом соответствовал этим качествам, так как являлся одним из первых и самых верных последователей христианского учения на Руси.

Образ Владимира Святого широко представлен и в другом важном корпусе источников – *художественной литературе*, нормативной и популярной во второй половине XIX – начале XX века. Особенно много нарративов, посвященных князю Владимиру, содержится в произведениях, обязательных для изучения в рамках школьного курса русской словесности. Анализ учебных планов и программ позволяет нам выделить канон произведений, изучавшихся в средних учебных заведениях в указанный период. К ним относятся следующие тексты: «Слово о законе и благодати» (XI в.) митрополита Иллариона, «Хождение игумена Даниила в Святую землю» (XII в.), «Слово о полку Игореве» (конец XII в.), «Задонщина» (конец XIV в.), «Сказание о Мамаевом побоище» (XV в.), «Россияда» (1778) и «Владимир возрожденный» (1785) М.М. Хераскова, «Дмитрий Донской» (1807) В.А. Озерова. Большинство этих текстов, которые, безусловно, можно отнести к консервативному дискурсу, содержат примерно одинаковый смысловой посыл: Владимир Святой – выдающийся правитель, давший народу веру, а значит, наставивший его на истинный путь развития. Включение в тот период данных текстов в число обязательных для изучения в рамках школьной программы можно считать попыткой правительства внедрить основные государственные идеологические установки в сознание молодежи. Остановимся на некоторых характеристиках, данных Владимиру и его правлению в указанных произведениях.

Если в «Хождении игумена Даниила в Святую землю» Владимир Святой просто упомянут в числе других князей, т. е., таким образом, включен в пантеон выдающихся государственных деятелей, то в «Сказании о Мамаевом побоище» уже акцентируется внимание на том, почему же он так велик и значим для Руси: «Братья князья русские, из рода мы все князя Владимира Святославича Киевского, которому открыл господь познать православную веру, как Евстафию Плакиде; просветил он всю землю Русскую святым крещением, извел нас от мучений язычества и заповедовал нам ту же веру святую твердо держать и хранить и биться за нее. Если кто за нее пострадает, тот в будущей жизни ко святым первым ученикам за веру Христову причислен будет» [17]. Квинтэссенцией же государственного идеологического посыла относительно князя Владимира являются строчки М.М. Хераскова во второй части поэмы «Россияда»:

Ревнует дух во мне Владимиру святому;
Завидую из рук его звучащу грому,
Который он на Тавр, на Халкидон метал,
И солнцем наконец своей державы стал;
Отдав покой и мир врагам своим недавным,
Россию просветил законом православным.

В этом отрывке отражены все основные характеристики Владимира Святого, дававшиеся ему позднее в различных массовых нарративных источниках второй половины XIX – начала XX века: креститель Руси, храбрый воин и умелый дипломат.

В романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» (впервые опубликован в 1863 году и

пользовался популярностью во второй половине XIX – начале XX века) он ассоциируется прежде всего с укреплением государственной власти и обороны страны, с созданием мощной дружины. Кстати, эту точку зрения разделяет и Д.М. Балашов в романе «Великий стол» (1979). При этом Балашов, в духе своего времени, создает весьма противоречивый образ князя, делая упор на его некоторую двуличность, но не отрицая при этом княжеских заслуг: «Великий каан урусутов, Владимир, имел много жен. Что же, он выгнал их, когда крестился в греческую веру? Жен выгнал или отдал другим, а детей оставил у себя? Этого не бывает. Этого и не может быть. Просто стала греческая жена главной среди всех жен, так же как и у них, монголов. Жена не может быть одна у батыра. Тем более у хана!» [18, с. 102].

В советское время внимание к личности Владимира Святого значительно уменьшилось, на страницах художественных произведений он упоминается значительно реже. Из нормативных текстов князь Владимир присутствует лишь в «Белой гвардии» М.А. Булгакова [19] (полный текст романа был издан в конце 1960-х годов), включенной в школьную программу по литературе уже на закате советской эпохи.

В постсоветские годы, несмотря на увеличение объема школьного учебного материала, посвященного князю, его образ в художественной литературе используется нечасто. Один из редких примеров – роман «Девятный спас» А. Брусникина (Б. Акунина), где автор позиционирует Владимира в качестве одного из основателей России как государства: «Прежняя Русь, Третий Рим и Второй Цареград, по-прежнему стояла на фундаменте, заложенном Владимиром Красно Солнышко и Ярославом Мудрым» [20, с. 95].

Значительное влияние на формирование образа князя Владимира в национальной памяти в последние годы оказывают *сетевые ресурсы*. Нами были изучены материалы самых востребованных интернет-энциклопедий («Кругосвета», «Хроноса», словарей и энциклопедий на «Академике», Мегаэнциклопедии Кирилла и Мефодия, Википедии), посвященные жизни и деятельности князя. Интересно, что большинство ресурсов дистанцируется от оценок и содержит лишь материалы справочного характера. Однако во многих статьях акцент сделан не на введении христианства Владимиром Святым, а на его внутренней политике. При этом зачастую упоминаются факты, не позволяющие сделать выводы о нем как о «безгрешном» политике. Так, авторы одной из статей описывают следующие способы политической борьбы Владимира: «В Родне Владимир заманил Ярополка на переговоры, где два варяга „подняли его мечами под пазухи". Беременную жену Ярополка, бывшую греческую монахиню, Владимир взял в наложницы» [21]. В сетевых ресурсах также обращается внимание на то, что Владимир, хитрый и расчетливый политик, вероломно использовал для своих целей варягов, жестоких и беспринципных в отношении славянских племен, а потом обманул и их: «Варяги, помогавшие Владимиру, потребовали дани, но Владимир избавился от них, частью разослав их по городам, частью услав в Византию» [22].

Итак, образ Владимира Святого претерпевал в национальной памяти кардинальные изменения на протяжении последних полутора веков. Востребованность образа и однозначно положительная оценка в дореволюционном периоде сменилась критикой в советские годы. Однако и в дореволюционный период князь Владимир пользовался популярностью скорее из-за включения в больших объемах текстов, в которых он фигурировал, в школьную программу, что является ярким выражением государственного заказа. Не изменилась в этом отношении ситуация и в советские годы. Между тем оценки князя-крестителя кардинально поменялись. Теперь Владимир Святой изображается князем-рабовладельцем, представителем торгового капитала и угнетателем народных масс. При этом личность князя неразрывно связана с введением христианства на Руси и упоминается только в этом контексте. Но в то же время в советские годы была забыта одна из главных ипостасей Владимира – святого равноапостольного князя.

Возможно, постепенно нарастающая волна популярности Владимира Святославича в последние годы связана именно с тем, что он является крестителем Руси и одним из главных деятелей ее церковной истории. Но наряду с увеличением в школьных учебниках количества материалов, посвященных Владимиру Святому, изменился их характер: теперь на первое место вышла деятельность князя по

укреплению системы государственной власти. Однако если в числе деятелей допетровской эпохи Владимир Святой держится на высоких позициях в рейтингах популярности, то среди героев всей отечественной истории он остается на второстепенных ролях. На основе проведенных подсчетов по выборке из более чем 1000 самых популярных источников (текстов) художественной и социально-политической литературы по 10 тематически-хронологическим выборкам, охватывающим период с 1965 по 2007 год (при этом основным предметом исследования стал круг источников за период с 1986 по 2006 год), князь Владимир занимает позицию с 91 по 118 (из 754) [См.: 23]. В то же время, согласно социологическим опросам, Владимир Святой занимает в историческом сознании россиян довольно высокую позицию среди политических деятелей – «наиболее важных персонажей в истории России» – 12-е – 13-е место [См.: 24, 25].

Таким образом, мы можем констатировать, что Владимир Святой во все времена являлся местом консенсуса национальной памяти (положительным или отрицательным), что свидетельствует о пластичности его образа и о возможности включения в национальный пантеон героев, особенно в условиях поиска в нашей истории примеров сильных и полновластных правителей. Можно также предположить, что в случае расширения информационного поля, связанного с его именем, Владимир Святославич как «консенсусный» объект исторической памяти будет иметь значительный потенциал для усиления своих позиций в рейтинге национальных героев, а образ князя может весьма эффективно использоваться в качестве инструмента исторической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 343 с.

2. **Ле Гофф Ж.** Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 372 с.

3. **Ассман Я.** Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

4. **Folz R.** Le souvenir et la legende de Charlemagne dans l'empire germanique medieval. P.: Publications de l'université de Dijon, 1950. 624 p.

5. **Tulard J.** Le Mythe de Napoléon. P.: Armand Colin, 1971. 237 p.

6. **Le Goff J.** Saint Louis. P.: Gallimard, 1996. 857 p.

7. **Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.** Направления исследований исторической памяти в России // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 2. С. 106–126.

8. **Карпов А.Ю.** Владимир Святой. М.: Молодая гвардия : Русское слово, 1997. 447 с.

9. **Милютенко Н.И.** Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: древнейшие письменные источники. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 573 с.

10. **Иловайский Д.И.** Краткие очерки русской истории. М., 1860.

11. **Беллярминов И.И.** Элементарный курс всеобщей и русской истории. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1871. 303 с.

12. **Ключевский В.О.** Краткое пособие по русской истории. М.: Прогресс-Пангея, 1992. 196 с.

13. **Покровский М.Н.** Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партийное изд-во, 1933. 544 с.

14. **Нечкина М.В., Фадеев А.В.** История СССР: учеб. пособие для 7-го класса. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1962. 264 с.

15. **История** Отечества: учебник для 8-го класса средней школы / Б.А. Рыбаков, А.М. Сахаров, А.А. Преображенский, Б.И. Краснобаев. М.: Просвещение, 1993. 304 с.

16. **Журавлева О.Н.** История России: 10-й класс: учебник для учащихся общеобраз. учреждений. М.: Вентана Граф, 2013. 368 с.

17. **Сказание** о Мамаевом побоище // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/1380skaz.php. (дата обращения: 28.06.2014).

18. **Балашов Д.М.** Великий стол. М.: АСТ, 2007. 242 с.

19. **Булгаков М.А.** Белая гвардия. СПб.: Азбука-Классика, 2008. 320 с.

20. **Брусникин А.** Девятный спас. М.: АСТ, 2008. 509 с.

21. **Владимир** Святославич // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Владимир_Святославич (дата обращения: 28.06. 2014).

22. **Владимир** Святославич // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: http://megabook.ru/article/Владимир%20Святославич%20%20Энциклопедический%20словарь%20Брокгауза%20и%20Ефрона (дата обращения: 28.06.2014).

23. **Структурные** конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социол. анализ (научно-практ. исслед. – пилотный проект 2008 г.) / Д.О. Цыпкин, М.А. Шибаев, Н.И. Карбаинов, А.П. Балаченкова, Е.А. Ростовцев и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

24. **Исторические** личности. Итоги. Ч. 4 // Diletant. URL: http://www.diletant.ru/articles/19400634/?sphrase_id=901517 (дата обращения: 28.06.2014).

25. **Исторические** личности. Итоги. Ч. 3 // Там же. URL: http://www.diletant.ru/articles/19395160/?sphrase_id=901517 (дата обращения: 28.06.2014).

D.A. Sosnitskiy

ST. VLADIMIR IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XXI CENTURY (based on narrative sources)

SOSNITSKIY Dmitriy A. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: yraggan@mail.ru

The study is devoted to the collective memory about Saint Prince Vladimir, which covers the Russian society of the second half of XIX – beginning of XXI century. In this paper the author sets the list of the main sources of historical memory. The researcher analyzes educational literature, fiction (especially historical fiction) and network resources, which contain historical narratives about Prince Vladimir Svyatoslavich. The author examines the trends of changes of the heroic character in the collective memory. The historian assesses the prospects, which the character has to ingoing into the pantheon of the most popular national heroes.

HISTORICAL MEMORY; HISTORIOGRAPHY; RUSSIAN MEMORIAL RESEARCH; COLLECTIVE MEMORY; ST. VLADIMIR.

REFERENCES

1. Khalbvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Moscow, New Publ., 2007. 343 p. (In Russ.)

2. Le Goff Zh. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The Medieval Western Civilization]. Moscow, Progress Publ., 1992. 372 p. (In Russ.)

3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kulturakh* [The cultural memory. Writting, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. 363 p. (In Russ.)

4. Folz R. Le souvenir et la legende de Charlemagne dans l'empire germanique medieval. Paris, Publications of the University of Dijon, 1950. 624 p.

5. Tulard J. Le Mythe de Napoléon. Paris, Armand Colin, 1971. 237 p.

6. Le Goff J. Saint Louis. Paris, Gallimard, 1996. 857 p.

7. Rostovtsev Ye.A., Sosnitskiy D.A. [Research Areas of historical memory in Russia]. *St. Petersburg State University J*. Ser. 2. 2014, no. 2, pp. 106–126. (In Russ.)

8. Karpov A.Yu. *Vladimir Svyatoy* [St. Vladimir]. Moscow, Young Guard Publ., Russian word Publ, 1997. 447 p. (In Russ.)

9. Milyutenko N.I. *Svyatoy ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir i kreshcheniye Rusi: drevneyshiye pismennyye istochniki* [St. Vladimir and the Baptism of Russia: the ancient written sources]. St. Petersburg, Publisher Oleg Abyshko, 2008. 573 p. (In Russ.)

10. Ilovayskiy D.I. *Kratkiye ocherki russkoy istorii* [The Brief essays of Russian history]. Moscow, 1860. (In Russ.)

11. Bellyarminov I.I. *Elementarnyy kurs vseobshchey i russkoy istorii* [The Elementary course of General and Russian history]. Moscow, Typography of N. Neklyudova, 1871. 303 p. (In Russ.)

12. Klyuchevskiy V.O. *Kratkoye posobiye po russkoy istorii* [A brief guide to Russian history]. Moscow, Progress-Pangeya Publ., 1992. 196 p. (In Russ.)

13. Pokrovskiy M.N. *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian history in the most concise essay]. Moscow, The Party Publishing, 1933. 544 p. (In Russ.)

14. Nechkina M.V., Fadeyev A.V. *Istoriya SSSR: uchebnoye posobiye dlya 7 klassa* [The History of the USSR: Study Guide for 7th grade]. Moscow, The State educational and pedagogical publishing of The Ministry of Education of the RSFSR, 1962. 264 p. (In Russ.)

15. Rybakov B.A., Sakharov A.M., Preobrazhenskiy A.A., Krasnobayev B.I. *Istoriya Otechestva: uchebnik dlya 8 klassa sredney shkoly* [Textbook about Native History for 8th grade of middle school]. Moscow, Education Publ., 1993. 304 p. (In Russ.)

16. Zhuravleva O.N. *Istoriya Rossii: 10 klass: uchebnik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatelnykh uchrezhdeniy* [History of Russia: Grade 10: a textbook for students of educational institutions]. Moscow, Ventana-Graf, 2013. 368 p. (In Russ.)

17. [Saga about Mamay's Great Battle]. *Chronos*. Available at: http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/1380skaz.php (accessed 28.06.2014).

18. Balashov D.M. *Velikiy stol* [Great throne]. Moscow, AST Publ., 2007. 242 p. (In Russ.)

19. Bulgakov M.A. *Belaya gvardiya* [The White Guard]. St. Petersburg, Azbooka-Classica Publ., 2008. 320 p. (In Russ.)

20. Brusnikin A. *Devyatnyy spas* [The Devyatny Savior]. Moscow, AST Publ., 2008. 509 p. (In Russ.)

21. [Vladimir Svyatoslavich]. *Wikipedia*. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Владимир_Святославич (accessed 28.06. 2014).

22. [Vladimir Svyatoslavich]. *Mega-encyclopedia Kirilla i Mefodiya*. Available at: http://megabook.ru/article/Владимир%20Святославич%20—%20Энциклопедический%20словарь%20Брокгауза%20и%20Ефрона (accessed 28.06.2014).

23. Tsypkin D.O., Shibayev M.A., Karbainov N.I., Balachenkova A.P., Rostovtsev Ye.A., Solovyev D.V., Khokhlova A.M., Shilov D.N., Kincharova A.V., Pavlov S.V., Petrova Ye.V., Rzheshevskaya A.Yu., Rosugubu I.A., Sidorchuk I.V., Sosnitskiy D.A. *Strukturnyye konflikty v istoricheskom soznanii rossiyan kak potentsialnaya ugroza natsionalnoy bezopasnosti: istoriko-sotsiologicheskiy analiz*. [Structural conflicts in the historical consciousness of the Russians as a potential security]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2009. (In Russ.)

24. [Great names of history. Results. Pt 4]. *Diletant*. Available at: http://www.diletant.ru/articles/19400634/?sphrase_id=901517 (accessed 28.06.2014).

25. [Great names of history. Results. Pt 3]. *Diletant*. Available at: http://www.diletant.ru/articles/19395160/?sphrase_id=901517 (accessed 28.06.2014).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

Философские и культурологические исследования

УДК 1/14

М.Л. Лезгина, В.Г. Иванов

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРМАНЕНТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ НАУКИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

ЛЕЗГИНА Марина Львовна – *профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; доктор философских наук*.

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: lezgina@mail.ru

ИВАНОВ Вячеслав Григорьевич – *профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук*.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

e-mail: lezgina@mail.ru

В статье рассматривается проблема органической связи философии науки с концептуальным изложением истории науки. Показано, что наука, взятая в ее истории, может быть представлена в трех аспектах: как перманентный дискретно-континуальный научный поиск, как процесс смены научных поколений и как процесс возведения сущего в идею.

ИСТОРИОСОФИЯ НАУКИ; ФИЛОСОФИЯ НАУКИ; ИСТОРИЯ НАУКИ; НАУЧНЫЙ ПОИСК; СМЕНА НАУЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ; ВОЗВЕДЕНИЕ СУЩЕГО В ИДЕЮ.

Философская история науки слабо согласована с методологией философии истории как своего базиса. Нечетко разграничены философия науки и философские вопросы отдельных наук, что означает недостаточное понимание их специфики. Кроме того, опыт ковалентного развития науки и философии науки с 80-х годов XX века остается необобщенным и фактически невостребованным.

В силу этого фундаментальная трудность философии науки состоит в том, как органично связать ее воедино с концептуальным изложением истории науки. Существует постоянная опасность либо растворить историю науки в истории культуры, либо обратить философию науки в кадастр философских (гносеологических, методологических, семантических, этических, культурологических) вопросов естественных и гуманитарных наук, теряя и в том, и в другом случае специфический предмет исследования.

При формировании программ кандидатского минимума «История и философия науки» выявилась несвязанность разных ее разделов, и в частности отсутствие органической связи между историей и философией науки, между разделами и направлениями внутри философии науки, отсутствие завершенной модели развивающейся науки. Это также составляет реальную теоретическую проблему.

По нашему мнению, философия науки способна преодолеть указанные трудности лишь на пути раскрытия существа эволюционирующей, становящейся науки в ее человеческом измерении.

Наука, взятая в ее истории, может быть рассмотрена в трех аспектах: как перманентный

дискретно-континуальный научный поиск, как процесс смены научных поколений и как процесс возведения сущего в идею.

О возникновении науки можно говорить только тогда, когда для этого сложились все необходимые предпосылки.

Прежде всего, это правила последовательного мышления и вывода, или логика. Способность последовательно мыслить, иначе говоря логика, не врожденная. Поэтому, чтобы человек как таковой научился логично мыслить, требовалось, чтобы практика миллиарды раз повторяясь, закреплялась в фигурах логики. В силу этого правила логического мышления сформировались и были осознаны только к IV веку до н. э., когда Аристотель открыл и в своем великом труде «Логика» впервые сформулировал законы логики и правила вывода.

Было также необходимо, чтобы сформировался язык**,** пригодный для научного описания, отличающийся точностью и общезначимостью. Слова обыденного разговорного языка для этого не годятся – они многозначны. Достаточно вспомнить синонимы (разные по звучанию, но одинаковые по смыслу понятия) и омонимы (одинаковые по звучанию слова, передающие разные смыслы, например: *коса* – у девушки, *коса* – инструмент и *коса* – песчаная отмель). Надо сказать, что явления синонимии и омонимии существуют во всех развитых языках. Поэтому требуется особый язык и способы фиксации мысли, чтобы изложенное в науке одним ученым было одинаково понято и принято другими.

Кроме того, нужны были методы объективного познания, устраняющие все психологические и культурные влияния, позволяющие выразить знание в объективированной форме.

Требовалось также, чтобы получаемые знания были доступны проверке, обоснованию и доказательству, были бы наблюдаемы всяким в любой момент, когда соблюдены определенные условия, т. е. они должны были быть предсказуемы; иначе говоря, как относящиеся к науке такие знания обязаны раскрывать объективную необходимость.

И наконец, было необходимо, чтобы сложилось сообщество специалистов по получению нового знания, которое приняло бы на себя функцию культивирования полученных методов и навыков познания на основе глубокого освоения полученных научных знаний. Одновременно требовалось, чтобы сформировалась область занятий таких специалистов. Но это условие складывалось с трудом. Так, в античности наука (протонаука) имела разные названия: то философия, то матема, то логос, а слово «софист» (мудрец, знаток, умелец) означало и философа, и мыслителя, и гончара, и плотника [1].

Только к концу XVII – началу XVIII века складывается понятийный и логико-математический аппарат науки. Возникают новые научные понятия, такие как «закон природы», «вероятность», «сила», и получают современное определение другие (в первую очередь «пространство», «время», «причина», «условие»). Возникает новая, реформированная, дедуктивная логика и закладываются основы индуктивной логики. Развивается аналитическая геометрия. Происходит перевод научных положений со словесно-понятийной формы на язык математических формул, в результате чего развиваются формы описания, предсказания и объяснения в науке.

Если на этапе преднауки формируется в своих общих чертах менталитет науки, то теперь впервые формируется цельное научное мировоззрение. Менталитет – это склад ума, умственный настрой, стиль поведения и мышления. Мировоззрение в отличие от этого означает совокупность представлений, идеалов и ценностей человека, исходящих из понимания мира и места в нем человека. Прежде господствовало религиозное мировоззрение. С XVII века начинает формироваться независимое от него научное мировоззрение. Тем самым в XVII веке впервые наука о природе и математика вошли в жизнь как силы, изменяющие условия человеческого существования [6, с. 215].

В это время впервые в истории человеческой мысли начинает формироваться единая научная картина мира, которая первоначально имела машинно-механистический характер. Она предполагала, что все события в мире происходят по законам механики. Подразумевалось, что для научного понимания даже сознания нужно «создать модель мозга такой величины, чтобы можно было войти в него, как в мельницу, и увидеть, сцеплением каких зубчиков и колесиков получается ощущение» [10, с. 415].

Со второй половины XVIII и весь XIX век, т. е. в период науки, который принято называть классической наукой, происходит следующее. Прежде всего, завершается отделение науки от религии. С этого времени наличие религиозной веры или ее отсутствие у ученого становится настолько безразличным фактором, что это практически не влияет на направленность и успешность научного исследования. В начале XIX века Лаплас мог сказать: «Бог – это гипотеза, в которой я в своих исследованиях не нуждаюсь» [9, с. 219].

Вольтер добивается изгнания иезуитов из Франции, и это поражение самого воинственного отряда клерикалов стразу подрывает страх науки перед церковью. В XIX веке попытки организовать церковный суд над Лайелем, создавшим историческую геологию, и над Дарвином, который разработал теорию происхождения видов, провалились. И это сделало невозможной дальнейшую агрессию религии против науки.

В этот период формируется единая система всех наук, возникает целокупность знания, основанная на идее универсальности механицизма. Происходит математизация сначала механики, а затем и других разделов физики. Математическое описание явлений становится образцом и для других наук. Мировоззрение науки становится в основном материалистическим, несмотря на некоторое влияние на умы естествоиспытателей философии Канта и Юма к концу этого периода. Все науки структурируются на основе принципа детерминизма.

Еще один важный момент состоит в том, что под воздействием научного прогресса во всем мире происходит великий Промышленный переворот, связанный с переходом от мануфактур и мастерских к заводам и фабрикам на базе внедрения в производство паровых машин, а позднее – и электрических. Начинается бурное развитие химии и химической промышленности, которая совершила переворот в агрономии и медицине.

В эту эпоху открываются сначала законы всемирного тяготения, обнаружившие, что законы неба и законы Земли – одни и те же, а затем и закон сохранения энергии, который позднее получил переистолкование как закон сохранения и превращения энергии, означающий, что все многообразные процессы в мире не сводятся к механическим, и помимо механического движения объективно существуют и другие формы движения.

Особо следует отметить, что впервые в науку входит представление о развитии. Складываются теории и гипотезы о происхождении солнечной системы, о происхождении и развитии геологических процессов на Земле, о происхождении видов, о единстве онто- и филогенеза в биологии, о происхождении языка, государства, права и т. д. Итогом такого положения дел становится убеждение во всесилии Разума и бесконечности прогресса.

Постклассическая, или современная, наука не отвергает достижений классической науки, но считает ее методологию недостаточно строгой. Так, стало ясно, что машинно-механистический метод описания не универсален. Начиная научный поиск в любой области знания, включая гуманитарное, на начальной ступени ученый выдвигает модели ньютоновского типа, но далее, выявляя, в чем они не соответствуют наблюдаемой картине исследуемого объекта, исследователь разрабатывает все более глубокие и далекие от машиноподобоной причинности гипотезы.

Обнаружилось, что, подобно тому, как физика несводима к механике, химические, биологические, психологические и социальные явления несводимы к физическим процессам, лежащим в их основе. Существует множество форм движения материи со своими собственными законами, несводимыми к физике.

Выяснилось, что научный прогресс не может быть редуцирован к накоплению суммы фактов. Объективная реальность неисчерпаема, и любая теория или модель этой реальности оказывается односторонней, неполной, неточной и в каких-то отношениях не соответствует истине. Теория или модель реальности имеет всегда ограниченную информационную емкость, т. е. она не способна охватить все открываемые факты. Углубление познания означает преобразование теорий так, что расширяется их информационная емкость.

Современная наука признает, что научное познание есть постижение объективной истины, но мера обладания истинностью в каждый данный момент неизвестна, в то время как абсолютно полное, точное и завершенное знание (абсолютная истина) в принципе недостижимо, поскольку с каждым шагом постижения откры-

ваются новые горизонты познания. Однако всякая научная истина в отличие от религиозных догматов, обывательских мнений и вненаучных спекуляций доступна научной проверке, доказательству и обоснованию в ходе научного поиска.

Рассмотрение науки как перманентного научного поиска позволяет показать ее в динамике изменения и развития, эмерджентности и творчества. Наука выступает как содержательный познавательный процесс, в ходе которого формируется принципиально новое знание, в той или иной степени преобразующее всю сложившуюся систему наличного знания. Именно такое вхождение нового знания в целокупность существующего придает ему характер того, что К. Поппер называл «третьим миром». Невозможность сведения исследования научного поиска к логическому или психологическому компонентам открывает иной путь раскрытия его методологии. Научный поиск обнаруживает свою аналогичность с процессом декодирования незнакомого текста на неизвестном языке. Соответственно раскрытие его методологии означает следование внутренней диалектике поиска, с одной стороны, а с другой – определение факторов, детерминирующих его развитие. В качестве таковых выступают психологические факторы научного поиска, его эмпирическая обусловленность, математизация, информационно-теоретическая составляющая (теоретические предпосылки) и нормативно-ценностные факторы.

Особое место в исследовании науки как процесса научного поиска занимает анализ такого условия познания, как научная тенденция. Понятие научной тенденции выражает спонтанную составляющую хода научного познания на конкретно-историческом уровне его развертывания, охватывая в единстве наличные достижения, проблемы, средства и условия познания, относящиеся к проблемному полю конкретного научного поиска. Именно в русле той или иной наличной тенденции ученый оценивает стоящую перед ним задачу, а поиск ее решения одновременно и развивает, и преодолевает эту тенденцию, пробивая выход к более широкому пониманию задачи и тем самым к учету иных условий – сверх заданных. Понятие проблемной ситуации и означает соотнесенность научной проблемы с наличными научными тенденциями.

Научная тенденция всегда конкретна, и в силу ее конкретности она играет двойственную роль в отношении научного поиска. Важнейшая позитивная функция тенденции – обеспечение преемственности в научном познании. Основываясь на наличных знаниях, нормативах, методах, идеалах и регулятивах, а также на соответствующей им формулировке проблемы, тенденция выражает аспект традиционализма, рутинности научного мышления, его привязанности к наличным приемам и формам познания. Через тенденцию научный поиск детерминирован старым знанием, будучи в то же время объективно ориентированным на выход за его пределы. Тенденция, таким образом, определяет горизонт в*и*дения решения проблемы, выступает и необходимым условием научного поиска, и одновременно сдерживающим его, ограничивающим фактором. В свою очередь, открытие как итог научного поиска либо подкрепляет наличную научную тенденцию, либо преобразует ее, уточняя или изменяя утвердившиеся условия и предпосылки.

Для рассмотрения бытия науки во втором ее аспекте – как смены научных поколений – следует обратиться к проблеме существования науки в поле двух культур. Дело в том, что вся современная культура, включая философскую, несет на себе неустранимые родимые пятна позитивизма, и часто даже базируется на них. В философии науки позитивизму мы обязаны дихотомией наук на естественные и гуманитарные. Дж.С. Милль выдвинул положение, согласно которому, «не задаваясь вопросом о том, что такое материя и дух сами по себе, нужно исходить из того факта, что телесные и духовные состояния представляют собой две совершенно различные области опыта» [8, с. 400]. Соответственно этому Милль выделяет сферу «наук о духе» как противостоящих сфере естественных наук. Такое подразделение наук «преимущественно благодаря Миллю и проникло в новейшую литературу» [7, с. 59], хотя с самого начала оно вызвало множество возражений и опровержений. Тем, кто не знаком с перипетиями этой борьбы, аргументацией и контраргументацией защитников и противников подобного подхода, его тезисы кажутся несомненными, а источники настолько забыты в пылу полемики, что ныне авторство приписывается неокантианцам.

Не останавливаясь на доводах в пользу дихотомии наук в утвердившемся ныне виде (по своей убедительности, на самом деле, весьма близким к области эристики), отметим, что корни подхода лежали отнюдь не в сфере гносеологии или методологии. К раскрытию источника гипотезы дихотомии наук пришел во второй половине XX века Ч.П. Сноу, который фиксировал, что «духовный мир западной интеллигенции все явственней и явственней раскалывается на две части, диаметрально противоположные друг другу... На одном полюсе – художественная интеллигенция, на другом – ученые, и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания и иногда (особенно среди молодежи) антипатии и вражды... Они настолько поразному относятся к одним и тем же предметам, что не могут найти общий язык даже в области чувств» [13, с. 88].

Речь, собственно, идет о двух противоречащих друг другу внутри одной и той же культуры психологических установках. Сам факт подобных установок заметил еще У. Джемс, который возвел их в «принципы» человека запада и человека востока. Различие между ними Джемс сводил к тому, что один тяготеет к материализму и атеизму, а второй – к идеализму и мистике [4, с. 312–314]. Сноу идет дальше. У гуманитариев он отмечает тягу к иррационализму, иррелизму, антипатию к науке, индивидуализм и эгоизм (жизненный опыт каждого принимается за общественный, существование человечества представляется трагичным только потому, что жизнь каждого кончается смертью, личные проблемы воспринимаются как имеющие космический смысл, а реальные проблемы современности – бедность, нищета, экономическое подавление целых народов – как нечто недостойное внимания своей «приземленностью», «бездуховностью». В то время как для «ученых» характерны оптимизм и высокая социальная ответственность.

Гуманитаризм и сциентизм – это, как подчеркивает Сноу, две стороны единой культуры, существовавшей веками в более-менее гармоничном единстве, и разрыв между ними сам по себе трагичен. Тем более трагичен он по своим последствиям. С одной стороны, единая культура раскалывается на две противостоящие взаимоотвергаемые «культуры». При этом понятие науки обедняется до смысла безответственной служанки, обслуживающей потребность рынка и государства, игнорируя личность; любые же стремления науки выйти за подобные ролевые рамки объявляются химерой и иллюзией. Но, как писал З. Фрейд, «наука – не иллюзия. Иллюзией была бы вера, будто мы еще откуда-то можем получить то, что она не способна нам дать сегодня» [15, с. 64]. В то же время оторванная от науки и противопоставленная ей гуманитаристика, в своем обезнаученном виде, «придает привкус ненаучности всей традиционной культуре и часто (чаще, чем мы предполагаем) эта ненаучность едва удерживается на грани антинаучности. Устремления одного антипода порождают на другом своих антиподов. Если ученые несут будущее в своей крови, то представители гуманитарной культуры стремятся к тому, чтобы будущее вообще не существовало» [13, с. 88].

С другой стороны, отрываясь от науки, противопоставляя себя ей, гуманитаристика ничего не выигрывает и сама. «Пугающе большое число людей недовольно культурой и несчастно внутри нее, ощущает ее как ярмо, которое надо стряхнуть с себя» [15, с. 48], отдается самым примитивным и низменным проявлениям масс-культуры, приобретающим в силу этого высокую товарную цену по явно антикультурной направленности. В идеологической же сфере все попытки сохранить единство культуры парализуется экспансией постмодерна, этого «диалектического совпадения рациональности и абсурдности» [3, с. 48], которое «лишает мир различия между видимостью и реальностью», поддерживая «потенциал релятивизма и нетерпимости» [5, с. 58–59], стимулируя растущее пренебрежение универсальными идеалами культуры [11, с. 183].

Накануне нынешнего тысячелетия в печати высказывалось мнение: «Пока человеческий мир устойчив, пока воспроизводится тот или иной тип социальной жизни и осуществляется трансляция накапливаемого опыта, люди знают, *что* передать им от прошлого к будущему, *как* осуществить связь времен. Но наступают такие периоды социальной жизни, когда накапливаемый исторический опыт уже не умещается в рамках жизненных смыслов, задаваемых системой универсалий культуры» [14, с. 60], наступает эпоха, о которой говорят «распалась связь времен», происходит переоценка ценностей.

Культура как форма существования социума включает в себя в качестве подсистем науку и образование. Анализ любой подсистемы культуры, особенно когда речь идет о духовной сфере, нуждается в оценке таких параметров, как праксиологический статус этой подсистемы, ее гносеологическое содержание, социально-этическая значимость и мировоззренческая функция. Следует избегать трафаретных предрассуждений типа того афоризма, согласно которому изменения в обществе происходят ныне настолько быстро, что человек утратил способность приспосабливаться к ним, – утверждения, известного еще в средние века и приобретшего чрезвычайную популярность, начиная с XVII века и до наших дней, нисколько не становясь более убедительным от многократного повторения.

В праксиологическом измерении вся современная материальная культура общества базируется на достижениях науки и ориентирована на дальнейший научно-технический прогресс. Опережающая, определяющая роль науки и научно-технического прогресса на ближайшие десятилетия, а скорее всего и столетия, несомненна. Даже самые рьяные адепты переориентации общественных устремлений с науки и техносферы на «духовность» полагают, что такой переход произойдет без утраты всех тех удобств и того комфорта, какие способна дать современная техническая цивилизация. И даже сторонники теории нулевого роста (свертывания научно-технического прогресса и перехода на ручной труд) признают, что без помощи науки этого сделать нельзя.

Иногда в качестве аргументов против «засилья» науки выдвигаются противопоставление техносферы и ноосферы и примеры того, к каким ужасным последствиям может приводить использование достижений науки. Здесь мы имеем дело с откровенными софизмами, совершенно не влияющими на конечный вывод, поскольку ноосфера, техносфера, антропосфера, социосфера – всё это по своему смыслу слова-синонимы.

Кроме того, не только наука, но и любая конкретная форма культуры может быть использована против человека и человечества. Кино, театр, литература, живопись не только удовлетворяют эстетические потребности человека, но могут быть и средствами насаждения жестокости, извращений, преступности. Нормы права могут быть доведены до любого уровня бесчеловечности. Религия способна во имя вселенской любви стать источником веронетерпимости, фанатизма, изуверства. Но речь во всех этих примерах идет не о норме, а о патологии в использовании этих форм культуры. Архитектура неповинна в том, что помимо «застывшей музыки» палаццо и одеонов по ее законам создаются также остроги и печи Освенцима.

И, наконец, атомную бомбу создали не ученые как таковые, а специально созданный правительством коллектив отобранных для этой цели людей: научные работники, менеджеры, инженеры, политики, генералы. Им были выделены необходимые финансовые средства, предоставлялись любые нужные ресурсы, была выделена целая армия работников охраны и разведки для обережения этих людей и секретов, которыми они обладали. Иначе говоря, за злоупотребление научными достижениями отвечает не наука, а тот, кто «заказывает музыку». Наука не может быть более гуманной, чем то общество, которое ее эксплуатирует.

В гносеологическом смысле наука обозначает достоверное знание. В своей совокупности научные знания не только в большой степени увеличивают власть человека над природой, но и образуют непрерывно совершенствующийся и развивающийся сверхмозг того сверхсущества, которым является сегодня человечество в целом.

Если в праксиологическом и гносеологическом смысле приоритетность науки в системе культуры несомненна, то в социально-этическом и мировоззренческом аспектах наука становится объектом назойливой критики гипертрофированных адептов «духовности». Главное, против чего направлена такая критика, – это научный склад ума, т. е. «обыкновение основывать наши убеждения на наблюдениях и выводах, настолько беспристрастных и настолько лишенных национальных и психологических предубеждений, насколько это возможно для человеческого существа... Научный склад разума не является ни скептическим, ни догматическим. Скептик – это тот, кто утверждает, что истина недостижима, в то время как догматик доказывает, что истина уже открыта. Человек науки считает, что истина достижима, но не от-

крыта. Отсутствие завершенности составляет сущность научного духа... Человек науки (я не имею в виду здесь каждого, так как многие люди науки не являются учеными) – это человек внимательный, осторожный, последовательный» [12, с. 164–165].

Разумеется, критиковать такую установку «в лоб» затруднительно. Поэтому ищутся окольные пути для критики. Так, один из пионеров антисциентизма XX века – Э. Гуссерль в 1920–1930-е годы, т. е. в эпоху расцвета науки, в эпоху выдающихся открытий в физике, космологии, химии, биологии, физиологии высшей нервной деятельности и научной психологии, смело утверждал, что науки переживают на самом деле не расцвет, а глубокий кризис и что этот кризис состоит в том, что науки занимаются своим (научным) делом – научным поиском – вместо того, чтобы погружаться в схоластические споры по поводу смысла человеческого бытия.

Ориентированная не на ученых, а на современного обывателя, получившего доступ к компьютеру раньше, чем он освоил грамматику и логику, подобная критика науки не только адресована результатам научно-технического прогресса, мощному росту научных знаний, но оказывается в тесной связи со взрывом элементарной неосведомленности, невежества обывательских масс, поскольку большинство людей на Земле слабо образованно и далеко от понимания современной науки. Быть пассажиром реактивного лайнера, пользоваться мобильным телефоном, компьютером с выходом в мировые коммуникационные сети и смотреть телепередачи в формате 3D – всего этого недостаточно, чтобы приобщиться к современной науке, основанной на тысячелетнем потоке фундаментальных открытий, имеющих революционный характер. Обыватель далек от восприятия современной цивилизации как продукта такой эволюции науки, обнаруживая в ней лишь то, что позволяет потребить комфорт.

«К тому же наша так называемая гуманитарная интеллигенция, в общем, образованна весьма односторонне, и ее представители в отношении естественно-научных знаний нередко еще находятся на средневековом уровне» [2, с. 460]. Направленная именно на этот контингент, и ведется многие годы проповедь антисциентизма, авторитетность которой призвана поддержать некая аморфная «современность» (как нечто якобы принципиально иное, чем вся прежняя история человечества), а также ссылки на особое значение модерна и постмодерна в человеческой культуре. Так, в 70-е годы XX века сторонники «новой философии» (Б.А. Леви, А. Глюксман, Г. Лиардо и др.) выдвинули положения, получившие позже развитие в постмодернизме, о том, что мысль не имеет ничего общего с разумом, что подлежат закрытию такие темы, как единство мира, универсальность категорий разума, объективность истины, субстанциональность природы и человека. Этими положениями утверждалось «мышление без концепции», «мысль без науки», необязательность научной мысли.

Можно, конечно, сказать, что «на фоне прогресса науки очевиден застой и нищета бытующих ненаучных и антинаучных представлений... их адепты, разного рода алармисты и постмодернисты, апеллируют к человеческим слабостям, к невежеству и страху перед лицом социальных потрясений и неизвестности» [Там же. С. 470–471]. Но это означало бы преуменьшение реальной опасности, так как тотальная проповедь антисциентизма ведется по всем каналам телевидения, она явственно присутствует на радио, пресса ею переполнена. К несчастью, ее голоса слышны в учебных аудиториях и на страницах книг, в том числе и в учебной литературе.

Подобная тенденция в области воспитания ориентирует на поточный метод производства особей Панургова стада, поскольку антисциентизм интериоризирует в массовое сознание готовые стандартные (и тем самым эфемерные) ответы на все случаи жизни, чтобы научная мысль действительно стала необязательной. В то время как будущее человечества в третьем тысячелетии, как и прежде, зависит от успехов науки.

Поэтому особое значение для философии науки приобретает рассмотрение ее истории как процесса смены научных поколений, который представляет человеческий фактор роста науки. Объективный анализ научного поиска дополняется и углубляется здесь раскрытием субъективного фактора научного познания, давая тем самым иной план научной истории. Принимая, что поколение состоит из тесно связанного

круга индивидов, которые образуют некоторое однородное единство (благодаря тому, что они зависят от одних и тех же изменений и событий в науке, имевших место в годы их формирования, осваивают одни и те же знания и научные тенденции и участвуют в обсуждении одних и тех же проблем), понятие поколения можно соотнести с понятием научного сообщества, в рамках которого различные школы и коллективы ученых разных отраслей науки могут быть представлены как актуальные поколения и поколенные группы ученых.

Определяющими при этом выступают эталонирующие комплексы идеалов, норм, регулятивов, принципов и идей, обладающие существенной спецификой для определенных научных эпох и различных научных школ. Смена научных поколений связана с процессами наследования в науке, притом что каждое поколение вносит свой вклад в изменения целостного научного знания. В итоге смена научных поколений выступает как мера ритма изменений в науке. Ритм изменений, в свою очередь, выступает одной из характеристик научной эпохи: для каждой из них характерны не только различные эталонирующие комплексы, но и различный ритм изменений.

Смена научных поколений и соответственно научный поиск реализуются в ходе соперничества и борьбы поколенных групп ученых. Такая борьба сопровождает формирование знания в качестве нового или уточненного эмпирического или теоретического объекта и выражается прежде всего в области формального обеспечения научного познания. Именно поэтому столь велика в научном познании роль моделирования, стирающего в наши дни четкую грань между содержательной наукой и прикладной математикой.

Всякому научному поколению, принадлежащему к определенной научной эпохе, свойственна внутренняя духовная солидарность, обеспечивающая единство этого поколения, притом что его члены имеют различные религиозные, философские и политические взгляды, принадлежат к разным культурам и психологическим складам личности. В то же время ориентация любого научного поколения на углубленное познание, как и то, что главная функция поколения состоит в обеспечении научных преобразований, ориентирует членов одного и того же поколения на свободное образование собственного стиля миропонимания, что в конечном счете придает научному процессу стохастический характер. Если говорить о научном поколении в целом, а не о той или иной поколенной группе или научном корифее, главным итогом любого научного поколения выступает научное мировоззрение, органически включающее в себя эталонирующий комплекс как объект забот о его наследственной передаче новому поколению. С другой стороны, всякое новое поколение решает проблемы, выдвинутые старым поколением, и на этой основе формирует собственные проблемы.

История науки как процесс возведения сущего в идею – это понимание науки, исходя из ее истории, и формирование интеллектуальной модели динамики научного роста. Соответственно этому следует раскрыть тот особый смысл понятия «идея», который делает его категорией философии науки, равным образом – и философии отдельных отраслей познания (философии математики, биологии, физики, истории и etc.). Разумеется, с течением времени в истории и науки, и философии понятие идеи многократно изменяло свой смысл, и за этим стоял не просто субъективный произвол спекулятивной мысли философов и ученых: с развитием науки и научного познания, раз открытая как особая форма познания, сама идея развивается, ее понимание углубляется, она становится предметом рефлексии.

В этом смысле идея содержит знание о себе самой, о путях и средствах своей объективации. От онтологического истолкования идеи рефлексия ведет к положению о единстве онтологии, гносеологии и логики, восходит к тезису априорности. На путях этого прогрессирующего восхождения идея вызревает из состояния, в котором она претендовала на констатацию абсолютной истины, к осознанию себя как условного допущения на базе сложно опосредованного отношения к действительности. В ней можно усмотреть синтез трех элементов – объективного эталона, сопряженной с эталоном схемы практического или умственного действия и субъективной способности человека адекватным образом оперировать содержанием идеи. В итоге возведение сущего в идею и выход идеи за пределы опыта выступают как выход ее

в область возможного из сферы действительного, но такой выход, который связан с обобщенностью знания, позволяющей использовать это знание применительно к еще не сформированному – более обширному и разнообразному опыту. Постижение глубин объективной реальности требует создания новых форм описания по сравнению с теми, что были адекватны прежнему опыту. Конструируется научная реальность, которая первоначально имеет статус виртуального бытия, но при определенных условиях познания переходит в статус актуального бытия.

Выводя познание за пределы имеющегося опыта, идея играет революционную роль в науке. Но революцию при этом нельзя понимать упрощенно, только как перерыв в непрерывности, чистый эмерджентный эффект. Идея, вызревающая в научном поиске подспудно, в ходе революции является вначале в неадекватной форме, скрывая свое адекватное содержание. Как таковая она на этом этапе может иметь множество истолкований, в том числе и взаимонесовместимых. Получая некоторую номинацию, идея сохраняет еще свою неопределенность, но выступает как символ определенной направленности поиска, ведущей к формированию интеллектуального образа объекта. Идея символизирует формирование такого образа. Как символ она фиксирует его виртуальное существование, но это существование остается потенциальным, поскольку идея есть форма познания, с помощью которой в оперативно-познавательных целях фиксируются эскизы угадываемой объективной реальности. Идея – не модель, не теория объективной реальности, а ориентация на них с учетом совокупности всех других знаний о мире и специфики данного массива познавательных процедур. С каждой новой ступенью познания, с каждой новой революцией в науке перемены в ней связаны с порождением новых идей, новым аспектом научной реальности. Но это новое возникает не на пустом месте, а производно от прежнего хода развертывания идеи.

С развертыванием идеи раскрывается и все более широкий спектр функций и ее значение в научном прогрессе. Особую роль в развертывании идеи играет связь познавательной и практической сфер научной мысли, обращающей идею в единство natura naturans и natura naturata научного поиска. В аксиологическом аспекте идея выступает как опосредующее звено между научным идеалом и реальным состоянием дел в науке, детерминируя общую направленность исследования.

В силу преемственности и наследования, свойственных науке, возведение сущего в идеи совершается как элемент процесса роста науки. Но способом существования науки является научный поиск, имеющий эмерджентно-эволюционный характер. На каждом этапе этого поиска его результаты, накапливаясь, подготавливают условия для преобразования во всей системе знания, но не предопределяют его. Наука в своем развитии онтологически предстает как некий объективный самостановящийся процесс, обладающий свойствами органического целого. В то же время это процесс особого вида духовной деятельности людей.

Как таковой он придает истории науки метаисторическую направленность на развертывание духовного потенциала человека. Интенсионально направленная на постижение и реконструкцию объективной реальности, наука остается по преимуществу субъективной активностью, непосредственной данностью для которой выступает субъективная реальность. Отношение к объективной реальности оказывается опосредованным. В частности, как это было показано еще Мейерсоном, наука необходимо предполагает онтологию – как своеобразного заместителя объективной реальности и в то же время как ее модель. Такой моделью выступает так называемая физическая реальность как своеобразное двуединство эмпирической реальности и формальной действительности. В своей совокупности они образуют идеальный итог научного познания – научную реальность, условно принимаемую как отображение объективной реальности, которое, однако, с каждой научной эпохой испытывает экстенсивные или интенсивные изменения.

Таким образом, способом существования науки выступает постоянно текущий самостановящийся и перманентно перевоплощающийся научный поиск. В гносеологическом аспекте научный поиск предстает как процесс конструирования научной реальности, претендующий быть реконструкцией объективной реальности.

Наука, взятая в ее истории, т. е. как «science in flux», раскрывается в трех аспектах: как пер-

манентный дискретно-континуальный процесс открытия; как преемственность, осуществляющаяся в смене научных поколений; как процесс возведения сущего в идею, развертывания и борьбы научных идей.

В заключение мы с неизбежностью приходим к выводу о том, что в основании современного понимания науки лежит историософский подход, т. е. органическая связь философии науки и истории науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Быдалов Р.А.** История слов в истории общества. М., 1971.
2. **Гинзбург В.Л.** О науке, о себе, о других. М., 2001.
3. **Декомб В.** Современная французская философия. М., 2000.
4. **Джемс У.** Воля к вере. М., 1997.
5. **Джерри Д., Джерри Дж.** Большой толковый социологический словарь. В 2 т. М.: Вече : Аст, 2001.
6. **Вернадский В.И.** Избранные труды по истории науки. М., 1981.
7. **Виндельбанд В.** Введение в философию. М., 1998.
8. **Он же.** История новой философии. В 2 т. Т. 2. М., 2000.
9. **Воронцов-Вельяминов А.А.** Лаплас. М., 1985.
10. **Лейбниц Г.** Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1982.
11. **Оливер М.** История философии. М., 2000.
12. **Рассел Б.** Словарь разума, материи, морали. Киев, 1996.
13. **Сноу Ч.П.** Две культуры // Наука и человечество. М., 1970.
14. **Степин В.С.** Философия и универсалии культуры // Россия на рубеже веков. Вып. 16. СПб., 1999.
15. **Фрейд З.** Психоанализ, религия, культура. М., 1992.

M.L. Lezgina, V.G. Ivanov

THE CONCEPTION OF THE PERMANENT EMERGING OF SCIENCE AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

LEZGINA Marina L. – *Herzen State Pedagogical University of Russia.*
Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: lezgina@mail.ru

IVANOV Vyacheslav G. – *The Institute of Philosophy of the St. Petersburg State University.*
Mendeleyevskaya liniya, 5, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: lezgina@mail.ru

The article offeres the consideration of problem of organic correlation of philosophy of science with conceptional account of history of science. It is shown, that science in its history can be represented in three aspects – as permanent discrete-continual scientific search, as the process of changing of scientific generations and as the process of raising of reality to idea.

PHILOSOPHY OF HISTORY OF SCIENCE; PHILOSOPHY OF SCIENCE; HISTORY OF SCIENCE; SCIENTIFIC SEARCH; CHANGING OF SCIENTIFIC GENERATIONS; RAISING OF REALITY TO IDEA.

REFERENCES

1. Bydalov R.A. *Istoriya slov v istorii obshchestva* [The history of words in the history of society]. Moscow, 1971. (In Russ.)

2. Ginzburg V.L. *O nauke, o sebe, o drugikh* [About science, about myself, about others]. Moscow, 2001. (In Russ.)

3. Dekomb V. *Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya* [The modern French philosophy]. Moscow, 2000. (In Russ.)

4. Dzhems U. *Volya k vere* [The will to faith]. Moscow, 1997. (In Russ.)

5. Dzherri D., Dzherri Dzh. *Bolshoy tolkovyy sotsiologicheskiy slovar'*. [Collins dictionary of sociology]. In 2 vol. Moscow, 2001. (In Russ.)

6. Vernadskiy V.I. The selected works of the history of science. Moscow, 1981. (In Russ.)

7. Vindelband V. *Vvedeniye v filosofiyu* [Introduction into philosophy]. Moscow, 1998. (In Russ.)

8. Vindelband V. *Istoriya novoy filosofii* [The history of new philosophy]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, 2000. (In Russ.)

9. Vorontsov-Velyaminov A.A. Laplas [Laplace]. Moscow, 1985. (In Russ.)

10. Leybnits G. Works. In 4 vol. Of vol. 1. Moscow, 1982. (In Russ.)

11. Oliver M. *Istoriya filosofii* [The history of philosophy]. Moscow, 2000. (In Russ.)

12. Rassel B. *Slovar' razuma, materii, morali* [Dictionary of mind, matter and morals]. Kiev, 1996. (In Russ.)

13. Snou Ch.P. Dve kultury [Two cultures]. *Nauka i chelovechestvo* [Science and the mankind]. Moscow, 1970. (In Russ.)

14. Stepin V.S. Filosofiya i universalii kultury [Philosophy and the universalies of culture]. *Rossiya na rubezhe vekov* [Russia on the frontier of the centuries]. Iss. 16. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)

15. Freyd Z. *Psikhoanaliz, religiya, kultura* [Psychoanalysis. Religion. Culture]. Moscow, 1992. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 141.201

Е.А. Безлепкин

ОБЩЕФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

БЕЗЛЕПКИН Евгений Алексеевич – *аспирант Института философии и права СО РАН.*
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: evgeny-bezlepkin@mail.ru

Определены причины существования множества интерпретаций квантовой механики. Для решения проблемы несовместимости философских оснований интерпретаций выявлены общефилософские основания интерпретаций квантовой механики, дана их классификация. Показано, что в более общих теориях, частью которых является квантовая механика, можно объединить (согласовать) философские основания интерпретаций.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ; ФОРМАЛИЗМ; КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА; ОНТОЛОГИЯ.

Существует множество интерпретаций квантовой механики, основания которых кажутся несовместимыми (например, детерминистские и индетерминистские интерпретации). На наш взгляд, именно эта несовместимость является философской проблемой разнообразия интерпретаций.

Цель статьи: а) определить причины множественности интерпретаций; б) выделить философские основания для классификации интерпретаций и создать ее; в) поскольку несовместимость оснований интерпретаций представляет проблему для построения единой картины мира, показать, что можно минимизировать число интерпретаций, если потребовать их согласования с такими обобщенными теориями, как, например, теория струн.

Единственную онтологию (интерпретацию) квантовой механики нельзя построить, исходя только из нее самой. Для этого следует использовать холистический подход, т. е. согласовать квантовую механику с теориями, которые связаны с другими областями применимости. Грубо говоря, множество интерпретаций связано с тем, что квантовая теория «не сопротивляется» свободному толкованию своих основных понятий. Возможно, если квантовая механика будет существовать как составная часть другой, более общей теории, то последняя будет накладывать более жесткие ограничения на трактовку основных понятий квантовой механики. Таким образом, по нашему мнению, описать мир целостно и непротиворечиво можно через объединенную теорию, которой будет соответствовать объединенная онтология, причем одной из ее частей и станет онтология квантовой механики.

Основные положения квантовой механики

Для того чтобы указать источник разнообразия интерпретаций квантовой механики, следует отчетливо выявить ее исходные положения. Для этих целей мы используем теорию (формализм) П. Дирака, так как она является наиболее общей. Исходное положение теории заключается в том, что многообразию физических понятий сопоставляются математические понятия (такое сопоставление называется «параметризацией» или «координатизацией»). Таким образом, физические объекты, которые необходимо математически (количественно) исследовать, должны быть «параметризованы» или «измерены». Б.Г. Кузнецов отмечает, что это положение вместе с идеей инвариантности является основой теории П. Дирака и что в квантовой механике появляется «независимость физических процессов от методов наблюдения, выражающаяся в инвариантности некоторых физических величин при переходе от одной координатной параметризации к другой» [2, с. 211].

Первое положение П. Дирака составляет принцип суперпозиции состояний, который утверждает, что любое физическое состояние квантово-механической системы может быть линейно выражено через суперпозицию (наложение) нескольких других состояний [См.: 1, с. 24]. Второе положение Дирака заключается в том, что физическому понятию «состояние динамической системы» сопоставляется математическое понятие «вектор» (в бесконечномерном пространстве Гильберта) [Там же. С. 29–34]. Определяющим при сопоставлении является не «длина» вектора, а его «направление» в пространстве векторов, поскольку в нем не действует аксиома Архимеда о сравнении длин. То есть в пространстве векторов квантовой механики нельзя определить, какое число «больше», а какое «меньше».

Дирак называет вектор состояния кет-вектором и с учетом того, что любой совокупности векторов можно сопоставить совокупность дуальных векторов, вводит бра-вектор. Эти векторы описывают как состояние, так и суперпозиционные связи квантово-механической системы.

Третье положение Дирака. Если в классической физике состояние физической системы описывается при помощи динамических переменных (координата, импульс), то в квантовой механике динамическим переменным, описывающим физическую величину, ставятся в соответствие линейные операторы. Причем для них не выполняется алгебраический коммутативный закон умножения (АБ ≠ БА) [Там же. С. 40].

Четвертое положение Дирака формулируется так: «В каком бы состоянии ни находилась динамическая система, результатом измерения вещественной динамической переменной будет одно из собственных значений этой переменной» [Там же. С. 54]. Процесс измерения, совершаемый над квантово-механической системой, вызывает возмущение, которое вызывает «скачок» системы из неопределенного (вероятностного) состояния в некоторое определенное (точное в числовом плане) состояние. Это утверждение получило название проекционного постулата. Таким образом, каждая наблюдаемая квантово-механическая величина имеет определенное значение только в состоянии, которое называется собственным; в иных состояниях она имеет лишь среднестатистическое значение.

Пятое положение Дирака – любая квантово-механическая система описывается полным набором совместимых динамических переменных – наблюдаемых (например, импульс, координата, спин, странность и пр.). Обратим внимание, что нет экспериментального критерия, который бы мог подтвердить полноту существующего набора переменных.

Помимо этого, отметим положение о вероятностной интерпретации понятия «вектор состояния», которое состоит в том, что вероятность результата измерения квантово-механической переменной равна квадрату модуля вектора состояния (волновой функции) этой переменной. Волновая функция задает распределение вероятностей всех наблюдаемых величин, которые соответствуют определенному состоянию системы. Если волновая функция известна, то известно распределение вероятностей наблюдаемых величин. Таким образом, при повторении опыта большое число раз результаты получаются в доле от общего числа повторений, поэтому говорят, что имеется вероятность получения определенного результата.

На наш взгляд, этих положений достаточно для концептуальной характеристики теории Дирака.

Понятие вектора состояния

Основной объект квантовой механики в теории Дирака – понятие «состояние квантово-механической системы», которому сопоставляется математическое понятие «вектор состояния». Однако «математический формализм квантовой теории можно построить по-другому и взять в качестве исходного любой другой из перечисленных объектов (вектор состояния, оператор, группа инвариантностей, амплитуда вероятности и пр. – *Е. Б.*) и определить через него все остальные» [8, с. 277]. Отметим, что возможность свободного выбора базового объекта заложена в любой аксиоматике. В таком случае мы получим не альтернативные интерпретации, а альтернативные формализмы квантовой механики (например, алгебраический формализм, в основе которого лежит понятие оператора).

В связи с этим укажем различия между теориями (формализмами) Гейзенберга и Шредингера. Дирак предположил, что любую систему частиц мы можем характеризовать двумя

переменными (во времени или в пространстве) величинами – либо состоянием системы, либо динамическими переменными (операторами).

Уравнение Шредингера выводится из предположения, что «изменение динамических условий со временем можно приписать... изменению состояния, считая динамические переменные постоянными» [1, с. 153]. Основное понятие здесь – волновая функция. Уравнение Гейзенберга выводится из предположения, что изменяются динамические переменные, в то время как состояние считается постоянным. Основное понятие здесь – линейный оператор.

Таким образом, сравнивая рассмотренные формализмы, можно сказать, что именно в теории Дирака возникает независимость «неклассического объекта от выбора путей классического (условно-классического) описания. Эта независимость выражается в существовании определенного трансформационного закона, определенных преобразований, переводящих одно классическое представление неклассического объекта в другое» [2, с. 217].

Однако, поскольку вектор состояния (и принцип суперпозиции) – один из основных понятий квантовой механики, иные формализмы не исключат его, а значит, к ним по-прежнему можно применить все существующие интерпретации. Отметим, что интерпретации нельзя различить эмпирически, так как они не приводят к различающимся экспериментальным следствиям. Если бы такое различие существовало, различные интерпретации считались бы различными теориями.

Исходя из положений П. Дирака и соглашаясь с А. Садбери, мы будем утверждать, что «интерпретация квантовой механики – это по существу ответ на вопрос „Что такое вектор состояния?”» [Там же. С. 292]. В формулировке квантовой механики Шредингера ему соответствует понятие волновой функции, в формулировке Гейзенберга – некоторый линейный оператор.

Как указано выше, соответствие между понятием «вектор состояния» и понятием «состояние квантово-механической системы» не взаимно-однозначно (вектор состояния не изменится, если умножить его на комплексное число). В силу этого мы приходим к выводу, что *вектор состояния не определен в операционалистском смысле*.

Далее нам необходимо ответить на следующие вопросы:

1) Возникает ли множество интерпретаций в связи с тем, что вектор состояния не определен операционально?

2) Можно ли операционально определить вектор состояния (не мешает ли этому параметрический способ построения квантовой теории)?

Для того чтобы ответить на первый вопрос, сравним понятие вектора состояния с основным объектом теории электромагнетизма Максвелла – вектором напряженности электромагнитного поля.

Электромагнитное поле (возьмем для однозначности электростатику, в которой проявляется только электрическое поле) характеризуется в каждой точке пространства величиной и направлением действия силы, поэтому электрическое поле можно охарактеризовать вектором электрической напряженности. Электрическая напряженность – «это сила, которая действовала бы на малое тело, заряженное единичным положительным зарядом, если бы его поместили в эту точку, не исказив имеющегося распределения электричества» [4, с. 86].

Это определение имеет две решающие для нас особенности. Во-первых, Максвелл сразу интерпретирует свое понятие. Он пишет, что «электрическая напряженность – это сила», причем эта интерпретация создает отношения преемственности с классической механикой. Во-вторых, сразу за интерпретацией следует описание определенного набора действий (идеальных экспериментальных процедур), выполнив который, мы получим величину и направление вектора напряженности электрического поля.

Переходя к рассмотрению квантовой механики и понятию вектора состояния, мы можем заметить следующее.

1. Ни Шредингер, ни Дирак не интерпретировали свои ключевые понятия. Например, Шредингер пишет: «Довольно естественно связывать функцию ψ с некоторым колебательным процессом в атоме... Я не считаю возможным, до тех пор пока не будут успешно рассчитаны новым способом более сложные задачи, подробнее рассматривать истолкование введенного колебательного процесса» [13, с. 18].

2. Вектор состояния соответствует физической системе не взаимно-однозначно. То

есть в силу специфического математического характера этого понятия не существует экспериментальной процедуры, позволяющей различить длины одного и того же вектора состояния; если существует квантовая частица, или система, то ей можно поставить в соответствие множество одинаково направленных векторов состояния.

3. Вектор состояния можно рассматривать, по крайней мере, с трех точек зрения: шредингеровской, гейзенберговской или дираковской (объединяющей).

Таким образом, мы приходим к выводу, что существование множества интерпретаций квантовой механики связано с рядом следующих причин:

1) не задана авторская интерпретация основных понятий квантовой механики, согласующаяся с классической физикой;

2) сторонние интерпретации в большинстве случаев не имеют преемственных отношений с классической физикой;

3) невозможно определить понятие «вектор состояния» операционально, т. е. в виде совокупности экспериментальных процедур, которые дали бы правила для различения векторов состояния. Невозможность операционального определения заложена в аксиоматике квантовой механики.

Особенности квантовой механики

Ни одна из интерпретаций квантовой механики не может выражать реальной онтологии мира, так как они все являются только возможными интерпретациями. Вследствие их множественности требуется проверка на непротиворечивость. Для этого сначала более подробно исследуем «состав» квантовой теории.

Квантовая теория делится на два блока: теорию замкнутой квантовой системы (система описывается уравнением Шредингера, которое детерминистски характеризует ее поведение до процесса измерения) и теорию измерений (проекционный постулат описывает взаимодействие системы с измерительным прибором (акт измерения), причем он имеет принципиально вероятностную природу).

Таким образом, говоря об особенностях квантовой механики, мы говорим в основном об особенностях теории измерений. Перечислим основные особенности.

1. Индетерминированность (не существует одновременных определенных значений тех характеристик, которыми наделена частица в классической механике; не определен статус наблюдаемых, когда система не находится в собственном состоянии).

2. Несепарабельность (возможность получения информации об одной из квантово-механических подсистем, производя эксперименты над другой).

3. Проекционный постулат. Вводит дуалистичность (разделение мира на микроскопический объект и макроскопический прибор) и индетерминизм (положения результатов измерения имеют вероятностный характер). Не учитывает возможности проведения непрерывных наблюдений.

Кроме того, использование проекционного постулата приводит к понятию коллапса волновой функции. Для правильного понимания проблемы коллапса следует разделить измерение в квантовой механике на три этапа: приготовление исходного состояния, возмущение, определение вероятности конечного состояния. Теперь приведем несколько точек зрения на это явление.

А.И. Липкина пишет об эксперименте «экран со щелью» следующее: «Экран со щелью может выполнять различные функции. В области приготовления он будет выполнять роль „классического” фильтра, приготавливающего исходное состояние... он включен в технические операции и находится вне области применимости языка волновых функций... Только находясь внутри исследуемой системы, экран со щелью будет „квантово-механическим” фильтром, описываемым введенными фон Нейманом и Дираком проекционными операторами» [3, с. 83]. Такой же пример приводит Н. Бор в дискуссиях с А. Эйнштейном, поэтому сказанное мы можем причислить к копенгагенской интерпретации квантовой механики.

Приведем высказывание В.А. Фока по поводу того же опыта: «В произведенном опыте осуществился один из потенциально возможных результатов, предусмотренных первоначальной волновой функцией. Изменение постановки вопроса о вероятностях и состоит в учете осуществившегося результата, т. е. в учете новых данных. А новым данным соответствует и новая волновая функция» [12, с. 472]. Исхо-

дя из этого высказывания, можно развернуть интерпретацию квантовой механики, которая сейчас называется пропенситивной. Таким образом, можно подобрать такую интерпретацию, которая либо исключит, либо логично объяснит возникающий коллапс волновой функции.

Указанные положения будут использованы нами для дальнейшего выделения оснований и классификации интерпретаций квантовой механики.

Анализ и классификация интерпретаций квантовой механики

Перейдем к анализу интерпретаций квантовой механики. М.А. Марков, основываясь на анализе статистической, копенгагенской и многомировой интерпретаций квантовой механики, выделил следующие одинаковые для них положения [5, с. 70–100]:

1. Требование выполнения нормировки для конечных движений.

2. Существование случайности как абсолютного шанса.

3. Принятие положений Бора: для толкования измерений необходимо пользоваться классическими представлениями; все опытные данные должны описываться при помощи классических понятий.

4. Принятие существующих уравнений квантовой механики.

Из приведенных положений можно вывести минимальную интерпретацию квантовой механики (разновидность копенгагенской). Отметим, что эти положения не касаются понятий вектора состояния и проекционного постулата. Поэтому, соглашаясь с М.А. Марковым и А. Садбери, мы описываем интерпретации квантовой механики, основываясь на этих двух критериях: интерпретация вектора состояния и интерпретация проекционного постулата. По Дираку, вектор состояния является первичным понятием квантовой механики. Все, что можно сказать: понятие состояния физической системы алгебраизуется к математическому понятию вектора в бесконечномерном пространстве. Таким образом, «каждому состоянию динамической системы в определенный момент времени соответствует кет-вектор» [1, с. 29]. Проекционный постулат используется для момента измерения системы. Дирак по этому поводу утверждает, что «измерение всегда вызывает скачок системы в собственное состояние той динамической переменной, измерение которой производилось» [Там же. С. 54].

Приведем список интерпретаций [См.: 5, с. 70–100; 6; 8, с. 288–307; 9, с. 69–76] (табл. 1).

Мы можем классифицировать приведенные интерпретации на основе бинарных оппозиций (в частности, опираясь на статью А.А. Печенкина [6]), причем эти оппозиции можно трактовать как философские основания интерпретаций квантовой механики (табл. 2).

Данные табл. 2 подтверждают, что основными вопросами остаются толкование вектора состояния и толкование проекционного постулата и что философские основания интерпретаций являются противоречивыми. Среди наиболее очевидных противоречий можно выделить: субъективизм и объективизм, детерминизм и индетерминизм, дуализм и монизм.

В связи с этим появляется вопрос: можно ли минимизировать (путем согласования, объединения или устранения оснований) число различных интерпретаций, а если возможно, то до какой степени? Для ответа на него мы бы хотели привлечь холистический подход, заключающийся в том, что единственную онтологию (интерпретацию) квантовой механики нельзя построить, исходя только из самой квантовой механики. Описать мир целостно и непротиворечиво, как нам кажется, можно через объединенную теорию, которой будет соответствовать объединенная онтология, причем одной из ее частей и станет онтология квантовой механики. То есть следует потребовать согласования интерпретаций квантовой механики с теориями, которые являются обобщениями квантовой механики, например с квантовой теорией поля, теорией суперструн. Таким образом, мы как бы добавляем «внешние ограничения» на определение понятия «вектор состояния».

Вновь обратимся к теории электромагнетизма Максвелла. Если попытаться геометризовать (перевести на геометрический язык описания) эту теорию, т. е. согласовать ее с моделью общей теории относительности, то мы должны интерпретировать компоненты электромагнитного поля не как силы, а как искривление пространственно-временного 5-мерного многообразия. Если расширить эту теорию на квантовую область (в рамках теории великого объединения), мы получим понятие «кванто-

Таблица 1

Характеристики интерпретаций квантовой механики

Интерпретации	Вектор состояния (ВС), проективный постулат (ПП)
1. Копенгагенская (минимальная)	ВС – математический прием для вычисления результатов экспериментов. ПП не нужен, так как вводится различие между процедурой приготовления и измерения системы. Каждое измерение относится к данному приготовлению, а не к тому, что будет после измерения
2. Объективная (буквальная)	ВС – объективное свойство системы; он лежит в одном из подпространств пространства состояний, система переходит между подпространствами, вероятности которых определяются решением уравнения Шредингера. ПП утверждает об изменениях ВС после измерения. Таким образом, индетерминизм – свойство мира
3. Копенгагенская (стандартная)	ВС – список возможностей (суперпозиция состояний), из которых при взаимодействии микрообъекта с прибором реализуется одна (коллапс ВС – индетерминизм). Стандартная трактовка ПП
4. Субъективная	ВС отражает уровень знаний экспериментатора о системе. ВС изменяется после измерения, так как изменяется уровень знания экспериментатора о системе
5. Ансамблевая	ВС описывает не одну частицу, а ансамбль частиц. Квадрат ш описывает доли систем ансамбля, для которых получен определенный результат. Эти доли являются подсистемами ансамбля. ПП описывает переключение внимания с одного ансамбля на другой (сохранение детерминизма)
6. Многомировая	ВС любой системы определяется по отношению к состоянию всей Вселенной. Измерение ведет к распараллеливанию мира на множество миров, в каждом из которых после измерения получен иной результат (сохранение детерминизма)
7. Квантово-логическая	Утверждает, что все трудности квантовой механики могут быть решены путем использования трехзначных не булевых логик
8. Неореалистические (де Бройль – Бом)	Эволюция частицы полностью определяется «волной-пилотом» (скрытая переменная), совместно с уравнением Шредингера. ВС зависит от конфигурации всей Вселенной (постулат нелокальности). ПП не нужен, так как признается детерминизм. Является новой теорией, однако может считаться интерпретацией, если допустить, что она не будет делать предсказаний, отличных от предсказаний квантовой механики
9. Пропенситивная фейнмановская	ВС – характеристика потенциальных возможностей результата измерения. ПП описывает переход потенциальной возможности в действительность (сохранение причинности)
	ВС – амплитуда вероятности, причем полная (действительная) амплитуда вероятности для микрообъекта определяется как интеграл амплитуд по всем возможным траекториям движения

Таблица 2

Классификация интерпретаций на основе бинарных оппозиций

Признание реального мира (интерпретация вектора состояния)	Субъективная **1**, **3**, 4, 7	Объективная 2, 5, **6**, **8**, **9**
Отношение к проекционному постулату	Дуалистические **1**, 2, **3**, 4	Монистические 5, **6**, **8**, **9**
Отношение к детерминизму	Индетерминистские **1**, 2, **3**	Детерминистские 5, **6**, **8**, **9**
Количество описываемых объектов в системе	Ансамблевые 5	Неансамблевые 1, 2, 3 (остальные индифферентны)
Трактовка физической величины в несобственном состоянии	Индетерминированность **1**, 2, **3**, 4	Точное, но неизвестное 5, **6**, **8** (для 9 – значение «нечеткое»)

ванного поля», где существуют частицы, на которые действуют силы.

Таким образом, одно расширение («квантовое») теории классического электромагнетизма подтверждает интерпретацию векторов электромагнитного поля как сил. В обобщенной интерпретации, помимо этого, добавляются еще «силовые центры» (частицы). Другое расширение («геометрическое») приводит к совершенно другой интерпретации. Окончательная интерпретация электромагнетизма, как нам кажется, будет связана с еще более обобщенной теорией. В настоящее время существуют теории, которые пытаются объединить обе вышеприведенные интерпретации на основании понятия калибровочной симметрии (например, исключительно простая теория всего).

Однако обратимся к квантовой механике. Например, в квантовой теории поля формализмы (представления) Шредингера и Гейзенберга неравнозначны: для ее построения используется представление Гейзенберга. То есть описания, эквивалентные в нерелятивистской квантовой механике, оказываются неэквивалентными в релятивистской версии теории, которая применяется для описания не только частиц, но и полей. Точно так же можно поступить с интерпретациями. На наш взгляд, некоторые интерпретации должны быть чувствительны к подобному расширению области применимости теории. Например, индетерминистские интерпретации могут оказаться противоречивыми, если согласовать их с областью действия классической физики; напротив, фейнмановская интерпретация допускает такое расширение, о чем мы будем говорить дальше.

Возможность минимизации интерпретаций квантовой механики

Опишем попытку построения объединенной онтологии на основе вариационных принципов механики и конкретно на основе принципа наименьшего действия. Известно, что, используя различные формулировки этого принципа, можно построить классическую механику, общую теорию относительности, квантовую теорию, а также и квантовую теорию поля.

Таким образом, вариационные принципы можно назвать обобщенными принципами физики, и поэтому основанная на них интерпретация Фейнмана может претендовать на роль обобщенной онтологии, если согласовать ее с философскими основаниями классической и релятивистской механик.

Обобщенная интерпретация квантовой механики через принцип наименьшего действия соответствует сумме интерпретаций Фейнмана, Фока и позднего Гейзенберга. Она является монистической и синтезирует в себе как индетерминизм (вероятностное описание на микроуровне), так и детерминизм (причинное описание на макроуровне), поскольку «вариационные принципы заключают в себе синтез континуального и дискретного аспектов движения и являются выражением обобщенного принципа причинности в физике» [7, с. 879].

Подтвердим это словами В.А. Фока: «Принцип причинности в общем смысле следует понимать как утверждение о существовании законов природы, и в частности тех, которые связаны с общими свойствами пространства и времени (конечная скорость распространения действий, невозможность воздействовать на прошлое). При таком понимании квантовая механика не только не противоречит принципу причинности, но она дает ему новое выражение и расширяет его применение на вероятностные законы» [12, с. 467–468].

Основное понятие этой интерпретации – потенциальная возможность. В.А. Фок пишет: «Описываемое волновой функцией состояние объекта является объективным в том смысле, что оно представляет объективную (независящую от наблюдателя) характеристику потенциальных возможностей того или иного результата взаимодействия атомного объекта с прибором. В этом же смысле оно относится именно к данному, единичному, объекту. Но это объективное состояние не является еще действительным, в том смысле, что для объекта в данном состоянии указанные потенциальные возможности еще не осуществились. Переход от потенциально возможного к осуществившемуся, к действительному, происходит в заключительной стадии опыта» [Там же. С. 468].

Таким образом, вектор состояния интерпретируется как амплитуда вероятности, причем полная амплитуда вероятности для микрообъекта определяется как сумма вкладов от всех *возможных* траекторий движения. Сложение потенциальных возможностей выявляет траекторию с наибольшей вероятностью. Так проис-

ходит переход от (потенциально) *возможного* к (осуществившемуся) *действительному*. Поэтому, перефразируя Лейбница, можно сказать, что «мы живем в наиболее вероятном из миров».

Интерпретацию, связанную с положениями Фейнмана и Фока, также разрабатывает, например, В.Э. Терехович [11, с. 112], называя ее «интерференцией возможностей». Автор пишет, что каждому возможному состоянию квантового объекта соответствует волновая функция, причем «волновые функции всех возможных состояний объекта... интерферируют в соответствии с правилом сложения фаз. Результирующее состояние характеризуется максимальной устойчивостью в данных условиях и описывается максимальной вероятностью» [Там же. С. 114]. Результирующее состояние называется действительным, все остальные – возможными.

Эту интерпретацию, основанную на вариационных принципах, можно расширить на область действия не только классической механики, но и теории относительности. Это можно сделать, используя теорию струн как обобщенную теорию, которая также основывается на вариационных принципах механики.

В.Э. Терехович пишет: «Если теория струн верна (доказательств этого пока нет), можно предположить, что принцип максимального старения тоже является приближением метода интегралов по траекториям. При увеличении масштаба пульсирующая ткань многомерного запутанного пространства-времени схлопывается и сглаживается до 4-мерного. Поскольку только в нем макрообъекты устойчивы, все возможные траектории в 10-мерном пространстве в результате интерференции сводятся к траекториям в 3-мерном. В таком случае не только классическая механика, но и общая теория относительности может стать частным случаем квантовой механики» [10, с. 86].

Таким образом, можно получить согласованную интерпретацию не только для квантовой механики, но и для классической механики, а через нее и для теории относительности.

Возникает следующий вопрос, ответить на который сможет только дальнейшее развитие физики: если нахождение иного обобщенного принципа (кандидаты – принципы симметрии) будет связано с иной интерпретацией, то можно ли будет объединить вышеописанную вероятностную интерпретацию и новую? Противоречие интерпретаций по-прежнему означает только одно – противоречие основополагающих принципов теории, или наше непонимание теории.

Вероятнее всего, что по мере построения объединенной теории и вхождения в нее новых явлений и концепций онтология будет уточняться, подстраиваясь под них. Ввиду этого интерпретации квантовой механики также будут уточняться и дополнять друг друга.

Работа выполнена при поддержке
фонда РГНФ, проект № 13-03-00065.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дирак П.** Принципы квантовой механики. М.: Наука, 1979. 480 с.

2. **Кузнецов Б.Г.** Основы теории относительности и квантовой механики. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 326 с.

3. **Липкин А.И.** Две методологические революции в физике – ключ к пониманию оснований квантовой механики // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 74–90.

4. **Максвелл Дж.К.** Трактат об электричестве и магнетизме. Т. 1. М.: Наука, 1989.

5. **Марков М.А.** О трех интерпретациях квантовой механики. М.: Наука, 1991. 112 с.

6. **Печенкин А.А.** Три классификации интерпретаций квантовой механики // Философия науки. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. М.: Изд-во ИФ РАН, 1999. URL: http://iph.ras.ru/page52404322.htm (дата обращения: 19.04.2014).

7. **Полак Л.С.** Вариационные принципы механики. М.: Физматгиз, 1959.

8. **Садбери А.** Квантовая механика и физика элементарных частиц. М.: Мир, 1989. 487 с.

9. **Севальников А.Ю.** Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. М.: Либроком, 2009. 192 с.

10. **Терехович В.Э.** Вероятностный и геометрический языки физики в контексте принципа наименьшего действия // Философия науки. 2013. № 1 (56). С. 80–93.

11. **Он же.** Интерференция возможностей, или Как «интегралы по траекториям» объясняют вероятностную причинность // Там же. 2012. № 2 (53). С. 108–121.

12. **Фок В.А.** Об интерпретации квантовой механики // Успехи физических наук. 1957. № 4 (62). С. 461–474.

13. **Шредингер Э.** Избранные труды по квантовой механике. М.: Наука, 1976. 424 с.

E.A. Bezlepkin

PHILOSOPHYCAL GROUNDS OF THE QUANTUM MECHANICS INTERPRETATIONS

BEZLEPKIN Eugene A. – *Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.*

Ul. Nikolaeva, 8, Novosibirk, 630090, Russia

e-mail: evgeny-bezlepkin@mail.ru

Article shows that the reason of interpretations diversity of quantum mechanics is that interpretations are not associated with the classical physics. The second reason is the impossibility of an operational definition of the state vector. The problem is the incompatibility of the philosophical foundations of interpretation that is a challenge to build a unified picture of the world. To solve the problem the interpretations general philosophical grounds of quantum mechanics are identified and their classification is built. Also it is shown that in more general theories, which are part of quantum mechanics, we can combine (align) the philosophical foundations of interpretations.

INTERPRETATION; FORMALISM; QUANTUM MECHANICS; ONTOLOGY.

REFERENCES

1. Dirak P. *Printsipy kvantovoy mekhaniki* [Principles of Quantum Mechanics]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 480 p. (In Russ.)

2. Kuznetsov B.G. *Osnovy teorii otnositelnosti i kvantovoy mekhaniki* [Foundations of the theory of relativity and quantum mechanics]. Moscow, AN SSSR Publ., 1957. 326 p. (In Russ.)

3. Lipkin A.I. [Two methodological revolution in physics is key to understanding the foundations of quantum mechanics]. *Questions of philosophy*, 2010, no. 4, pp. 74–90. (In Russ.)

4. Maksvell Dzh.K. *Traktat ob elektrichestve i magnetizme* [A Treatise on Electricity and Magnetism]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1989. (In Russ.)

5. Markov M.A. *O trekh interpretatsiyakh kvantovoy mekhaniki* [About three interpretations of quantum mechanics]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 112 p. (In Russ.)

6. Pechenkin A.A. [Three classifications of interpretations of quantum mechanics]. *Philosophy of Science*, pt 5. Available at: http://iph.ras.ru/page52404322.htm (accessed 19.04.2014).

7. Polak L.S. *Variatsionnyye printsipy mekhaniki* [Variational principles of mechanics]. Moscow, Fizmatgiz Publ., 1959. (In Russ.)

8. Sadberi A. *Kvantovaya mekhanika i fizika elementarnykh chastits* [Quantum mechanics and particle physics]. Moscow, Mir Publ., 1989. 487 p. (In Russ.)

9. Sevalnikov A.Yu. *Interpretatsii kvantovoy mekhaniki. V poiskakh novoy ontologii* [Interpretation of quantum mechanics. In search of a new ontology]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 192 p. (In Russ.)

10. Terekhovich V.E. [Probabilistic and Geometric Language of Physics in the context of the Principle of Least Action]. *Philosophy of Science*, 2013, no. 1, pp. 80–93. (In Russ.)

11. Terekhovich V.E. [The interference of possibilities or how "path integrals" explains probabilistic causality]. *Philosophy of Science*, 2012, no. 2, pp. 108–121. (In Russ.)

12. Fok V.A. [About the interpretation of quantum mechanics]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*, 1957, no. 4 (62), pp. 461–474 (In Russ.)

13. Shredinger E. Selected papers on quantum mechanics. Moscow, Nauka Publ., 1976. 424 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 124.5

А.А. Коковкина, А.А. Цыцарев

ЭТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ: ОПТИМИЗМ ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ ПРАКТИКИ

КОКОВКИНА Анастасия Александровна – *заведующий кафедрой философии и социологии Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема; кандидат философских наук.*

Россия, 679015, ЕАО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а

e-mail: polina.asya@mail.ru

ЦЫЦАРЕВ Андрей Александрович – *старший преподаватель Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема; кандидат философских наук.*

Россия, 679015, ЕАО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а

e-mail: tcytcarev@yandex.ru

В статье предпринимается попытка анализа аксиологических детерминант глобального экологического кризиса. Авторами представлен краткий обзор основных концепций, которые могут выступать теоретическим и методологическим основанием для формирования этического отношения к биосфере. В то же время отмечена проблема разрыва между теоретическими построениями и реальной практикой хозяйственной деятельности, которая принципиально не фундирована этически.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ; ЭТИКА; ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС; СИСТЕМА; ПРИРОДА; ЧЕЛОВЕК.

Одна из наиболее проблемных тем современной этики актуализирована ситуацией системного кризиса биосферы, имеющего антропогенные техногенные причины. В связи с экологическим кризисом возникает задача выработки адекватных механизмов, регулирующих – ограничивающих – человеческое воздействие на природу, механизмов, которые должны иметь прочное (и разумное) этическое основание, чтобы быть действенными. Глубинная причина экологического кризиса – в определенном типе отношения к природе, сформировавшемся в европейской культуре. В связи с процессами глобализации он распространяется и утверждается во всем мире. Никаких технических мероприятий по преодолению кризиса не будет достаточно, если исходные условия – мировоззренческие – не будут изменены.

Уже с возникновением греческой философии как немифологического стиля мышления и в дальнейшем, с развитием христианства, человек осмысливает себя вне природы, он поднимается над ней в качестве не только твари, существующей наряду с прочими, но образа и подобия творца, как *хозяин* природы. Христианский взгляд, правда, еще не предполагает отождествление хозяина и господина. Хозяин – не столько тот, кто властвует, сколько тот, кто заботится и оберегает. Природа – творение Божье, поэтому у человека есть обязательства по отношению к ней, она требует от него заботливого и ответственного присмотра. Об этом пишут и представители современных христианских деноминаций. В частности, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» сказано так: «Человек является носителем образа небесного Домовладыки и как таковой должен, по мысли святителя Григория Нисского, показать свое царское достоинство не в господстве и насилии над окружающим миром, но в „возделывании" и „хранении" (Быт. 2, 15) величественного царства природы, за которое он ответственен перед Богом. <...> ...Жизнь в многоразличных ее проявлениях носит священный характер, являясь Божиим даром, попрание которого есть вызов, брошен-

ный не только божественному творению, но и Самому Господу» [1]. Папа Иоанн Павел II «в своей энциклике 1990 года „Gaudium and Spes" („Радость и Надежда")... утверждает, что моральным долгом для христиан было содержать землю в порядке...» [2, с. 11]. В другом месте он пишет о том, что происходит в результате забвения этого требования: «Созданные по Божьему подобию, Адам и Ева должны были проявить свою власть над Землей с мудростью и любовью. Вместо этого они уничтожили существующую гармонию своими сознательными действиями против плана Божьего, т. е. совершив грех. Результатом этого было не только последовавшее братоубийство, но и „восстание земли" против человека» [3], то, что мы сейчас называем «экологическим кризисом». «Протестантские церкви озвучивали схожую позицию на Всемирном Совете Церквей» [2, с. 11].

Возрожденческий антропоцентризм усиливает отрыв человека от природы, которая начинает пониматься как объект приложения сил. Человек призван преобразовать природу – *претворить* сотворенный мир теперь уже *по своему* образу и подобию. Это преобразование во время Ренессанса полагается как эстетический проект – необходимо завершить начатое Богом дело, сделав природу прекрасной, насколько прекрасен сам человек – высшее из творений. Природа же, как мыслится, радостно и благодарно, не сопротивляясь, воспринимает творческие усилия человека.

В Новое время преобразовательный пафос Ренессанса трансформируется: во-первых, он приобретает практическую направленность, а во-вторых, сопровождается идеей противостояния. Хозяин превращается в господина, но в господина, имеющего дело с весьма непокорным и опасным рабом. Природа сопротивляется человеческому вмешательству и должна быть покорена, преобразована уже *насильно*. Новоевропейское отношение к природе – в первую очередь прагматическое, когда она оценивается, исходя из ее утилитарной значимости – пользы – *для человека*, либо же эстетическое – природа прекрасна, созерцание ее *доставляет удовольствие* и постольку она ценна. И в том, и в другом случае природа лишается *собственного достоинства*, рассматривается лишь в качестве сферы, обслуживающей человеческие потребности, и ее объекты имеют право на существование только в той степени, в какой являются полезными или доставляют удовольствие. «Антропоцентризм, который может быть более или менее просвещенным, предполагает заботу об окружающей среде, имея в виду лишь прямые или косвенные интересы человечества. Под этим подразумеваются не только практические потребности, связанные с выживанием и благосостоянием, но и удовольствие, и эстетическое удовлетворение...» [Там же. С. 12]. Дж. Даррел, известный защитник природы, создатель Джерсийского зоопарка, где собраны исчезающие виды животных, в свое время заметил: «Когда я показываю посетителям моих питомцев, один из первых вопросов (если животное не обладает располагающей внешностью (*т. е. не обладает эстетической ценностью. – А. К., А. Ц.*)), который они задают, неизменно гласит: „А какая от него польза?"...» [4, с. 580]. Традиция новоевропейской научной рациональности объявляет природу вторичной относительно человека, бессмысленной и неразумной, получающей разумный смысл и цель от человека. И, в качестве оправдания безграничного и безответственного вмешательства в природный мир, служение человеческому благополучию объявляется *собственной* целью природы. В языке это выражается конструкциями, вроде «лес *дает* нам грибы, ягоды...», «корова *дает* молоко, мясо...» и т. п. Такой – лукавый – язык рисует искаженный портрет природы, которая сама исчерпывает, растрачивает и уничтожает себя ради своей высшей цели – отдаться своему «царю» – человеку. Последний же просто принимает ее дары, не приобретая при этом никаких моральных или материальных обязательств, с необходимостью возникающих там, где кто-то берет нечто по собственному желанию и вопреки желанию оппонента.

Европейская культура Новейшего времени – культура постмодерна, утратив трансцендентные основания, переходит к эстетическому модусу существования. В экзистенциальном плане это выражается в эгоистической и гедонистической ориентации личности – агента этой культуры. Актуальной становится барочная максима: живи одним днем, «после меня хоть потоп». Понятие ответственности утрачивает свое традиционное значение, заменяясь принципом наслаждения. Наслаждение предстает в своем исходном – и простейшем – виде,

как удовольствие от потребления максимального количества благ. В социально-экономическом плане это сопровождается тотальной консьюмеризацией и становлением общества потребления, благополучие которого выражается количественно – в абсолютных цифрах роста продаж и покупок, где равным статусом обладают товары совершенно разного смысла. Если в связи с экологически неблагополучной ситуацией увеличиваются продажи кислородных аппаратов, противогазов, бутилированной воды и пр., в экономической логике общества потребления это означает рост потребления, а значит – повышение благополучия. «Автомобильное нагромождение имеет тяжелейшие последствия в технической, психологической, гуманитарной областях; но какое это имеет значение, если необходимое инфраструктурное оборудование, дополнительные издержки на бензин, издержки на уход за пострадавшими и т. д. – все это будет, вопреки всему, подсчитано как потребление, т. е. станет под прикрытием валового национального продукта и различных статистик показателем роста и богатства! Свидетельствует ли о реальном приросте «изобилия» процветающее производство минеральных вод, раз оно только в большой мере сглаживает несовершенство городской воды?» [5]. Общество потребления способно уничтожить окружающий природный мир и не заметить этого, если будет иметь возможность заменить его искусственными артефактами, обладающими реальной стоимостью и могущими быть потребленными. Искусственные пальмы на пляжах, искусственные цветы и деревья, эстетически оформляющие городскую среду и устойчивые к загрязнению почвы, воды и воздуха, собаки и кошки-роботы – все это симулякры, имитирующие собой естественные природные объекты и заменяющие их по мере уничтожения оригиналов.

Такова логика отношения человека и природы, которая приводит к критической ситуации, чреватой разрушением как природного, так и человеческого (поскольку он часть природы) мира. Иной способ взаимоотношений требует иных мировоззренческих – этических оснований – создания внятной экологически ориентированной этической теории. Актуальность ее продиктована изменениями в понимании степени влияния человека на мир и на самого себя. В основании классической этики лежит принцип неизменности вещей, внешнего мира и человека; человек вмешивается в дела природы только поверхностно и вреда ей принести не может. Но системный экологический кризис, разразившийся сегодня, свидетельствует о том, что такое вмешательство совсем не поверхностно. Глобальный характер современных человеческих предприятий оказывает влияние на биосферу уже на принципиально новом уровне. Этот характер обеспечивается повсеместным внедрением техники во все сферы человеческой деятельности. Формирование технократической цивилизации – это результат определенного представления природы. М. Хайдеггер в своей знаменитой работе «Вопрос о технике» [6] определяет его как Gestell (постав). По смыслу самого слова (конструкция, схема, скелет), природа понимается как нечто состоящее-в-наличии, как ресурс («резервуар чистой энергии»), она редуцируется до скелета, остова, схемы – того, что понятно и предсказуемо. Отношения с такой природой носят чисто операциональный характер и никак не обоснованы этически. Они и не могут быть этически обоснованными, поскольку этика имеет дело с отношениями равноправных субъектов, природа же понимается как чистый объект. Здесь корни технократической цивилизации, которая интенсивно развивается за счет игры со средствами и целями. В цепочке «средство – цель» о средствах, как правило, стараются умалчивать. Хайдеггер детально разрабатывает проблему отношения человека к техническому способу освоения действительности. Использование техники в раскрытии действительности, в выводе ее из «потаенности», если говорить языком Хайдеггера, содержит определенный риск. Технический способ раскрытия потаенного – это лишь *один из возможных способов* такого раскрытия. Опасность заключается в том, что, находясь во власти только этого способа, человек уже не сможет вернуться к исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины [Там же]. Человеку начинает казаться, что техническое и технологическое освоение действительности – единственно возможное. В этом Хайдеггер видит риск отказа от своей свободной сущности [Там же]. Это во многом может объяснить сегодняшнее отношение к целям и средствам. Неважно, какими средст-

вами, главное – достигнуть цели. Крайний случай, когда цели и средства меняют местами. Техника из средства обеспечения человеческой деятельности становится целью самой по себе, человек же, напротив, из цели превращается в средство. Природа, породившая человека, воспринимается исключительно как ресурс, сам же человек, создавший технику, превращается в ее придаток, становясь инструментом технического прогресса, обслуживая процесс технологической инноватики, обретший собственную логику.

В XX веке, когда ситуация уже явно определилась, этическая мысль начинает на нее реагировать. Создается сразу несколько вариантов экологической этики, в которых природа определяется как равноправный субъект взаимодействия и с разных сторон обосновывается необходимость ответственного отношения человека не только к себе подобным, но и к природе в целом. Самые значительные из них – это «этика ответственности» Г. Йонаса, этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера, «этика Земли» А. Леопольда, концепция «глубинной экологии» А. Несса.

Концепции названных авторов при всех их различиях (рассматривать которые мы здесь не будем, это требует отдельного разговора) объединены общей проблематикой и обосновывают необходимость формирования экологически фундированных аксиологических требований к современной человеческой деятельности. «Принцип ответственности» Г. Йонаса и этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера носят более теоретический – философский – характер и могут выступить теоретико-методологическим обоснованием таких требований. Концепции же А. Леопольда и А. Несса исходят из практической деятельности и основываются на конкретных эмпирических данных, приходя при этом к тем же выводам. Рассмотрим кратко их основные положения.

Ганс Йонас в работе «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации» выявляет не только онтологические и аксиологические основания ответственного отношения к природе, но и дает четкие указания на то, как определять угрозы для человека, связанные с его собственной деятельностью. В новой этике, предлагаемой немецким философом, происходит расширение объекта ответственности как в пространстве, так и во времени. Увеличившееся дальнодействие человеческих действий заставляет пересмотреть и масштаб ответственности за эти действия. Совершая поступок, мы должны учитывать не только (и не столько) ближайшие и очевидные, но и отдаленные его последствия. Объектом ответственности становится вся биосфера и будущие поколения людей, наряду с уже существующими. Это осложняется тем, что наши предсказательные способности значительно отстают от наших технологических возможностей. Отсюда одной из важнейших составляющих этики ответственности Йонаса является «эвристика страха». Йонас предлагает перевести фокус этики с того, что *должно быть*, на то, чего *необходимо избежать*. О том, как должно быть, можно спорить, но необходимо четко и однозначно решить, чего быть *не* должно ни при каких обстоятельствах. Когда человечество рискует своим существованием, страх оказывается необходимым элементом ответственности. Существует ряд факторов, способных повлиять на фундаментальные характеристики человека, в том числе и изменения в его естественной среде. Поэтому, чтобы сохранить *человека*, нужно исходить не из того, что мы понимаем под его сущностью, а из того, что этой (какой бы то ни было) сущности угрожает. «Мы знаем, *что* стоит на кону, – пишет Г. Йонас, – лишь тогда, когда знаем, что оно *стоит* на кону» [7, с. 53]. Иными словами, если мы знаем, что экологическая катастрофа, грозящая человечеству, нанесет ущерб *человеку*, «деформирует» его сущность или уничтожит вовсе, мы должны предпринимать все необходимое, чтобы этого не допустить. Модифицировав кантовский категорический императив, Йонас предлагает новый принцип. Этот новый императив по сути своей онтологический. «Этический принцип, – говорит Йонас, – базируется на первичном долге бытия – против ничто» [Там же. С. 97]. «Самоубийство человечества обсуждению не подлежит» [Там же. С. 55]. Онтологическая широта данного принципа предписывает сохранение уже существующего – человека, природы или любого живого существа.

Расширяется и субъект ответственности. Им становится человечество в целом. Г. Йонас говорит не о поведении отдельно взятого человека перед лицом другого здесь и сейчас,

но о человечестве как о субъекте морального поступка в глобальном масштабе. Согласно этой концепции, любое масштабное действие человека должно быть оценено с точки зрения его опасности для сохранения человеческого и природного статус-кво. То есть, как минимум, не нести опасности для уже существующего положения вещей. Зная, чего следует избегать, мы должны регулировать нашу деятельность, чтобы не рисковать утратой человеческого и природного мира, поскольку на кону стоит не более и не менее как возможность существования жизни вообще.

Альберт Швейцер решает проблему этического статуса жизни в рамках общей этической теории. Обосновывая необходимость ответственного отношения к природе, человеку и всему живому, он указывает на то, что главной причиной глубокого кризиса современной культуры является отсутствие убедительной индивидуальной этики. Спасение человека и спасение мира лежит на плечах каждого отдельно взятого индивида. Осознание личной ответственности – основа ценностного ядра культуры, а в современной ситуации оно является принципиальным для выживания человека и сохранения биологического многообразия.

Анализируя этические основания современной культуры, А. Швейцер приходит к выводу, что этика несовершенна и не имеет силы, поскольку она ограничена, «занимается нашим отношением к людям вместо того, чтобы иметь предметом наши отношения ко всему сущему» [Цит. по: 8, с. 117–118]. На самом деле, эта ограниченность является ущербной, сфера этического отношения гораздо шире – «этична только абсолютная и всеобщая целесообразность сохранения и развития жизни» [9, с. 322]. Швейцер дополняет свою этику принципом, описывающим отношения «человек – природа». Этот принцип расширяет сферу этической ответственности человечества до всей природы в целом. Любые человеческие действия являются объектом этической оценки. Бессмысленное уничтожение жизни – это зло. Этичное поведение характеризуется содействием жизни. Благоговение перед жизнью совпадает с ответственностью за жизнь.

Человек обретает гармонию с внешним миром, и в первую очередь с природой, через саморазвитие и самосовершенствование. Основанием для гармонизации отношений между искусственной человеческой средой (культурой) и природой является принцип: «я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить» [Там же. С. 306]. Воля к жизни проявляется в человеке так же, как во всех живых организмах. Жизнь – это нечто единое, а отдельные живые организмы – ее эманации, частные проявления. Проблема морального выбора возникает из-за «раздвоенности жизни». Но если я действую на благо другой жизни, «то моя бесконечная воля к жизни переживает единение с бесконечным, в котором всякая жизнь едина» [Там же. С. 310]. Это и есть решение проблемы этического отношения не только к человеку, но и ко всему живому. Швейцер не признает «полуэтики»: «В конфликте между сохранением моей жизни и уничтожением других жизней или нанесением им вреда я никогда не могу соединить этическое и необходимое в относительно этическом» [Там же]. Иными словами, действующий субъект должен противостоять любой необходимости, свободно выбирая защиту и сохранение жизни.

Один из основателей экологической этики – Альдо Леопольд свою этическую концепцию называет «этикой Земли». Расширяя границы традиционной ответственности, Леопольд включает в эту сферу воду, почву и всех представителей биологического мира. Соответственно меняется и роль человека в структуре этических отношений: «...Этика Земли изменяет роль Homo sapiens от покорителя земного сообщества до простого члена и гражданина его. Она подразумевает уважение к его остальным членам сообщества и уважение к сообществу в целом» [10]. А. Леопольд понимает, что никакая этика не в состоянии предотвратить переделку и использование биосферных «ресурсов», но этика Земли «утверждает их права на продолжение существования и, по крайней мере, продолжение их существования в исходном состоянии» [Там же]. Определяя человека как рядового члена планетарного сообщества, Леопольд утверждает необходимость расширения «социальной совести от человека до Земли», на чем, по его мнению, и будет строиться механизм ответственного землепользования. Сегодня существуют разнообразные экологические программы, определяющие требования к хозяйственной деятельности человека.

Однако исходная интенция этих требований и программ такова, что в сферу ответственности попадают только те объекты, которые представляют экономическую ценность или имеют иной – но все же очевидно практический – смысл *для человека*. А. Леопольд справедливо замечает, что «большинство членов земного сообщества не имеют экономической ценности», однако при этом они являются частью биологической системы планеты и ущерб, который им наносится, это ущерб для всей биосферы.

Характеризуя систему биологического разнообразия как «биотическую пирамиду», Леопольд отмечает ее поразительную сложность и стабильность, что говорит о высокой организованности этой структуры. Биосфера, очевидно, является сложной системой. В науках о сложности установлено, что важнейшее свойство таких систем – это разнообразие ее составляющих, и «поддержание разнообразия элементов является основой динамической устойчивости системы в целом» [11, с. 76]. Таким образом, право всех живых существ на существование в естественной среде основано на их необходимости для нормального функционирования биотической системы в целом. Все отдельные звенья или узлы этой сложной структуры необходимы для поддержания биосферного разнообразия, и, как следствие, их сохранение является условием продолжения жизни на Земле.

Вариант экологической этики и ответственности перед жизнью как уникальным явлением предложен норвежским философом Арне Нессом. Его концепция «глубинной экологии» созвучна «этике Земли» А. Леопольда. «Глубинная экология», по выражению А. Несса, «это форма моральной серьезности, основывающаяся на анализе и науке». И в то же самое время это «обязывающая позиция» [12]. Принимая эту «позицию», человек изменяет не только свое отношение к природе, но и свое поведение и формы своей деятельности. Содержание концепции «глубинной экологии» можно свести к следующим основным положениям:

• биосфера – это единое поле или сеть взаимодействий;

• отдельные живые организмы представляют собой «узлы единой биосферной сети или поля сложных внутренних связей» [13, с. 95]. Особенности их базовой конституции определяются именно вхождением в эту сеть и наличием связей с другими узлами;

• существование членов глобального биотического сообщества определено тем фактом, что они являются именно *частью* этого сообщества;

• разнообразие и симбиотические взаимодействия являются необходимым условием существования биосферы, «разнообразие увеличивает потенциал выживания, шансы на новые модусы жизни, богатство форм. ...„Борьбу за существование" и „выживание сильнейших" следует интерпретировать в смысле способности к сосуществованию и кооперации в сложных взаимосвязях, вместо того чтобы понимать это как способность к убийству, эксплуатации и подавлению» [Там же. С. 96];

• человек является одной из множества составляющих частей в поле биосферных взаимодействий и должен осознать свою фундаментальную зависимость от природы: «попытка игнорировать нашу зависимость (от нечеловеческих форм жизни) и утверждать позицию господин – раб влечет за собой отчуждение человека от самого себя» [Там же].

Как и А. Леопольд, А. Несс отмечает высокую сложность биосферных систем, в понимании которой современный человек оказывается крайне невежественным, но, несмотря на это, активно действует и оказывает повсеместное влияние на сложные системные связи. Современные глобальные действия человека основаны на недостаточном знании о связях и структуре биосферы. Одним из принципов «глубинной экологии» является аксиологическое требование к человеческой деятельности, носящее аксиоматический характер. «Глубинная экология» – это экософия – своего рода экологическая мудрость. И ее положения носят не столько научный – фиксирующий и описывающий, сколько предписывающий характер. Осознание жизни как планетарного феномена, понимание всей сложности биосферных взаимосвязей должно задать новые рамки для человеческой деятельности, т. е. стать ограничением, но ограничением необходимым, являющимся условием существования человека на достойном уровне и позволяющим сохранить биологическое разнообразие.

В рассмотренных концепциях необходимость этического отношения к природе обо-

сновывается как в рамках теоретической философии, так и с использованием конкретных эмпирических данных. Их общая интенция заключается в том, что сфера этического должна быть расширена до глобальных масштабов и включить в себя биосферу в целом. Системность и взаимозависимость элементов биосферы, на которую указывают авторы, с необходимостью приводит к тому, что человек рассматривается не как высшее существо, автономное от природы, а как часть природного сообщества, равноправная со всеми остальными. Понятие морального поступка теперь приобретает смысл не только для межчеловеческих взаимоотношений, но и в действиях по отношению к другим членам планетарного сообщества, вплоть до Земли в целом. Здесь не только убедительно доказывается необходимость включения природы в сферу человеческой ответственности, но и на конкретных примерах продемонстрировано, насколько эта необходимость безотлагательна.

На уровне теоретических размышлений все выглядит убедительно, правильно и хорошо. Но задача состоит в том, чтобы от абстрактного философствования перейти к практическим действиям. Этическое требование ответственности должно стать непосредственным основанием деятельности. Тут-то и возникает проблема, которая кажется почти безнадежной, – разрыв между теорией и практикой. При такой постановке вопроса современная ситуация представляется парадоксальной. С одной стороны, необходимость присутствия этических принципов в организационной структуре глобального хозяйствования осознается многими его субъектами, с другой стороны, шаги, которые делаются в этом направлении, слишком незначительны. Вопросы экологии все больше становятся предметом дискуссий и даже поднимаются на высшем политическом уровне, но в то же самое время техногенная и антропогенная нагрузка на биосферу продолжает увеличиваться. Интенсивность человеческой деятельности, которая все еще основывается на тех же принципах, которые и привели к экологическому кризису, не снижается. Постановка вопроса об этическом отношении к природе не имеет ничего общего с реальным пользованием природой. Наверняка, в своей частной жизни большинство политиков и бизнесменов согласятся с тем, что опасность экологической катастрофы – это, действительно, важная и серьезная проблема, которую необходимо решать безотлагательно. И, конечно, никто из них не хочет, чтобы их дети жили в мире, непригодном для нормальной жизни, – без питьевой воды, без ресурсов, без пригодного для дыхания воздуха и пр. Тогда почему, приступая к работе, они ведут себя так, как будто этих проблем не существует? На наш взгляд, это обусловлено тем, что этика, фундированная экологическими категориями, не находит места в структуре экономической, политической деятельности, которая является основанием современной хозяйственной практики. Система, ориентированная на экономическую целесообразность, – максимальный результат при минимальных затратах – принципиально слепа к тому, что не может быть описано в терминах практической пользы и рациональности. Поэтому природа может являться (и является) объектом управления, хозяйствования, но не может стать субъектом моральных отношений, поскольку экономикоцентрированная культура инициирует становление общества потребления, исключая при этом этическое измерение из хозяйственной деятельности.

Изменение отношения к природе предполагает смену культурного фокуса, а это, в свою очередь, подразумевает кардинальное изменение всех существующих принципов человеческой деятельности и выстроенных согласно этим принципам систем и сфер человеческой деятельности. Невозможно изменить ситуацию, не изменяя существующих принципов нашего глобального хозяйствования. Механизмы этого изменения должны быть основаны на мышлении в категориях глобальной ответственности, но нужно понимать, что одних теоретических размышлений здесь недостаточно, необходимо принятие политических решений на международном уровне. «Борьба за экологию» в рамках одного государства не может быть эффективной по нескольким причинам: с одной стороны, сама проблема носит не локальный, а глобальный характер, с другой, пренебрежение экономическими интересами ради экологических обязательств делает государство неконкурентоспособным в сравнении с другими, которые этими вещами не озабочены. «В разделенном мире политика слишком завязана на национальных интересах, геополити-

ческих схемах, военной безопасности и слишком мало занимается преодолением массовой бедности, глобального неравенства и другими глобальными проблемами. Национальный и групповой эгоизм мешает сосредоточиться на главном вызове цивилизации – экологическом» [14, с. 120–121]. Это еще одна проблема, которая требует своего решения. Не зря многие авторы, пишущие на темы экологической этики, в конечном итоге приходят к выводам о необходимости политической воли в решении экологических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Основы** социальной концепции Русской Православной Церкви // Гуманитарный экологический журнал. 2001. Вып. 2, т. 3. Режим доступа: http://www.ecoethics.ru/old/m07/ (дата обращения: 19.01.2013).

2. **Bourdeau Ph.** The man_nature relationship and environmental ethics // J. Environ. Radioactivity. 2004. No. 72. P. 9–15.

3. **Папа Иоанн Павел II.** Экологический кризис: общая ответственность // Гуманитарный экологический журнал. 2001. Вып. 2, т. 3. Режим доступа: http://www.ecoethics.ru/old/m07/ (дата обращения: 19.01.2013).

4. **Даррелл Дж.** Перегруженный ковчег. Гончие Бафута. Три билета до Эдвенчер. Путь кенгуренка. М.: Мысль, 1986. 590 с.

5. **Бодрийар Ж.** Общество потребления. М.: Республика : Культурная революция, 2006. Сер. Мыслители XX века. Режим доступа: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/102633/20/Bodriiiyar_-_Obshchestvo_potrebleniya.html (дата обращения: 21.01.2013).

6. **Хайдеггер М.** Вопрос о технике // Время и бытие. М., 1993. С. 221–238.

7. **Йонас Г.** Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.

8. **Геттинг Г.** Встречи с Альбертом Швейцером. М., 1967.

9. **Швейцер А.** Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.

10. **Leopold A.** The Land Ethic. Режим доступа: http://home.btconnect.com/tipiglen/landethic.html (дата обращения: 27.11.2013).

11. **Князева Е.Н.** Система и среда: сопряжение сложности, эмерджентности и управленческой активности // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 74–83.

12. **Несс А., Мейляндер П.** Менталитет будущего. Режим доступа: http://www.greenworld.org.ru/?q=deep_ness22110 (дата обращения: 20.11.2013).

13. **Ness A.** The shallow and the deep, long-range ecology movement. A summary // Inquiry. No. 16. Pp. 95–100.

14. **Вебер А.Б.** Человечество перед глобальным экологическим вызовом // Век глобализации. 2011. № 1 (7). С. 110–121.

A.A. Kokovkina, A.A. Tsytsarev

ETHICAL RELATION TO THE NATURE: OPTIMISM OF THE THEORY AND REALITY OF PRACTICE

KOKOVKINA Anastasiya A. – *Amur State University named after Sholom Aleichem*.
Shirokaya ul., 70-a, Birobidzhan, JAR, 679015, Russia
e-mail: polina.asya@mail.ru

TSYTSAREV Andrey A. – *Amur State University named after Sholom Aleichem*.
Shirokaya ul., 70-a, Birobidzhan, JAR, 679015, Russia
e-mail: tcytcarev@yandex.ru

The paper analyzes the axiological determinants of global ecological crisis. Au-thors present a brief overview of the main concepts that can act as the theoretical and methodological basis of ethical relation to the biosphere. At the same time the gap between theoretical constructions and the actual practice of economic activity which in principle is not ethically funded is noted.

RESPONSIBILITY; ETHICS; ECOLOGICAL CRISIS; THE SYSTEM; NATURE; HUMAN.

REFERENCES

1. [Bases of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. *Humanities J. of Ecology*, 2001, no. 2, vol. 3. Available at: http://www.ecoethics.ru/old/m07/ (accessed 19.01.2013).

2. Bourdeau Ph. The man nature relationship and environmental ethics. *J. Environ. Radioactivity*, 2004, no. 72, pp. 9–15.

3. Papa Ioann Pavel II [Environmental Crisis: A Shared Responsibility]. *Humanities J. of Ecology*, 2001, no. 2, vol. 3. Available at: http://www.ecoethics.ru/old/m07/ (accessed 19.01.2013).

4. Darrell Dzh. *Peregruzhennyy kovcheg. Gonchiye Bafuta. Tri bileta do Edvencher. Put' kengurenka* [Overloaded Ark. Hounds Bafuta. Three tickets to Adventure. Path kangaroo]. Moskow, Mysl' Publ., 1986. 590 p. (In Russ.)

5. Bodriyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Moskow, Respublika Publ., 2006. Kulturnaya revolyutsiya Publ. Ser. Mysliteli XX veka. Available at: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/102633/20/Bodriiiyar_-_Obshchestvo_potrebleniya.html (accessed 21.01.2013).

6. Khaydegger M. [The Question Concerning Technology]. *Vremya i butiye* [Time and Being]. Moskow, 1993. Pp. 221–238. (In Russ.)

7. Yonas G. *Printsip otvetstvennosti* [The principle of responsibility]. Moskow, Ayris-press Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

8. Getting G. *Vstrechi s Albertom Shveytserom* [Meeting with Albert Schweitzer]. Moskow, 1967. (In Russ.)

9. Shveytser A. *Kul'tura i etika* [Culture and Ethics]. Moskow, Progress Publ., 1973. 343 p. (In Russ.)

10. Leopold A. The Land Ethic. Available at: http://home.btconnect.com/tipiglen/landethic.html (accessed 27.11.2013).

11. Knyazeva Ye.N. [System and Environment: interfacing complexity and the emergence of managerial activity]. *Mezhdistsiplinarnyye problemy sredovogo podkhoda k innovatsionnomu razvitiyu* [Interdisciplinary problems of environmental approach to innovation development]. Moskow, Kogito-Tsentr Publ., 2011. Pp. 74–83. (In Russ.)

12. Ness A., Meylyander P. *Mentalitet budushchego* [Mentality of the future]. Available at: http://www.greenworld.org.ru/?q=deep_ness22110 (accessed 20.11.2013).

13. Ness A. The shallow and the deep, long-range ecology movement. A summary. *Inquiry*, no. 16, pp. 95–100.

14. Veber A.B. [Mankind before the global environmental challenge]. *Vek globalizatsii*, 2011, no. 1 (7), pp. 110–121. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 001.85

В.А. Лапатин

ДВА ПОДХОДА К ФЕНОМЕНУ АБСУРДА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

ЛАПАТИН Вадим Альбертович – *аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.*
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: lapatin.vadim@gmail.com

Статья знакомит читателя с отечественными научными работами, посвященными проблеме абсурда. Автор выделяет два исследовательских подхода к данному феномену, сложившиеся в российском философско-гуманитарном дискурсе. В рамках первого подхода абсурд предстает аномальным и негативным явлением (бессмыслица, хаос, нелепость и т. д.). Второй подход, напротив, предлагает положительную интерпретацию: абсурд актуализует более глубокий уровень смыслового порядка, а его ненормативный характер препятствует формированию одностороннего взгляда на действительность у своего реципиента. Анализируя оба подхода, автор приходит к выводу, что сущностной чертой абсурда является его внеположность антиномиям любого рода (смысл / бессмыслица, рациональное / иррациональное, норма / аномалия и т. д.).

АБСУРД; ИНТЕРПРЕТАЦИЯ; ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС; ХАОС; БЕССМЫСЛИЦА; АНТИНОМИЯ.

«Абсурд» – один из центральных концептов современного гуманитарного знания. Его актуальность не вызывает сомнений и, среди прочего, продиктовывается текущим положением дел. На фоне глобализации современных социокультурных процессов пространство повседневности современного человека становится все более фрагментарным и разрозненным и, вследствие этого, связывается с абсурдностью. Таким образом, возникает необходимость более внимательного, комплексного анализа структурных оснований абсурда как феномена. В этом тексте производится обзор актуальных отечественных исследований данного предмета.

Можно выделить две стратегии истолкования абсурда в западном философском дискурсе. Первая из них толкует абсурд в полном соответствии с обыденным словоупотреблением как нелепость, несуразность и бессмыслицу. Тем самым, данный феномен квалифицируется как нежелательный, ложный и подлежащий устранению. Вторая стратегия не характерна для обыденного понимания и находит свое отражение только в философском дискурсе и искусстве. С одной стороны, здесь сохраняется концептуальное наполнение, присущее традиционной стратегии понимания абсурда как феномена алогичного и ненормативного, но с другой – оно существенно переосмысливается и видоизменяется. Исследуемое явление раскрывается уже не как нарушение логики, а как ее расширение, и трактуется не как извращение смысла, а как актуализация более глубокого уровня смыслового порядка. С этой точки зрения, если это и бессмыслица, то особая, «наполненная смыслом» бессмыслица. Актуальные отечественные гуманитарные исследования абсурда также могут быть рассмотрены с точки зрения их принадлежности к одному из двух способов истолкования.

Анализ работ, вышедших в последние годы, позволяет выделить два главных источника, которые служат первоосновой для многих современных исследователей абсурда, а именно: научные труды О.Д. Бурениной и произведения А. Камю.

Под руководством О.Д. Бурениной в 2004 году был опубликован заслуживающий внимания сборник статей «Абсурд и вокруг», в

котором гуманитарные исследователи из разных стран рассматривают различные аспекты вынесенного в заглавие феномена: философские, эстетические, лингвистические, социальные и т. д. Помимо этого, через год вышла монография О.Д. Бурениной «Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века» [1]. Представленная в обеих книгах классификация абсурда как концепта, выступающего, начиная с античности, в трояком (эстетическая категория, логический абсурд, метафизический абсурд [См.: Там же. С. 9]) значении, оказалась для отечественного гуманитарного знания настолько фундаментальной, что некоторые авторы [См., например: 2, с. 70; 3, с. 180] в своих работах дословно воспроизводят ее, не указывая источник.

Значительная часть исследователей, придерживающихся традиционной стратегии, в своем понимании абсурда не продвигаются далее мысли А. Камю семидесятилетней давности, согласно которой «абсурд рождается в... столкновении между призванием человека и неразумным молчанием мира» [4, с. 38]. Иначе говоря, «авторы-традиционалисты» в качестве главного атрибута абсурдности указывают рассогласованность между человеком и окружающими его миром. Так, например, Д.Б. Пучков задается вопросом «Является ли абсурд угрозой для человеческого бытия?» [5, с. 155] и дает на него утвердительный ответ, поскольку «именно ощущение бессмысленности во всех случаях является настоящей причиной отчаяния, насилия и морального разложения» [Там же]. Автор в духе традиционного подхода напрямую связывает абсурд с понятием бессмысленности, самим по себе размытым. О том, что сегодня многие представители человечества мучаются отсутствием смысла в жизни, Д.Б. Пучков узнает главным образом из произведений А. Камю и В. Франкла и на их основании указывает два пути, «ведущих человека к абсурду»: «рассудительное подчинение общим правилам» и «умное следование требованиям отдельной ситуации» [Там же. С. 158]. Авторский текст не позволяет ясно понять, чем одно принципиально отличается от другого, но в целом мысль автора заключается в следующем. Человек в своем «индивидуальном бытии» пытается привести свой разум в соответствие с миром, следуя неким (каким – не уточняется) правилам, но с неизбежностью приходит к абсурду, так как мир не рационален и ему не могут быть предписаны правила. Несмотря на это, полагает Пучков, у человека все же есть рациональный способ преодоления абсурда, который заключается в том, чтобы найти некоторые с достоверностью хорошие правила и следовать им. Успех этого мероприятия, по мнению исследователя, гарантируется тем, что «существует определенная твердость идей» [Там же. С. 161], которую никакой абсурд никоим образом не может поколебать. Нетрудно заметить, что у Д.Б. Пучкова рассмотрение структурных оснований абсурда, в силу наличия нетривиальных языковых оборотов, в какой-то момент само по себе обретает черты абсурдистского текста.

Схожим образом изучает вопрос об угрозе абсурда для общества Е.И. Лобанова. Сохраняя атрибуты традиционной стратегии, она отмечает, что рассматриваемый феномен в социальном срезе представляет собой «разрыв между человеком и его окружением» и может быть описан, прежде всего, как аномалия по отношению к норме [3, с. 181]. Тем не менее, несмотря на свой аномальный и вторичный характер, абсурд по мере социокультурного развития «может заменять собой норму» [Там же] и, тем самым, перемещаться из маргинального поля культуры в его центр. Помимо этого, Е.И. Лобанова указывает, что в качестве социального феномена абсурд проникает во все сферы общественной жизни. Так, в коллективном плане предмет рассмотрения проявляется в виде дезориентирующих идей, лженаук, суеверий и т. п., которые способны «оказывать негативное влияние на общественное здоровье, сеять в обществе панику и создавать психозы» [6, с. 33]. Проблематика абсурда на индивидуальном уровне лучше всего, по мнению автора, разработана в рамках экзистенциализма, причем, как можно догадаться, анализируя авторский текст, за основу берутся философские взгляды А. Камю. Особое внимание Лобанова уделяет опасности распространения «философии абсурда» среди современных молодежных движений, примером которых, по ее мнению, являются литературное направление Великобритании 1950-х годов Angry Young Men, так называемый Театр абсурда, движение хиппи и некая «бунтующая молодежь» [См.: 7]. По мнению автора, молодежные объединения подобного рода, используя «абсурд ради аб-

сурда», приводят общественную систему к дестабилизации и разрушению. Хотя полностью искоренить абсурдизм (sic! – *В. Л.*) в обществе нельзя, ответом на деструктивные тенденции, своеобразными скрепами, которые не позволили бы хрупкому зданию общества и культуры окончательно разрушиться, Е.И. Лобановой видятся образование и воспитание, организованные таким образом, чтобы у их объектов формировалось «антиабсурдное сознание» [6, с. 36]. Одним словом, вновь во имя стабильности в обществе предлагается корректировать абсурдную человеческую свободу надежными средствами социального надзора.

Итак, традиционная стратегия истолкования абсурда базируется на представлении его в виде вторичного, аномального по отношению к норме продукта. При этом в качестве нормы полагаются самые разные вещи: смысл, рациональность, социальные предписания и т. д. В принципе, привлекательность исследовательского подхода, маркирующего абсурдность как аномалию, очевидна. Однако уже на приведенных примерах можно продемонстрировать его главный недостаток, который состоит в том, что данная интерпретационная стратегия не ухватывает сущностного ядра абсурда. Скажем, близкую к высказанной Е.И. Лобановой идею замещения содержания ядра культуры ее периферийными, маргинальными феноменами можно найти у Ю.М. Лотмана, который данный процесс, во-первых, никак не связывает с абсурдом, а во-вторых, рассматривает как неотъемлемую норму социокультурной динамики. Аналогичным образом вызывает вопросы и характерное для традиционной стратегии утверждение, что «всё противоречащее здравому смыслу, логике, не поддающееся пониманию – и объяснению – это абсурд» [2, с. 69]. Отождествление абсурдного и иррационального неправомерно просто в силу того, что модусы иррациональности более многочисленны, чем связываемые с абсурдом феномены. А дальнейший анализ и вовсе показывает, что внеположность абсурда *ratio* не дает никаких оснований полагать его иррациональным и что мыслить его непротиворечиво можно лишь внеположным самой оппозиции «рациональное – иррациональное».

Как уже говорилось, современная стратегия интерпретации абсурда сохраняет представление о его ненормативном характере, однако, вместе с тем, она на одном этом основании не предполагает отношения к нему как к чему-то целиком отрицательному и подлежащему устранению. Несомненным достоинством исследований, придерживающихся данной стратегии, является то, что они учитывают изменения, произошедшие на рубеже XIX и XX веков как в художественной традиции Запада, так и в западной культуре в целом. Поэтому для современного понимания абсурда характерно то, что зачастую не затрагивается «традиционалистами», а именно полагание абсурда в тесной связи с языковыми структурами, причем, с одной стороны, он выступает как предмет лингвистики, а с другой – как характеристика мышления, конституированного языком.

Так, например, О.Я. Палкевич, используя некоторые положения синергетики, характеризует исследуемый предмет как одну из «проекций самоорганизующейся креативной формы парадоксального (языкового) мышления, порождающейся на стыке бессознательного и сознательного» [8, с. 186], порядка и хаоса и т. д. По мнению автора, абсурд не столько аномален по отношению к той или иной норме, сколько являет собой фактор дополнительности к ней. Сложная самоорганизующаяся система характеризуется более высокой степенью порядка, которая внешнему наблюдателю представляется хаосом. Так и лингвистический абсурд кажется бессмыслицей, хотя на деле является «контрдетерминированным смыслом» [См.: 9] и обладает усложненными параметрами порядка: парадоксальностью, многомерностью, амбивалентностью, кросстемпоральностью и дополнительностью [См.: 8, с. 186]. В различных статьях О.Я. Палкевич рассматривает каждый из параметров. Автор приходит к выводу, что свойственная абсурду рассогласованность между субъектом и реальностью (феноменальной, языковой, социальной и т. д.), борьбе с которой уделяется так много внимания в рамках традиционной интерпретационной стратегии, обладает серьезным положительным потенциалом, так как предполагает «слом автоматизма восприятия и конструирование „странного" взгляда на повседневный мир» [Там же].

В неожиданном ключе проводит исследование абсурдистского текста Р.Р. Тазетдинова. На основе структуралистской и постструктуралист-

ской методологии она сопоставляет социокультурную реальность и знаковую организацию языка, уделяя особое внимание литературному абсурду: «Обращение к абсурдному в тексте приводит к абсурду на уровне языка. Язык при этом мыслится не как стилевая или текстовая категория, а как язык культуры, растворенный в открытом тексте» [10, с. 344]. Абсурд как категория литературного текста, по мнению Р.Р. Тазетдиновой, в двояком отношении значим для понимания социокультурных процессов. Во-первых, автор выдвигает смелое предположение, согласно которому «язык художественного текста абсурда есть язык культуры» [Там же]. Во-вторых, утверждается, что механизм «перевода» абсурдистского текста, придание последнему характеристик обыденного языка схожи с переводом единиц одного языка культуры на другой. Перевод осуществляется в три этапа: 1) внутритекстовый перевод; 2) интерпретация вербальных знаков одного языка посредством другого; 3) реинтерпретация уже переведенного текста в терминах языка родной культуры.

Уподобление культуры тексту и представление чужой культуры в качестве абсурдистского текста понятны. Но, по нашему мнению, данная концепция в некоторых аспектах не вполне корректна. Прежде всего, автор отталкивается от неочевидной мысли о наличии у абсурдистского текста скрытого смысла. Тем самым, предполагается, что абсурдный язык по своему внутреннему устройству идентичен языку обыденному, но отличается от последнего лишь несоответствием означающего означаемому. Таким образом, предложенные Р.Р. Тазетдиновой процедуры перевода призваны привести в соответствие планы выражения и выражаемого и обнаружить единый и неизменный смысл, одинаковый и для абсурдистского, и для «обычного» текстов. Представляется, однако, что у нас нет оснований для таких выводов. Нельзя сказать, что текст абсурда – чистая бессмыслица, но в такой же степени нельзя предполагать у него и наличие скрытого смысла. Более точным, по нашему мнению, является утверждение, что абсурдистский текст затрагивает более глубокие по сравнению с обыденным пласты языка и имеет более сложную организацию. Дело именно в том и состоит, что понятие смысла актуально только лишь для традиционного способа выражения, поскольку лишь благодаря последнему нам вообще что-то известно о смысле. Отсюда процедуры перевода абсурдистского текста никогда не будут работать, так как приведение его к «общепонятному» виду в действительности будет не переводом, а приписыванием значения. В целом сама интенция рационализировать абсурдный язык всегда несколько снижает впечатление от любой работы, сближая ее с традиционной стратегией истолкования.

Рассмотрение абсурда как категории текста с неизбежностью вызывает к жизни вопрос о лингвистических свойствах предмета исследования. Наиболее убедительно в последние годы эту проблематику разрабатывают В.Ю. Новикова и О.В. Кравченко. Чуть выше мы замечали, что в отношении лингвистического абсурда нельзя говорить как о наличии смысла (поскольку если бы последний там действительно присутствовал, то абсурдные единицы языка были бы неотличны от общеупотребительных), так и об отсутствии смысла (поскольку полная бессмыслица совершенно непредставима). Именно эта проблема занимает О.В. Кравченко. Автор отмечает, что «в проблематике лингвистического абсурда остается большое количество неизученных и нерешенных вопросов», в том числе «вопрос о том, как, благодаря чему возможно появление лингвистического абсурда в семантической ткани текста» [11, с. 59]. Решение О.В. Кравченко видит в разграничении понятий значения и смысла таким образом, чтобы первое представляло собой свойство языка, а второе относилось к сознанию реципиента. Лингвистический абсурд, согласно классификации автора, оказывается явлением, имеющим непосредственное отношение к структурам смысла, будучи лишенным значения. С точки зрения реципиента, исследуемый феномен «возникает там, где имеет место противоречие... между общим содержанием вербализованной части дискурса, выраженного языковыми значениями, и содержанием когнитивно-прагматического фона» [Там же]. Таким образом, абсурд располагается в пространстве смысла, представляя собой своего рода «„анти-смысл”, смысл особого порядка». В свою очередь, на уровне языка можно отследить, какие именно семантические преобразования являются причиной возникновения лингвистического абсурда. В качестве таковых Кравченко называет элиминацию

смысла, редукцию смысла и переформулирование смысла [11, с. 60], подробно рассматривая каждый из механизмов в своих работах. Стоит также упомянуть, что абсурд, именно благодаря своей аномальности, препятствующей формированию у реципиента одностороннего взгляда на вещи, рассматривается автором в качестве неотъемлемого условия динамики как в пространстве текста, так и в пространстве культуры в целом.

Проблематика исследований О.В. Кравченко перекликается с кругом вопросов, исследуемых в работах В.Ю. Новиковой, которая в 2001 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики», основные результаты которой представлены в монографии «Семантика абсурда», вышедшей четырьмя годами позже. В одной из своих многочисленных статей В.Ю. Новикова сопоставляет наличествующую в языке дихотомию абсурд / смысл с мифологической дихотомией Хаос / Космос. Для данного сопоставления есть все основания в культурно-историческом плане, поскольку, как показала в своем исследовании О.Д. Буренина, уже у ранних греческих философов понятие абсурда было эквивалентно понятию Хаоса мира» [12, с. 8]. В.Ю. Новикова, в свою очередь, указывает, что абсурд представляет собой обратную сторону смысла и в языковом выражении «может быть аналогичен внесению Хаоса в речь» [13, с. 72]. Отсюда в сознании современного человека абсурдность занимает место, аналогичное тому, которое занимал миф о Хаосе в античности. Поскольку неоформленность, бескачественность и непредсказуемость, сопутствующие хаотичным процессам, с древних времен ужасали людей, современный реципиент, согласно В.Ю. Новиковой, прибегает к двум «читательским стратегиям» при встрече с абсурдистским текстом. Первая из них заключается в полном отторжении подобного текста и называется автором «абсурдом разрушающим». Вторая стратегия предполагает претворение Хаоса в Космос путем читательской интерпретации семантически пустых мест в тексте абсурда и именуется «абсурдом созидающим». Нетрудно заметить, что и исследователи абсурда в своих научных трудах в общем и целом следуют теми же путями, что и обычные реципиенты.

Впрочем, если речь идет о языковом абсурде, далеко не всегда можно согласиться, что он являет собой хаос и беспорядок. Можно сказать, что абсурд в определенной степени являет собой семантический произвол, но, как заключает Е.В. Клюев, нередко «семантический хаос... устраняется детальной простроенностью структуры, подчеркнуто грамотной диспозицией материала... Часто эта „литературная грамотность" настолько демонстративна, что стихийное содержание оказывается целиком вписанным в некоторый – часто общеизвестный, традиционный – канон» [14, с. 137]. Исследуя английскую литературу нонсенса, Е.В. Клюев показывает, насколько стихи и проза Л. Кэрролла, а также лимерики Э. Лира, весьма свободные в смысловом отношении, гиперструктурированы по форме: композиционно, ритмически, на уровне рифмы и т. д. Таким образом, связь между абсурдом и хаосом вовсе не столь очевидна.

Подобным же образом нельзя напрямую связать абсурд и гротеск. Под гротеском обычно понимают художественный прием, основанный на преувеличении, сочетании несочетаемого, изображении чего-либо в уродливо-комическом свете. Для абсурдного выражения также характерны и гиперболизация, и сочетание несочетаемых вещей, и комизм. Поэтому важно разобраться, как связаны друг с другом абсурд и гротеск. Данной проблеме посвящена статья Л.М. Геллера «Из древнего в новое и обратно». Автор отмечает, что «абсурд отсылает в первую очередь к „внутреннему" плану содержания, гротеск – в первую очередь к „внешнему" плану выражения» [15, с. 93]. Иначе говоря, абсурд – феномен логико-семантический, а гротеск – художественный прием, средство выразительности, как, например, метафора, литота, оксюморон и пр. Понимание того, что абсурд не нечто наподобие тропа, а явление логического плана, очень важно; и важно в первую очередь для художественной литературы. По существу, именно в художественной практике XX века окончательно оформляется представление об абсурде как об альтернативной языковой логике. Поэтому творчество обэриутов, Ф. Кафки, С. Беккета, Э. Ионеско мы можем назвать абсурдистским, а, к примеру, в отношении Ф. Рабле или Н.В. Гоголя можно говорить лишь, что в их произведениях содержатся абсурдистские эле-

менты. Авторы, упомянутые первыми, понимают абсурд как самостоятельное языковое явление, наделенное своей внутренней логикой, другие же пользуются главным образом именно гротескными приемами. Соответственно следует согласиться и с еще одним выводом Л.М. Геллера: «Наблюдение над гротеском в его отношении к абсурду приводит к выводу, что их совместное присутствие внутри одного текста не означает ни их тождественности, ни совпадения функций» [15, с. 101].

Наконец, говоря о современной стратегии истолкования, нельзя не упомянуть опубликованную в 2012 году монографию Ф.И. Гиренка «Абсурд и речь. Антропология воображаемого». Ключевое положение данной работы – «человека сделал абсурд» [16, с. 59]. Для обоснования этого амбициозного тезиса Ф.И. Гиренок прибегает к весьма интересной методологии исследования, а именно к философскому мифотворчеству. Согласно авторской мифологии, человек представляет собой «сошедшую с ума» обезьяну. Гиренок пишет, что обезьяна, как и всякое животное, является реалистом, подразумевая под этим, что ее деятельность определяется в основном объективными причинами. Во-первых, животное вовлечено в инстинктивную деятельность, во-вторых, оно целиком закреплено в реальности и вынуждено подстраиваться под ее условия, причем эта реальность вещественна, налична; она предзадана животному в актуальном опыте чувственного восприятия и не является результатом какой-либо символизации. В свою очередь, возникновение человека связано с тем, что некие абсурдные, «ультрапарадоксальные ситуации», при которых на регулярной основе организм на те или иные стимулы отвечает неадекватными реакциями, ломают природный инстинкт обезьяны, в результате чего непосредственная реальность животного вытесняется, а затем и полностью замещается реальностью, «сотворенной» сознанием человека.

Становление человеческого обязано возникновению «уже-сознания», которое Ф.И. Гиренок характеризует как «сознание без Я» [Там же. С. 113], подразумевая, что оно для своего носителя уже предполагает осознание различия между собой и внешним миром, но еще не предполагает самоидентификации. «Уже-сознание» надстраивает над феноменальной реальностью воображаемую, наделяя продуцируемые им образы большей достоверностью, чем непосредственные чувственные данные. Воображаемое замкнуто на себя. Даже несмотря на то что первоматерией для возникновения образов служат чувства и эмоции, сами образы больше не соотносятся с чувственно-воспринимаемым и симулируют сверхреальное. Примечательно, что в мифологическом построении автора именно воображение, а не язык, полагается первичной собственно человеческой способностью. «Воображение, будучи спонтанным, бессознательным, не может быть функцией языка и речи» [Там же. С. 33] и представляет собой язык без знаков, служащий, однако, основой для возникновения знакового языка.

В воображаемом отчетливо видны фигуры абсурда, так как человек полагает реальность, составленную из образов «уже-сознания», более реальной, чем объективно существующую. Однако доступ к последней полностью закрывается с осознанием человеком себя и появлением знакового языка, который, в отличие от «безмолвного» внутреннего языка образов, напрямую связан с артикуляцией и символизацией. Знаковое устройство языка предполагает наименование реальности. А поскольку в реальности «нет имени», постольку процесс поименования влечет за собой «создание» собственно человеческой реальности, сущностными чертами которой являются номинативность, символизация и опосредствованность. Более того, именно символическое теперь определяет существование или несуществование той или иной вещи: «Лишенные слова вещи перестают нами не только узнаваться, они перестают существовать. То есть вещи подвергаются агрессии со стороны слов. Язык ставит вещам условие: или не быть, или быть в форме знака» [Там же. С. 82]. Так, в конечном итоге «жизненным миром» для человека становится «поименованная», организованная языковыми структурами сознания и воображением реальность. Именно вследствие своей отчужденности в порядки воображаемого и символического человек в мифологии Ф.И. Гиренка именуется аутистом. Под аутизмом в данном случае понимается самостоятельность сознания, отсутствие необходимости во внешнем мире для того, чтобы внутренняя деятельность осуществлялась.

Итак, «человека сделал абсурд... речь и сознание – следы, оставленные абсурдом. <...> Первый язык – это внутренний язык. Речь для себя. Второй – внешний язык. Речь для Другого. В первом случае мыслить – значит полагать несуществующее, во втором – мыслить – значит говорить» [16, с. 102]. Все эти положения складываются в привлекательную концепцию. Действительно, отсутствие неопосредствованного доступа к вещам и отчужденность человека в мир, сконструированный его собственным сознанием, имеют отношение к абсурду, но, как нам представляется, Ф.И. Гиренок упускает кое-что важное в понимании природы абсурда. В этом смысле его труд очень показателен и для рассмотрения современной стратегии истолкования, которая, при всех ее несомненных достоинствах перед традиционной, уязвима в схожих аспектах.

Прежде всего, в исследовании Ф.И. Гиренка, как и в рассмотренных выше работах, принадлежащих современной парадигме, замечается положительный потенциал абсурда, но совершенно не преодолевается двойственность. Так, например, содержание исследуемого вопроса раскрывается через множество бинарных оппозиций: «обезьяна / человек», «реализм / аутизм», «воображаемое / символическое», «внутренняя речь для себя / внешняя речь для Другого». Подобным же образом действуют «традиционалисты», используя оппозиции «норма / аномалия», «смысл / бессмыслица», «рациональное / иррациональное» и др., с той лишь разницей, что абсурд отождествляется с отрицательным полюсом в оппозиции. Однако вполне очевидно, что отрицательный полюс существует лишь постольку, поскольку существует положительный, и наоборот, а потому, к какой бы антиномии предмет исследования ни относили, природа двойственности остается совершенно неизменной. Взаимозависимый характер антиномий до такой степени нормален, что основывать на нем исследование абсурда, по меньшей мере, недальновидно.

Второе наше замечание относится уже не к современной стратегии истолкования абсурда в целом, а лишь к труду Ф.И. Гиренка. По нашему мнению, автор в рамках своей терминологии вполне справедливо называет человека аутистом и рассматривает язык в качестве одного из инструментов, благодаря которому обезьяна превратилась в человека, но не вполне справедливо связывает эти процессы с абсурдностью. Действительно, можно утверждать агрессию символического и соглашаться с тем, что языковые фильтры в значительной степени задают способ видения реальности для человека, но следует также задуматься над тем, что это имманентное свойство языка как такового. Ф.И. Гиренок в своей монографии так много говорит о связи языка и абсурда, но практически не уделяет внимания тому факту, что в самой системе языка есть области, где и то, и другое пересекаются. Мы согласны с тем, что язык является символическим фильтром, который преобразует для нас реальность и закрывает доступ к вещам, но абсурдность как таковая, по нашему мнению, с этим никак не связана. Для доказательства данного утверждения следует рассмотреть роль языкового абсурда. Мы уже видели, что авторы, исследовавшие этот вопрос, нередко представляют абсурдистские элементы текста не как бессмыслицу, а как «анти-смысл». Соответственно и абсурдный язык можно представить как «анти-язык», т. е. как нечто такое, что, возникая в языковой ткани, обнаруживает затем деструктивные тенденции. Иначе говоря, в качестве гипотезы можно принять положение, согласно которому связь абсурда и языка состоит не в том, что языковые фильтры помещают человека в символическую реальность, а в том, что лингвистический абсурд «пытается» что-то сделать с этим символическим порядком, имея в качестве своей задачи устранение самих языковых фильтров. Таким образом, роль абсурдистских лингвистических элементов состояла бы в том, чтобы усовершенствовать знаковую систему языка настолько, чтобы она перестала существовать.

Однако проверка этой гипотезы – задача для отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Буренина О.Д.** Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. СПб.: Алетейя, 2005. 342 с.

2. **Зенина О.Ю.** Ситуации абсурда в социальной действительности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 69–73.

3. **Лобанова Е.И.** Абсурд: к трактовке понятия // Симб. науч. вестн. 2011. № 1 (3). С. 179–182.

4. **Камю А.** Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. А.М. Руткевич // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.

5. **Пучков Д.Б.** Идея индивидуального бытия человека и проблема абсурда // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. Философия. 2009. № 3. Т. 1. С. 155–162.

6. **Лобанова Е.И.** Абсурд в духовной сфере жизни общества и способы его преодоления // Пед. образование и наука. 2012. № 12. С. 32–37.

7. **Она же.** Философия абсурда и современная молодежь // Социально-экон. проблемы соврем. обва: матер. междунар. науч.-практ. конф. 1–2 июня 2011 г. Пенза; Прага, 2011. С. 26–30.

8. **Палкевич О.Я.** Дополнительность как один из параметров порядка, организующих категорию абсурда // Вестн. Ирк. гос. лингв. ун-та. 2010. № 4. С. 185–190.

9. **Она же.** Мир контрдетерминированного смысла: абсурд // Там же. 2009. № 1. С. 124–128.

10. **Тазетдинова Р.Р.** Опыт философско-культурологического осмысления текста абсурда // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2008. № 4 (63). С. 343–348.

11. **Кравченко О.В.** Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. 2008. № 1 (7). С. 58–63.

12. **Буренина О.Д.** Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг: сб. ст. М.: Яз. слав. культуры, 2004. С. 7–72.

13. **Новикова В.Ю.** Хаос / Космос vs. абсурд / смысл // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 1 (44). С. 71–73.

14. **Клюев Е.В.** Теория литературы абсурда. М.: Изд-во УРАО, 2000.

15. **Геллер Л.М.** Из древнего в новое и обратно: о гротеске и кое-что о сэре Джоне Рескине // Абсурд и вокруг: сб. ст. М.: Яз. слав. культуры, 2004. С. 92–131.

16. **Гиренок Ф.И.** Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академ. проект, 2012. 237 с.

V.A. Lapatin

TWO APPROACHES TO THE ABSURD IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL-HUMANITARIAN DISCOURSE

LAPATIN Vadim A. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: lapatin.vadim@gmail.com

The article introduces the Russian scientific studies on the absurd. The author defines two approaches to interpreting this phenomenon in Russian philosophical-humanitarian discourse. The first one presents the absurd as an anomalous and negative phenomenon: nonsense, chaos, awkwardness etc. On the contrary, the second approach gives a positive interpretation of absurdity, which actualizes the deeper level of sense order. The abnormal nature of the absurd prevents its recipient from the formation of one-sided view on the reality. Analyzing both approaches, the author concludes that the substance of the absurd consists in its transcendence to antinomies of any kind (sense / nonsense, rationality / irrationality, norm / abnormality etc.).

ABSURD; INTERPREATATION; HUMANITIES STUDIES; ABSURDISM; CHAOS; GROTESQUE.

REFERENCES

1. Burenina O.D. *Simvolistskiy absurd i yego traditsii v russkoy literature i kul'ture pervoy poloviny XX veka* [Symbolist Absurd and Its Tradition in Russian Literature and Culture in the First Half of 20th Century]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2005. 342 p. (In Russ.)

2. Zenina O.Yu. [Absurdity Situations in Social Reality]. *Bulletin of The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia*, 2009, no. 108, pp. 69–73. (In Russ.)

3. Lobanova E.I. Absurd: k traktovke ponyatiya [Absurd: To Definition of the Term]. *Simbirsk Scientific Bulletin*, 2011, no. 1 (3), pp. 179–182. (In Russ.)

4. Camus A. [The Myth of Sisyphus. An Essay on the Absurd]. *The Rebel. Philosophy. Politics. Art*. Moscow, Political Literature Publ., 1990. Pp. 23–100. (In Russ.)

5. Pouchkov D.B. [The Idea of Personal Human Being and the Problem of Absurdity]. *Bulletin of Pushkin Leningrad State Univ*. Ser. Philosophy. 2009, no. 3, vol. 1, pp. 155–162. (In Russ.)

6. Lobanova E.I. [Absurdity in the Spiritual Life of Society and Ways to Overcome It]. *Pedagogical Education and Science*, 2012, no. 12, pp. 32–37. (In Russ.)

7. Lobanova E.I. [The Philosophy of the Absurd and Present-Day Youth]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy sovremennogo obshchestva*: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 1–2 iyunya 2011 g. [Proc. of the Int. Science Practical Conf. "Socio-Economic Problems of Modern Society"]. Penza, Prague, 2011. Pp. 26–30. (In Russ.)

8. Palkevich O.Ya. [Supplementarity as One of the Semantic Markers of Absurdity]. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic Univ*., 2010, no. 4, pp. 185–190. (In Russ.)

9. Palkevich O.Ya. [The World of Contradetermined Sense: Absurdity]. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic Univ.*, 2009, no. 1, pp. 124–128. (In Russ.)

10. Tazetdinova R.R. [Philosophical-Culturological Experience of the Absurdity Text Comprehension]. *Bulletin of Samara State Univ*., 2008, no. 4 (63), pp. 343–348. (In Russ.)

11. Kravchenko O.V. [Linguistic Absurdity: Sense Dynamics in Discourse]. *Bulletin of Volgograd State Univ.*, ser. 2, 2008, no. 1 (7), pp. 58–63. (In Russ.)

12. Burenina O.D. [What Is the Absurd, or Following Martin Esslin]. *Absurd i vokrug* [The Absurd and About]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, pp. 7–72. (In Russ.)

13. Novikova V.Yu. [Chaos / Cosmos vs. Absurd / Meaning in Language System]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [The Cultural Life of South Russia], 2012, no. 1 (44), pp. 71–73. (In Russ.)

14. Kluev E.V. Teoriya literatury absurda [Theory of Literary Nonsense]. Moscow, Univ. of the Russian Academy of Education Publ., 2000. (In Russ.)

15. Geller L.M. [From the Ancient to the New and Back: On Grotesque and Something about Mr. John Ruskin]. *Absurd i vokrug* [The Absurd and About]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, pp. 92–131. (In Russ.)

16. Girenok F.I. *Absurd i rech. Antropologiya voobrazhaemogo* [The Absurd and Speech: Anthropology of the Imaginary]. Moscow, Academic Project Publ., 2012. 237 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 72.01

К.А. Белоус

СТИЛЕВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ ПАРИЖА В 1890-х – НАЧАЛЕ 1900-х ГОДОВ И ЕЕ ОЦЕНКА РУССКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ КРИТИКОЙ

БЕЛОУС Ксения Андреевна – *гид-переводчик, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.*

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17

e-mail: bel-ksenia@yandex.ru

Статья посвящена грандиозному градостроительному преобразованию Парижа конца XIX – начала XX века. Рассмотрены основные этапы стилевой эволюции архитектуры этого города на примере фасадов жилых и общественных зданий. Перестройке Парижа посвящено большое число работ, но исследования стилевой эволюции эклектики в архитектуре общественных и многоквартирных зданий и ее перехода в «новый стиль» ни в отечественной, ни в зарубежной литературе пока нет. Автор анализирует эволюцию этого архитектурного стиля в Париже во второй половине XIX века. Отражена позиция русских архитекторов на рубеже XIX и XX веков, дававших оценку градостроительным мероприятиям в журналах «Зодчий» и «Строитель».

ПАРИЖ; ЭКЛЕКТИКА; СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ; ПРЕДМОДЕРН; «КИРПИЧНЫЙ СТИЛЬ», АР-НУВО.

Подразделение эклектики в Петербурге на два периода, ранний и поздний, установилось уже более четверти века назад [1]. Ранний период эклектики пришелся на время правления Николая I, поздний начался в 1860-х годах, когда на развитие архитектуры стали влиять результаты вводимых в это время реформ, и произошла общая стилевая эволюция эклектики в сторону большей декоративности и «смешения стилей».

Выявить этапы эволюции эклектики в архитектуре Парижа сложнее, так как в истории Франции не было такого перелома, который произошел в России на рубеже 1850–1860-х годов.

Движение от классицизма к эклектике во Франции, как и во всей Европе, началось на рубеже 1830–1840-х годов. Революция 1848 года потрясла страну и вызвала поворот в градостроительном мышлении. Прямым последствием ее становится развернувшаяся градостроительная реконструкция Парижа. Она начинается на рубеже 1840–1850-х годов и плавно идет от десятилетия к десятилетию, вплоть до Франко-прусской войны (1870–1871) и Парижской коммуны (1871), когда происходит крупный социальный взрыв. Через несколько лет страна выходит из кризиса, богатеет и начинается то, что сами современники назвали «Бель Эпок». Буржуа богатеют, богатство становится главным критерием, приобретает статус не только социальный, но и культурный, и это влияет на архитектуру.

К концу XIX века фасады становятся сложнее и пластичнее. Это уже не просто ленты домов, не просто сплошные порт-фенетр: наряду с балконами появляются эркеры, возникает все более сложный декор. В конце XIX века этот процесс достигает своего апогея. Своеобразной иллюстрацией этого апогея декоративности становятся результаты первого конкурса лучших фасадов Парижа, состоявшегося в начале 1890-х годов. Материалы о нем были опубликованы во французских журналах и в русском журнале «Строитель», где, очевидно, отражен характер французских оценок: чем наряднее, чем разнообразнее, чем богаче декор – тем замечательнее.

Наряду с этим с середины 1890-х годов в Париже начинают возводиться и дома «нового

стиля» – ар-нуво или модерн, который характеризовался рациональными конструкциями и обилием растительного орнамента в декоре. Как промежуточную фазу между зданиями «османовского» типа и «нового стиля» можно ввести понятие «предмодерн» – стиль, которому присущи новые композиционные решения зданий и осмысление строительных материалов. Именно в этом стиле в начале 1890-х годов строились в Париже школы и некоторые другие здания.

Рассмотрим следующие аспекты архитектуры жилых домов: во-первых, эволюцию самого типа такого здания с использованием нижних этажей для торговых функций, во-вторых, отражение в архитектуре фасадов общего процесса стилевой эволюции архитектуры Парижа.

Городская среда «османовского» Парижа формировалась в основном многоквартирными жилыми домами. Они выстраивались вдоль улиц сплошными рядами. Во второй половине XIX века окончательно сложился тип многоквартирного доходного дома, который стал основным объектом «массовой продукции» архитектуры тех лет: с витринами в первом этаже, несколькими этажами для квартир, сдаваемых внаем, и верхним мансардным этажом. Этот тип дома был закономерным продолжением сложившихся ранее традиций и оказался самым рациональным в условиях существующего «социального заказа». Большая высота зданий нарушала пропорции фасадов, поэтому архитекторы зачастую строили несколько одинаковых домов рядом. Это отвлекало внимание зрителя от конкретного здания, и улица воспринималась как своеобразный ансамбль.

В 1840-х годах классицизм в Париже в целом плавно переходит в эклектику. Этот новый тогда стиль претерпевает некоторое развитие на протяжении второй половины XIX века, что хорошо демонстрируется архитектурой жилых домов. На рубеже 1850–1860-х годов при возведении новых четырех- и пятиэтажных жилых домов многие архитекторы продолжали использовать в компоновке фасадов традиционные приемы позднего классицизма, либо немного их дополняя и перерабатывая, либо, наоборот, упрощая. Эклектика опирается на стили предыдущих эпох, и в зданиях исследуемого периода мы можем обнаружить и мотивы, восходящие к эпохе Ренессанса, и барочные черты. В архитектуре жилых домов 1860–1870-х годов все чаще встречается большой ордер, визуально объединяющий, как правило, два этажа и тем самым укрупняющий масштаб. На рубеже 1870–1880-х годов немного разнообразнее становится пластика, практически вся поверхность стен покрывается балконами и лепными украшениями.

На рубеже 1880–1890-х годов наблюдается эволюция стиля в сторону его усложнения и в компоновке фасада все чаще смешиваются мотивы разных исторических стилей. *Здание Кредитного общества* на Итальянском бульваре, 17–23, выстроенное в 1884 году, показывает нам апогей эклектики.

В центральной части это здание напоминает стиль Людовика XIII, высокой покатой крышей – павильон Часов Лувра, выстроенный

Здание Кредитного общества (1884),
Итальянский бульвар, 17–23

Лемерсье, либо даже более ранние французские постройки, возведенные во время правления Екатерины Медичи и Генриха IV, – павильоны императора и императрицы на площади Вогезов, либо угловые павильоны дворца Тюильри. Здесь было использовано и большое количество декоративных элементов: колонны и пилястры большого ордера на уровне второго и третьего этажей; декоративные кронштейны с мордами львов; небольшие круглые окна с лепным обрамлением; кариатиды, поддерживающие фронтон, и мн. др. Но в то же время мы видим, насколько здание современно и утилитарно – об этом свидетельствуют и большие окна-витрины высокого первого этажа, и массивная входная дверь с великолепной чугунной решеткой, да и сами размеры здания, выстроенного на месте четырех небольших домов.

В эти же годы в жилых многоэтажных домах Парижа благодаря развитию производства металлоконструкций появляются двухъярусные каркасные витрины. Они были необходимы для расширения торговых помещений в домах и являются продолжением тех витрин, которые имеются в домах на площади Генриха IV.

Дом на ул. Д'Астор (1895)

В 1890-е годы дома немного изменяются, усложняется линия крыш, появляются дополнительные башенки и эркеры. К этому периоду относится *угловой дом на ул. Д'Астор* с латинской датой на фасаде (построен в 1895 году). Нижний этаж его декорирован графично прорисованным горизонтальным рустом, появляется поэтажный ордер, представленный рустованными пилястрами и колоннами «французского ордера». Известно, что такого типа колонны в 1560-е годы архитектор Ф. Делорм придумал для украшения дворца Тюильри. Особенность этих колонн в том, что они состоят из разных барабанов, поставленных один на другой. В данном случае это каннелированные и гладкие барабаны.

Подводя итоги, можно отметить, что во второй половине XIX века сформировался определенный «османовский» тип дома, с большим количеством балконов и французских окон, и он оказался, может быть, даже важнее каких-то деталей декорировки, важнее как некий тип.

Вероятно, относительное однообразие облика многоквартирных домов Парижа стало вызывать у современников и неудовольствие, и некоторое чувство тревоги. Чтобы способствовать преодолению сложившейся ситуации, было решено провести конкурс на лучший фасад. Он состоялся в 1897–1898 годах. Несколько наиболее интересных домов были отмечены премиями. В основном это были дома с довольно нарядными и обильно декорированными фасадами, типичными для поздней эклектики.

Русский архитектурный журнал «Строитель» посвятил итогам этого конкурса обстоятельную статью, сопроводив ее рисунками премированных зданий [2]. Здесь прослеживается, как на смену привычному однообразию приходят новые веяния. Конечно, еще сильны отголоски османовской эпохи – такие же плоские фасады, украшенные балконами, но уже больше декоративной лепнины, меньше незаполненного пространства стены.

Одновременно возникают и совсем новые типы домов. Обратимся к прорисовкам фасадов многоквартирных домов на ул. Птишан, буль-

варе Виллет и ул. Руа-де-Сесиль, выбранным в процессе конкурса и опубликованным в журнале «Строитель». Они показывают, как усиливается декоративная пластика, появляются эркеры, более разнообразной становится форма оконных проемов. Самый привычный *«османовский» тип дома* мы видим *на ул. Грюнель*. Здесь еще гладкие плоскости стен, привычные ленточные балконы, сочетающиеся с французскими в промежуточных этажах, усиливается декор консолей и чугунные решетки балконов сосуществуют с лепными.

В доме на бульваре Виллет уже нет монотонного ряда мансард, пилястры соседствуют с колоннами, не только последний, но и предпоследний этажи украшены сплошными рядами балконов, модные тогда витрины отражают торговые функции первого этажа. Дом на ул. Птишан удивляет необарочными разорванными портиками, очень сильной пластикой, обилием разнообразных балконов.

«Османовский» тип дома на ул. Грюнель

На приведенных примерах мы отчетливо видим эволюцию, сопровождающуюся отходом от существовавших почти полвека стереотипов и переходом к следующему периоду. Но, несмотря на это, и в XX веке будут еще строиться многоквартирные жилые дома с оглядкой на так хорошо знакомый «османовский» тип.

С середины 1890-х годов в Париже начинают возводиться дома совсем иного стилевого направления – ар-нуво или модерн. Наиболее ярко зарождающийся стиль модерн проявился в архитектуре особняков, в строительстве деловых, промышленных и торговых зданий. Возникнув в условиях бурно развивающегося индустриального общества, стиль модерн, с одной стороны, характеризовался рациональными конструкциями: широко применялся железобетон, стекло, облицовочная керамика, с другой стороны, основным признаком стиля являлась его декоративность – изогнутые линии, обилие растительного орнамента. В зданиях в стиле модерн нет разделения на конструктивные и декоративные элементы: архитектурные формы осмысливались эстетически.

Рассмотрим несколько зданий различного назначения, появившиеся в Париже в конце XIX века. В 1886 году на *ул. Мадам, 7* было выстроено *здание школы* в стиле, значительно отличающемся от привычной эклектики. Здесь уже используется принцип «изнутри наружу», в будущем один из основных принципов модерна: от наиболее оптимального, индивидуально-удобного планирования внутренних помещений к внешнему облику здания. Благодаря художественной обработке и несимметричности фасады отражали целесообразность расположения внутренних комнат. Так, в здании школы на уровне первого этажа мы видим узкие окна, скрывающие гардероб и хозяйственные помещения; окна второго этажа, за которыми находятся различные кабинеты, уже пропускают больше света; на уровне третьего этажа окна широкие, с тройным переплетом для освещения классов. Облицовка здания выполнена из декоративного кирпича и плиток с керамическими вставками. Хорошо чувствуется разница в оформлении фасада по сравнению с домом «османовского» типа, находящимся рядом. Но все-таки это здание и по годам постройки, и по стилю в целом нельзя еще относить к модерну, нет стилизованных

растительных мотивов, так характерных для стиля начала XX века.

В 1891 году на ул. Вожирар, 95 архитектором Ф. Гэзом был построен жилой дом. Оформление фасада является схожим со зданием, описанным выше. Оба эти здания, с некоторыми оговорками, можно отнести к парижскому варианту «кирпичного стиля», распространившегося в России в последней трети XIX века. «Простой и практичный способ отделки фасадов приходит на смену недолговечной и непрочной штукатурке. Полное свое развитие это направление получило по инициативе архитекторов И.С. Китнера и В.А. Шретера» [3, с. 76–78]. Появляется асимметрия – входная дверь, украшенная великолепной решеткой с декоративным козырьком над ней, смещена немного вправо. Над ней располагается металлический эркер со вставками керамической плитки. Балконные решетки и эркер украшены четырехлистниками, козырек над входной дверью напоминает те крыши над входом в парижский метрополитен, которые архитектор Э. Гимар создаст в стиле ар-нуво в начале XX века.

И.С. Китнер в 1872 году в журнале «Зодчий» отмечал «громадное значение кирпичных построек как в практическом, так и в художественном отношениях», утверждал, что «нет разумной причины не пользоваться преимуществами того материала, из которого возведено строение, и скрывать его под слоем штукатурки» и что фасады из кирпича «нисколько не уступают остальным в великолепии, если еще не превосходят их» [Цит. по: 4, с. 157]. А четырьмя годами позже инженер В.П. Куроедов писал в том же журнале: «...Кирпичной архитектуре принадлежит обширная будущность. Это предсказание не есть результат пылкого воображения, оно вытекает из самих свойств материала, которые в настоящее время ярко обрисовались» [Цит. по: Там же].

В начале 1890-х годов строится здание универмага на ул. Май, 23. Здесь мы наблюдаем следование рационалистическим тенденциям. С некоторыми оговорками это здание уже можно отнести к конструктивной фазе «нового стиля» – конструкции здания вынесены на фасад. Фасад здания полностью отражает его функции: большие окна-витрины первого этажа, антресольный этаж с полукруглыми окнами для офисных помещений и верхние этажи с большими оконными проемами для освещения торговых площадей. Тот же принцип оформления относится и к внутреннему двору. Пилястры, располагающиеся между окнами, объединяют три верхних этажа универмага, придавая не такому большому по размерам зданию некую монументальность. За фасадами располагаются значительные торговые помещения, схема здания очень утилитарна и понятна.

В последнее десятилетие XIX века в Париже начинает творить один из самых ярких представителей стиля ар-нуво во Франции – Э. Гимар. Воспитанник Школы декоративно-прикладного искусства и Школы изящных искусств Парижа, Гимар за успехи был награжден поездкой в Бельгию и Англию. В Брюсселе познакомился с творчеством В. Орта, оказавшего на него колоссальное влияние. Э. Гимар начинал с неоготических тенденций, много экспериментировал с растительными орнаментами и виньетками в духе рококо, при этом используя такие современные материалы, как стекло и сталь.

Здание школы (1886), ул. Мадам, 7

Одним из первых особняков, выстроенных в 1891 году Э. Гимаром в Париже, стал отель Розе на ул. Бойле, 34. Здание облицовано декоративным кирпичом разной фактуры светло- и темно-охристого цвета, появляются вставки из керамических плиток голубого цвета, объемы уже не совсем симметричны.

Вскоре после этого в 1894 году была выстроена вилла Жасседе на ул. Шардон-Лагаш, 14. Гимар в отделке здания использовал различные материалы: кирпич, песчаник, штукатурку, терракоту и керамику с эмалью, изготовленные домом Мюллера по рисункам самого архитектора. Это многообразие материалов создавало впечатление чего-то нового, но при этом делало почерк Гимара узнаваемым. Хорошо прочитываются ступенчатые окна лестницы, ведущей на второй этаж.

В 1895 году в 16-м районе Парижа на ул. Фрильер, 9 Гимаром была построена *школа Сакре-Кер*. Предназначенная для обучения и проведения досуга, школа очень интересна с точки зрения конструкций – в качестве опоры второго этажа использованы V-образные балки. Большие тройные окна второго и третьего этажей были созданы для наилучшего освещения классных помещений, внутри здания изящная лестница с чугунной решеткой ведет на верхние этажи.

Однако первым примером полностью сложившегося стиля ар-нуво в Париже можно считать *дом «Кастель Беранже»*, построенный архитектором Э. Гимаром на ул. Ла Фонтен в 1894–1898 годах. Этот доходный дом на 36 квартир получил первый приз за «самый красивый фасад Парижа» на конкурсе, проведенном газетой *Le Figaro*. В этом проекте впервые был применен фундаментальный принцип стиля модерн – полное единство произведения.

П. Синьяк так описывал впечатление от «Кастель Беранже»: «На тихой улице Отейа... находится дом, перед которым стоят разинув рот прохожие, спорят группы давно не стриженных людей, поднимаются на педалях велосипедисты, останавливаются автомобили, а когда мимо него проходит полк, полковник тяжело оборачивается и багровеет от гнева» [5, с. 198–199].

Очень хорошо к описанию данного здания подходит фраза В.Г. Лисовского: «Остро критикуя поверхностный декоративизм, свойственный архитектуре эклектики, и стараясь преодолеть типичные для нее дробность и многословие форм, мастера модерна выработали новый пластический язык, основанный на господстве крупных обобщенных масс и ничем не украшенных поверхностей, часто контрастно взаимодействующих друг с другом» [6, с. 221]. Главная особенность здания – его асимметричность: расстановка окон (лесенкой, отмечая лестничные марши), расположение дверей, балконов. Разнообразная, неровная фактура камня в сочетании с красным кирпичом и цветной облицовочной плиткой создает полихромию фасада. Со стороны проезда вход во двор украшен кованой решеткой с двумя мифическими созданиями по краям. Со стороны ул. Ля Фонтен находится боковой фасад здания, он же, функционально, парадный. Здесь расположен вход, украшенный зеленовато-голубой

Школа Сакре-Кер (1895), ул. Фрильер, 9

решеткой, выполненной в стиле ар-нуво с причудливо изгибающимися линиями.

Создавая строения в новом тогда стиле модерн, архитекторы не воспроизводят характерные детали определенного архитектурного стиля, а создают новый образ, вызывающий не исторические, а эмоциональные ассоциации с экзотическими странами и прошлыми эпохами. «Кастель Беранже» демонстрирует оригинальность и независимость от существовавших ранее стилей.

Подводя итоги, нужно отметить, что наряду с традиционными зданиями, архитекторы, работающие в Париже в 1880-х – начале 1890-х годов, используют уже немного иные строительные материалы, все больше в практику входит облицовка домов кирпичом, вынесение металлических элементов на обозрение – то, что можно отнести к понятию «предмодерн», одной из характерных черт которого являлся «кирпичный стиль».

В 1890-е годы возникает принципиально новый стиль – ар-нуво или модерн. Мы рассмотрели работы основного представителя этого стиля в Париже – Эктора Гимара.

Итак, обратившись к теме эволюции стиля, мы рассмотрели изменение стиля эклектика во второй половине XIX века на примере жилых зданий Парижа, выявив характерные черты определенных его фаз. Пережив свой пик во время Второй империи, стиль пришел к завершающейся фазе в конце XIX века, уступив входившему в моду «новому стилю» – модерн или ар-нуво.

Дом «Кастель Беранже» (1894–1898), ул. Ла Фонтен

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Пунин А.Л.** Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века. В 2 т. Т. 1. СПб.: Крига, 2007. 582 с.

2. **Строитель.** 1899. № 13–14. С. 540–549.

3. **Николаева Т.И.** Виктор Шретер. Иероним Китнер. СПб.: Коло, 2007. 400 с.

4. **Пунин А.Л.** Архитектурные памятники Петербурга XIX века. Вторая половина XIX века. Л.: Лениздат, 1981. 351 с.

5. **Сера Жорж. Поль Синьяк.** Письма, дневники. Литературное наследие. Воспоминания современников / пер. с фр. Е. Классон, Г. Верейский, сост. К. Богемская. М.: Искусство, 1976. 336 с.

6. **Лисовский В.Г.** Очерки архитектурной истории города. В 2 т. Т. 2. СПб.: Коло, 2009. 1048 с.

K.A. Belous

STYLISTIC EVOLUTION OF PARISION ARCHITECTURE IN THE 1890s – BEGINNING OF 1900s, AND ITS ESTIMATION BY THE RUSSIAN ARCHITECTURAL CRITIQUE

BELOUS Kseniya A. – *St. Petersburg State Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin, Russian Academy of Fine Arts.*
Universitetskaya nab., 17, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: bel-ksenia@yandex.ru

The article is devoted to the Grand urban transformation of Paris in the late XIX – early XX centuries. The purpose of this article is, firstly – to learn the main stages of the stylistic evolution of the architecture of houses, secondly – to study the reflection of the general process of stylistic evolution of Parisian architecture in the architecture of the facades of residential and public buildings. Despite the large number of works on the reconstruction of Paris, it is necessary to note that there are no studies specifically dedicated to the stylistic evolution of eclecticism in architecture of the public and apartment buildings, and its transition to the "new style", either in domestic or in foreign literature. This means that it remains an open space for analyzing the evolution of this architectural style in Paris in the second half of the XIX century. The article also reflects the position of Russian architects of the turn of the centuries, giving an assessment of urban activities in the magazines "Zodchiy" ("the Architect") and "Stroitel" ("the Builder").

ECLECTICISM; MIXTURE OF STYLES; PREMODERN STYLE; "BRICK STYLE"; ART NOUVEAU.

REFERENCES

1. Punin A.L. Arkhitektura Peterburga serediny i vtoroy poloviny XIX veka [Saint-Petersburg architecture of the mid and second half of the XIX century]. In 2 vol. Of vol. 1. St. Petersburg, Kriga Publ., 2007. 582 p. (In Russ.)

2. Stroitel' [The Builder], 1899, no. 13–14, pp. 540–549. (In Russ.)

3. Nikolayeva T.I. Viktor Shreter. Ieronim Kitner [Viktor Shreter. Ieronim Kitner]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2007. 400 p. (In Russ.)

4. Punin A.L. Arkhitekturnyye pamyatniki Peterburga XIX veka. Vtoraya polovina XIX veka [The architectural monuments of the XIX century. The second half of the XIX century]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1981. 351 p. (In Russ.)

5. Sera Zhorzh. Pol' Sinyak. Pis'ma, dnevniki. Literaturnoye naslediye. Vospominaniya sovremennikov [Sera Zhorzh. Pol Sinyak. Letters, diaries. Literary heritage. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 336 p. (In Russ.)

6. Lisovskiy V.G. Ocherki arkhitekturnoy istorii goroda [Sketches of architectural history of the city]. In 2 vol. Of vol. 2. St. Petersburg, Kolo Publ., 2009. 1048 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 72.03(480)+72.007

М.К. Кабакчи

ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ-АРХИТЕКТОРЫ ФИНЛЯНДИИ И ИХ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ ФИНСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ

КАБАКЧИ Маргарита Константиновна – *доцент Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат педагогических наук.*

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: Mkabakchy@mail.ru

Статья посвящена истории формирования финской архитектурной школы в конце XIX – начале XX века. Финляндия – первая страна в мире, где женщинам предоставили возможность получать не только профессиональное образование в области архитектуры, но и диплом архитектора. Творчество первых женщин-архитекторов Финляндии С. Хорнборг, Х. Хонгелл, В. Лённ, пришедшееся на эпоху национального романтизма, представляет значительный интерес для исследователей, поскольку им удавалось успешно соединять архитектуру рубежа веков с достижениями инженерной мысли того времени и решением градостроительных задач. Их успешная профессиональная деятельность способствовала изменению отношения европейского общества к женщинам-архитекторам.

ФИНЛЯНДИЯ; ФИНСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ШКОЛА; ЖЕНЩИНЫ-АРХИТЕКТОРЫ; С. ХОРНБОРГ; Х. ХОНГЕЛЛ; В. ЛЁНН.

Интерес к данной теме – роль первых женщин-архитекторов Финляндии в формировании финской архитектурной школы – вызван несколькими причинами.

С одной стороны, необходимая многогранность знаний и в связи с этим сложность подготовки архитектора обусловливали то, что женщин-архитекторов на рубеже XIX и XX веков было объективно мало. С другой стороны, положение женщины в европейском обществе вообще и в искусстве в частности в то время было довольно непростым. В качестве иллюстрации можно привести две цитаты, отражающие суть отношения к женщине-архитектору в исследуемый нами период. В 1902 году в своей известной работе «Пол и характер» Отто Вейнингер писал: «...Родственная музыке архитектура имеет дело с материей даже в самых первоначальных стадиях своих, хотя она имеет то общее с музыкой, что свободна от всякого подражания природе (пожалуй, еще в большей степени, чем музыка). Поэтому архитектура – занятие мужчины, женщина-архитектор – это представление, вызывающее в нас живейшее чувство сострадания» [1, с. 152].

Сложнее всего было преодолеть существовавшие стереотипы мышления. «Особенно дикой казалась мысль о женщинах-архитекторах, потому что взбираться по лестнице трудно при длинных юбках, которые носили в то время», – вспоминал В.Я. Курбатов в статье «Женские политехнические курсы и первые женщины-инженеры», опубликованной в 1947 году [2, с. 76]. Можно сказать, что до XX века архитектура была исключительно мужским занятием. Конечно, женщины-архитекторы существовали – первые постройки, спроектированные женщинами, относятся к XVI веку. Однако таких примеров мало – всего около десятка имен за четыре столетия. Самое главное, что все женщины, участвовавшие в проектировании и строительстве до конца XIX века, не имели никакого специального или формального архитектурного образования.

Поэтому интересными представляются условия, в которых Великое княжество Финляндское, находившееся в составе Российской империи, сумело не только создать самобытную национальную архитектуру и сформиро-

вать свою архитектурную школу, но и впервые в истории дать архитектурное образование женщинам. Финляндия – первая в мире страна, где женщинам предоставили возможность получить не только профессиональное образование в области архитектуры, но и диплом архитектора [6].

Финляндия веками находилась под властью сначала Швеции, потом России, но никогда в ее истории не было столь мощного всплеска идеи национального самосознания, как в конце XIX века. Поэтому возникновение в этой стране такого цельного и яркого архитектурного течения, как национальный романтизм, – это не случайность: стремление выработать новый стиль в искусстве, подъем самосознания народа, интерес к национальным традициям и внимание к художественным школам других стран – вот основные факторы, которые легли в основу финского национального романтизма в архитектуре и искусстве.

Архитектура Финляндии развивалась последовательно, не испытывая быстрой смены направлений и кумиров. Благодаря этому, наряду с крупными мастерами старшего поколения, выдвинулась талантливая молодежь, обладавшая высоким профессиональным мастерством. Молодых архитекторов объединяло многое: во-первых, начало карьеры большинства из них совпало с началом 1890-х годов; во-вторых, обучение в одном высшем учебном заведении – Политехническом институте Хельсинки и у одного наставника – Густава Нюстрёма; в-третьих, избранный ими круг общения – членство в Архитектурном клубе, публикации статей в журналах «Архитектор» (Arkitekten) и «Техник» (Teknikern). Почти все они работали в составе одних и тех же проектных бюро, постоянно общались на профессиональном и личном уровнях, наконец, учились друг у друга. Система конкурсов, появившаяся в Финляндии в конце XIX века, способствовала быстрому росту карьеры молодых архитекторов.

Уже через десять лет после образования в 1878 году Политехнического института в него начали принимать женщин. Образованные женщины в строительстве и архитектуре были новым явлением в Финляндии, и им не делали никаких поблажек – для них не открывались специальные «женские курсы», «женские институты» и т. п. Они должны были учиться в тех же условиях, что и студенты-мужчины, и создавать свой профессиональный имидж, используя для этого те же средства, что и их коллеги-мужчины – свои проекты. Никто не верил, что может существовать какой-то особый «женский» подход в архитектуре. Однако первые женщины, пришедшие в архитектуру Финляндии, верили, что их талант, хорошее образование и система архитектурных конкурсов гарантируют им работу и карьерный рост. И как показала жизнь, те из них, кто трудился, не делая скидки на «слабый пол», достигли многого.

Сигне Ида Катарина Хорнборг (Signe Ida Katarina Hornborg) (1862–1916), первая женщина-архитектор в истории Финляндии, родилась в Турку [5]. В 1888–1890 годах она посещала занятия в Политехническом институте Хельсинки в качестве вольнослушателя и, вероятно, стала первой женщиной, получившей формальное архитектурное образование, не только в Финляндии, но и в мире. Свою профессиональную деятельность С. Хорнборг начала в архитектурном бюро Ларса Сонка. В 1887 году она спроектировала фасад жилого дома на ул. Сепанкату (Sepänkatu) в Хельсинки (дом не сохранился), поскольку на тот момент женщина не могла проектировать все здание. Ее наиболее известная постройка – здание *Signelinna* в Пори – относится к 1892 году. Здание построено в стиле неоренессанса.

Поиски национального самосознания, столь актуальные в конце XIX века в Финляндии, естественным образом заставили углубиться в изучение истории культуры страны, ее народного творчества, поэтому интерес к деревянному зодчеству, попытки соединить финскую национальную традицию с новыми веяниями и идеями национального романтизма привели к созданию нового типа жилого дома – деревянной виллы. По мнению как архитекторов, так и заказчиков, она должна была, с одной стороны, отражать то лучшее, что было в традиционном финском доме, а с другой – тот эмоциональный подъем и новые технические возможности в строительстве, которые характеризовали Финляндию на новом этапе ее развития.

Такие города, как Порвоо, Наантали, Мариехамн, представляют собой лучшие примеры городской деревянной архитектуры. Старые

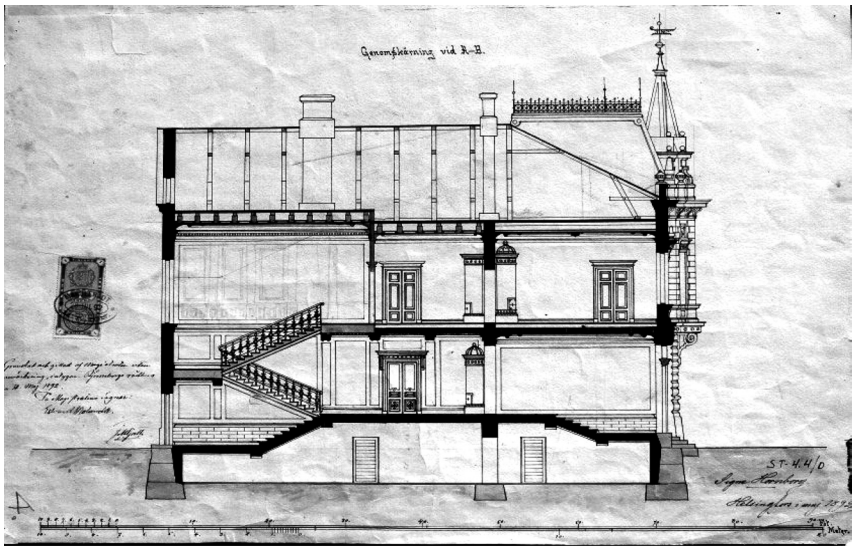
кварталы с деревянной застройкой прошли проверку временем и до сих пор поражают своей красотой.

В конце XIX века было принято решение превратить Мариехамн в модный курорт с лечебными купальнями. Первая купальня была построена по проекту Карла Р. Русенберга в «швейцарском» стиле и открыта в 1889 году. «Швейцарский» стиль, определивший стиль деревянной застройки столицы Аландов на долгие годы, связан с именем Хильды Хонгелл.

Хильда Хонгелл (Hilda Hongell (Sjöblom) (1867–1952) родилась в Мариехамне. Для этого города ею спроектировано 98 зданий, более 40 из которых сохранились [3]. Х. Хонгелл начала свое образование в Промышленной школе Хельсинки в 1891 году вольнослушателем, но уже через год, благодаря выдающимся успехам в учебе, была зачислена в нее на общих основаниях. Хонгелл стала первой в Финляндии женщиной-архитектором, которая одновременно была и строителем-подрядчиком. В начале своей деятельности (1894) Хильда Хонгелл работала в стиле неоготики и неоренессанса, однако затем (в начале XX века) обратилась к швейцарскому югенду, который был популярен в Финляндии. Ее «пряничные домики» и сейчас украшают улицы Мариехамна и находятся под охраной государства. Хонгелл работала в Мариехамне в одно время с Ларсом Сонком, и их связывала профессиональная дружба. Однако если в постройках Сонка очевидно влияние норвежского драконового стиля и японской архитектуры, что было типично для финского модерна, то влияние швейцарского югендстиля сделало *виллы Хильды Хонгелл* легкими и по-летнему воздушными, как и подобает дачам (практически все деревянные виллы в Мариехамне строились как летние резиденции). В 2007 году состоялась выставка «Старая архитектура Мариехамна», посвященная творчеству Х. Хонгелл и Л. Сонка на Аландских островах. В честь Хонгелл были выпущены почтовые марки с изображением

A

B



Здание «Signelinna», современный вид (A) и разрез (B)
(Пори. 1892. Арх. С. Хорнборг. *Архив Музея архитектуры Финляндии*)

ее построек, которые находятся в прекрасном состоянии.

Не менее успешную карьеру сделала и **Оливия Матильда Лённ** (Olivia Matilda Lönn), известная как **Виви Лённ** [7]. Она родилась 20 мая 1872 года в Тампере. После окончания Промышленного колледжа в родном городе переехала в Хельсинки и с 1893 по 1896 год училась там на архитектора в Политехническом институте. Выпускницами архитектурного отделения этого института в 1880-90-х годах были Инес Хольминг (Inez Holming), Сигне Лагер Борг (Signe Lager Borg), Берта Столленвальд (Bertha Stollenwald), Альбертина Эстманн (Stina Östman) [5]. Таким образом, Виви Лённ стала пятой дипломированной женщиной-архитектором.

Еще во время обучения Лённ выиграла несколько архитектурных конкурсов, и в дальнейшем активное участие в конкурсах стало одним из важных аспектов ее профессиональной деятельности. По окончании обучения Виви Лённ сначала работала в архитектурных бюро своих бывших преподавателей Онни Тарьянне и Густава Нюстрёма, но вскоре основала собственное бюро и, таким образом, стала первой практикующей женщиной-архитектором в Финляндии. В 1904 году она получила первый приз в архитектурном конкурсе, проводимом Школой экономики Тампере, и построила там несколько зданий, в том числе среднюю школу *Aleksanteri* и Главную пожарную часть Тампере.

В 1907–1908 годах совместно с Армасом Линдгреном В. Лённ спроектировала здания Нового студенческого клуба (*Uusi Ylioppilastalo*) и музыкальной школы *Ebenizer* в Хельсинки, а также театр *Эстония* в Таллине.

В 1913 году Виви Лённ переехала в Ювяскюля, где по ее проектам были построены школы, фабрики и другие общественные здания, в том числе, уже в начале 1940-х годов, Геофизическая обсерватория в Sodankylä, а также несколько вилл.

В европейской архитектуре имя Виви Лённ связывают в первую очередь со строительством школ. Она построила более 30 школ в разных городах Финляндии. Предложенная В. Лённ

Частные виллы, современный вид
(Мариехамн. 1890-е годы. Арх. Х. Хонгелл)

поэтажная планировка (традиционная коридорная система была заменена системой рекреаций, вокруг которых располагались классы) была новым словом в строительстве учебных заведений в Финляндии. Некоторые школьные здания сохранились и используются до сих пор по своему прямому назначению.

К сожалению, имя Виви Лённ на долгие годы было забыто. Это во многом объясняется тем, что фамилия Лённ указывалась только на совместных проектах, разработанных с А. Линдгреном, и то не всегда. Что же касается ее собственных проектов, которых было значительно больше, то имя автора на них просто «забывали» поставить. Тем не менее в 1959 году Виви Лённ получила звание почетного профессора от Финской ассоциации архитекторов, став первой женщиной-профессором в истории Финляндии [4]. Театр *Эстония* (1908), совместное произведение Виви Лённ и Армаса Линдгрена, был увековечен на почтовой марке.

В 1910-х годах модерн постепенно начинает сдавать позиции – наступает эпоха индустриализма и функционализма. Многими эти изменения были восприняты как глоток свежего воздуха в атмосфере национальной самодостаточности, с практической же точки зрения дорогостоящее индивидуальное строительство, актуальное в эпоху модерна, уже не отвечало растущим потребностям нового времени. Однако именно финский модерн в сочетании с реализацией национальной идеи явился колыбелью финской архитектурной школы, в том числе и финского функционализма.

Школа «Aleksanteri», современный вид
(Тампере. 1903. Арх. В. Лённ)

Главная пожарная часть, современный вид
(Тампере. 1907. Арх. В. Лённ)

Вклад Хильды Хонгелл и Виви Лённ в формирование финской архитектурной школы трудно переоценить, ибо архитектурные памятники, созданные по их проектам, не только знаменовали определенные вехи в творчестве самих архитекторов, но и способствовали выходу архитектуры Финляндии на европейский уровень. Творчество Хонгелл и Лённ представляет интерес для исследователей не только потому, что они успешно соединяли архитектуру рубежа веков с новейшими достижениями инженерной мысли и решением градостроительных задач, но и потому, что оставили после

себя обширное и разнообразное архитектурное наследство. Эти архитекторы разрабатывали свои проекты не в уединении частного архитектурного бюро, а в окружении коллег и единомышленников, и их совместная деятельность стала стартовой вехой в становлении финской национальной архитектурной школы. И, наконец, их успешная профессиональная деятельность вела к изменению отношения общества к женщинам-архитекторам.

Здание Нового студенческого клуба, современный вид (Хельсинки. 1907. Арх. А. Линдгрен, В. Лённ)

Здание музыкальной школы «Ebenizer», современный вид (Хельсинки. 1908. Арх. В. Лённ)

А

В

Здание школы для девочек, фасад (А) и план 1-го и 2-го этажа (В)
(Тампере. 1899. Арх. В. Лённ. *Архив Музея архитектуры Финляндии*)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вейнингер О.** Пол и характер. М.: Астрель, 2012. 512 с.

2. **Курбатов В.Я.** Женские политехнические курсы и первые женщины-инженеры // Природа. 1947. № 3.

3. **Mariehamns** stad. Ålands Konstmuseum. Mariehamn, 2005. 17 p.

4. **Markelin U.** Profiles: Pioneering Women Architects from Finland. Museum of Finnish Architecture, 1983. 72 p.

5. **Nikkanen-Kalt P.** Female architects in Finland. Режим доступа: http://arvha.org/sitescd/archi_fem/arvha_french/info_arvha/document_info/paivi_nikkanen_uk.htm/ (дата обращения: 11.04.2014).

6. **Suominen-Kokkonen R.** The fringe of a profession: women as architects in Finland from the 1890's to the 1950's. Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja, 1992. 138 p.

7. **100 Faces** from Finland: A Biographical Kaleidoscope (Studia Biographica. Helsinki, Finland). By Ulpu Marjomaa and Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (Dec. 31, 2000). 625 p.

M.K. Kabakchi

FIRST WOMEN ARCHITECTS IN FINLAND AND THEIR CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF FINNISH SCHOOL OF ARCHITECTURE

KABAKCHI Margarita K. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: Mkabakchy@mail.ru

The article is dedicated to the formation of Finnish school of architecture in the late XIX – early XX century. Finland was the first country where women got a chance not only to get professional education in architecture but also to obtain the diploma of an architect. The careers of the first Finnish female architects S. Hornborg, H. Hongell and W. Lönn took place during the period of national romanticism and make an interesting subject for research as they managed to combine architectural style of the turn of the century with modern engineering achievements as well as solving of city planning tasks. Their architectural heritage is abundant and versatile. Their successful careers stimulated changes to women-architects in European countries.

FINLAND; FINNISH ARCHITECTURAL SCHOOL; WOMEN-ARCHITECTS; S. HORNBORG; H. HONGELL; W. LÖNN.

REFERENCES

1. Veyninger O. *Pol i kharakter* [Sex and character]. Moscow, Astrel Publ., 2012. 512 p. (In Russ.)

2. Kurbatov V.Ya. [Women's Politechnical Courses and the first women-engineers]. *Priroda*, 1947, no. 3. (In Russ.)

3. Mariehamns stad. Ålands Konstmuseum. Mariehamn, 2005. 17 p.

4. Markelin Ulla. Profiles: Pioneering Women Architects from Finland. Museum of Finnish Architecture, 1983. 72 p.

5. Nikkanen-Kalt Päivi. Female architects in Finland. Available at: http://arvha.org/sitescd/archi_fem/arvha_french/info_arvha/document_info/paivi_nikkanen_uk.htm/ (accessed 11.04.2014).

6. Suominen-Kokkonen Renja. The fringe of a profession: women as architects in Finland from the 1890's to the 1950's. Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja, 1992. 138 p.

7. 100 Faces from Finland: A Biographical Kaleidoscope (Studia Biographica. Helsinki, Finland). By Ulpu Marjomaa and Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (Dec. 31, 2000). 625 p.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 316.334.61

Н.А. Леонова, Т.Т. Каверзнева, А.И. Ульянов

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ СВЯЗЬ КУРСОВ ФИЗИКИ, БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТЕХНОСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЛЕОНОВА Наталья Алексеевна – *доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат педагогических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: n_leonova_72@mail.ru

КАВЕРЗНЕВА Татьяна Тимофеевна – *доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат технических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: kaverztt@mail.ru

УЛЬЯНОВ Алексей Игоревич – *ассистент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: uljanovalexsei@bk.ru

В статье представлены результаты педагогического мониторинга, проведенного в Институте военно-технического образования и безопасности. Рассмотрены проблемы, связанные с отсутствием у студентов первого курса профессиональной мотивации и ограничением учебного времени, отведенного на изучение дисциплин в системе бакалавриата, по сравнению с подготовкой инженеров. Авторами проведен педагогический эксперимент по сопряжению учебных дисциплин естественно-научного и профессионального циклов. Предложены способы оптимизации в рамках направления подготовки «Техносферная безопасность».

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ; ТЕХНОСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ.

Переход на новые федеральные государственные образовательные стандарты привел к структурным изменениям пространства системы профессиональной подготовки. Трансформировалась концепция высшего профессионального образования. Особенно сильно изменились структура и содержание инженерно-технического направления.

Выпускники – бакалавры по направлению «Техносферная безопасность» по профилям «Безопасность технологических процессов и производств» должны владеть компетенциями:

1) *общекультурными*:

- сознание необходимости, потребности и способности учиться;
- понимание ценности культуры, науки, производства, рационального потребления;
- способность к абстрактному и критическому мышлению;
- исследование окружающей среды для выявления ее возможностей и ресурсов;
- способность к принятию нестандартных решений по проблемным ситуациям и их разрешению;

2) *профессиональными*:

• способность пропагандировать цели и задачи обеспечения безопасности человека и природной среды в техносфере;

• способность решать задачи профессиональной деятельности научно-исследовательскими коллективами.

Профессиональные требования, предъявляемые к инженеру по специальности «Защита в чрезвычайных ситуациях» по направлению «Безопасность жизнедеятельности», включают:

• знания современной естественно-научной картины мира, т. е. суммарное знание о природе, обществе и современных производственных технологиях;

• умения оперировать своими знаниями и навыками с целью получения новых знаний, анализировать и корректировать результаты своей личностной и производственной деятельности;

• умения создавать новые технологии, преобразовывать прежние;

• умения структурировать информацию для организации совместной работы системы «человек – машина» (искусственный интеллект);

• навыки профессиональных коммуникаций.

Таким образом, профессиональные требования, предъявляемые бакалавру, практически не отличаются от квалификационных требований инженера. Бакалавр и инженер должны решать производственные задачи, управлять коллективом и продолжать самостоятельно дальнейшее профессиональное образование.

Однако при сравнении систем подготовки инженеров и бакалавров по данному направлению можно выявить существенное различие между ними. Время, отведенное на изучение дисциплин естественно-научного цикла в профессиональной подготовке бакалавра, значительно сократилось. Учить физику, высшую математику, химию будущие бакалавры будут меньше по времени, но в том же объеме по содержанию. Так, например, на изучение физики в системе подготовки специалиста отводится четыре семестра объемом 424 часа, из них аудиторных – 204 часа. Курс также включает полноценный лабораторный практикум по разделам «Механика», «Электромагнетизм», «Оптика». Рабочая программа по физике в бакалавриате рассчитана на 340 часов, из них аудиторных – 144 часа. Изменилось и отношение к лабораторному практикуму: его стало меньше – всего 9 лабораторных экспериментов.

Таким образом, в процессе преподавания естественно-научных дисциплин возникли следующие противоречия:

1) резкое сокращение часов, отводимых на изучение курсов физики, высшей математики, химии при неизменности содержания;

2) неравномерность изучения дисциплин по семестрам;

3) уменьшение лабораторного практикума или отказ от него вообще.

Данные курсы с первых дней обучения формируют образовательную позицию студента, его естественно-научную картину мира. В сложившихся обстоятельствах роль и значимость естественно-научных дисциплин не уменьшаются, а возрастают. Сокращено отведенное время на изучение дисциплин и на специальных кафедрах. Из дипломного проектирования (или дипломной работы) бакалавров раздел по безопасности жизнедеятельности (или охране труда) вообще исчез, что наносит удар по их профессиональной подготовке. Непонятно, как можно защищать проект (работу), в которой не рассмотрены вопросы по обеспечению безопасной эксплуатации любого разрабатываемого объекта или действий в аварийных ситуациях. Выпускник с недостаточным багажом знаний по вопросам безопасности (охраны труда) не может руководить людьми, отвечать за их безопасность.

В результате разработки рабочей программы по курсу физики в соответствии с новыми требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования возникла необходимость исследовать уровень подготовки абитуриентов и наличие у них профессиональной мотивации. На базе института военно-технического образования и безопасности Санкт-Петербургского государственного политехнического университета в 2012–2014 годах проводился педагогический мониторинг. Его цель заключалась в определении трудностей, которые испытывают студенты при обучении на младших курсах. В результате было выявлено, что студентов, испытывающих трудности при обучении, можно разделить на три группы:

1) *выпускники физико-математических школ* (27 %), имеющие максимальные баллы по ЕГЭ.

Кроме того, в большинстве случаев они получили дополнительное образование в рамках семьи: достаточно свободное общение на иностранном языке, знание компьютерной техники. По мнению опрошенных студентов в рамках группы, «они всё знают, им не интересно учиться». Такие студенты являются лидерами групп в обучении и в неформальном общении. Они энергичны и целеустремленны;

2) *выпускники непрофильных школ* (30 %), имеющие невысокие баллы по ЕГЭ. Они «испытывают страх» при опросах на учебных занятиях, очень нерешительны в обучении.

Студенты первой и второй групп имеют четкие представления о своем будущем профессиональном образе. Знают, кем хотят быть, где будут работать. Трудности в обучении они испытывают по-разному: сильным студентам скучно учиться, а слабым, с минимальным объемом знаний по естественно-научным дисциплинам, их не хватает;

3) *абитуриенты, не обладающие профессиональной мотивацией* (43 %), имеющие различные результаты по ЕГЭ. Они выбрали данное направление, так как не прошли по конкурсу на первоначально выбранную специальность.

Таким образом, большая часть студентов первого курса не обладают мотивацией к будущей профессиональной деятельности, им не интересно учиться.

Перед преподавателями, работающими со студентами младших курсов, стоят две проблемы: отсутствие мотивации и нехватка учебного времени. Возникает необходимость переосмыслить свои педагогические методы и подходы, разработать новые образовательные технологии, «по-новому учить». Однако содержание учебного курса дисциплины должно соответствовать отведенным часам, а его объем – отвечать современным научным достижениям, быть целостным и завершенным, отражать профессиональное направление.

При формировании учебного материала нами был проведен опрос преподавателей естественно-научных и профессиональных дисциплин. Изучены темы и разделы физики, необходимые для дальнейшего обучения, выявлены общие термины, базовые понятия. В нем принимали участие преподаватели дисциплин: «Высшая математика», «Электротехника», «Химия» «Гидравлика», «Теплотехника». По предложению преподавателей кафедр «Управление и защита в чрезвычайных ситуациях» и «Безопасность жизнедеятельности» в курс физики были введены темы «Механика жидкостей и газов» и «Цепи переменного тока». В разделе «Атомное ядро» предложено уделить внимание теме «Радиоактивность. Ядерные реакции». Таким образом, был сформулирован учебно-профессиональный заказ, который создал основу содержания «нового курса физики». Учебно-профессиональный заказ – необходимый объем знаний по одной из дисциплин для успешного освоения профессионально значимых дисциплин в системе. В свою очередь, для преподавателей высшей математики разработан свой учебно-физический заказ, проведено сопряжение терминов, понятий, определена последовательность изложения необходимых математических знаний в курсе физики, подготовлены физические примеры для отработки навыков дифференцирования и интегрирования на практических занятиях. В результате совместной работы были выделены базовые понятия дисциплин, исключено дублирование учебных вопросов в других дисциплинах естественно-научного цикла. В результате появилось сэкономленное дополнительное время, которого так не хватало.

При разработке содержания практических занятий и упражнений по данному курсу были определены следующие требования к выбору задач:

1. Задачи должны иметь техническое содержание, сопровождаться схемами, графиками, чертежами.

2. Содержание задач должно соответствовать профессиональной направленности студентов.

3. Задачи должны характеризоваться не только количественным, и но качественным, экспериментальным характером решения.

В задачах качественного характера внимание акцентируется на физические модели реальных явлений, математические вычисления при этом не делаются. Решение данных задач основывается на теоретических обобщениях и логических умозаключениях, развивает техническое мышление, готовит к профессиональной деятельности. Еще в 1923 году в работе «Техническое мышление и творчество. Введение в современную технику» профессор Ганфштенгель отмечал: «...Основные понятия и простейшие

приемы мышления должны стать для инженера теми обычными орудиями, которыми он владеет в совершенстве. Часто поражаешься, к какому сравнительно ничтожному количеству простейших элементов можно свести сложные задачи бесконечно многосторонней техники» [1, с. 12]. Решение качественных задач можно проводить в режиме интерактивных обсуждений, деловых игр, что будет способствовать усвоению и закреплению пройденного материала. При решении задач у студентов должны формироваться и развиваться личностные качества, техническое мышление:

1. В решениях задач должны использоваться умения обобщать и конкретизировать физические и технические явления.

2. В основе решения задач должны быть комбинаторные умения, умения устанавливать функциональные отношения между отдельными элементами, объединять на основе общего замысла в единое целое.

3. При решении должны использоваться умения распознавать причинно-следственные связи между различными физическими и техническими явлениями.

4. В основе решения задач должны лежать умения оперировать пространственными образами физических и технических объектов, которые находятся в статическом или динамическом положении в пространстве.

Для организации практических занятий преподавателями кафедр «Экспериментальная физика» и «Безопасность жизнедеятельности» был подготовлен сборник примеров и задач по техносферной безопасности, в который вошли задачи с профессиональным содержанием» [2, с. 58].

Приведем некоторые примерные задачи из данного учебного пособия.

1. Баллоны ламп накаливания в целях безопасной эксплуатации заполняют азотом при пониженных температуре и давлении. Почему заполнение производят при таких условиях?

2. По небрежности горячий утюг после окончания глажения поставили на неровную поверхность стола, застланную тканью, и утюг (в отсутствие человека) опрокинулся на стол. Опасна ли эта ситуация, может ли она стать причиной пожара?

3. На складе хранятся по одному металлическому баллону одинакового объема (40 литров) с газами, которые не являются горючими: аргоном, азотом и диоксидом углерода. Газы находятся под одинаковым давлением. В соседнем со складом помещении начался пожар, возникла опасность распространения огня на склад с баллонами. Расчет показал, что есть время для безопасного выноса со склада только одного баллона. Какой баллон надо выносить в первую очередь?

В настоящем учебном пособии собраны физические задачи прикладного характера, направленные на проблемы, связанные с обеспечением безопасности человека в быту и на производстве. Показано, как физическими законами можно объяснить те или иные требования безопасности, предъявляемые к обслуживающему персоналу при работе на машинах, механизмах, приспособлениях. Эти знания помогут принять верное решение в экстремальной (аварийной) ситуации.

Пособие включает два типа задач: качественного и расчетного характера. Решение качественных задач можно проводить в режиме интерактивных обсуждений, деловых игр, что будет способствовать усвоению и закреплению пройденного материала. Задачи имеют несколько вариантов условий. Это позволит преподавателям как проводить занятия в аудиторные часы, так и выдавать подобные расчетные задания для самостоятельной подготовки.

Однако только создание оптимального содержания «нового курса физики» не позволяет преподавателю научить студента физике, а студенту – выработать свою образовательную траекторию и отношение к получаемой профессии. Необходимо разработать и внедрить активные формы обучения.

Наиболее удачной формой проведения практических занятий является использование ретроспективного повторения на завершающем этапе изучения темы, раздела, т. е. использование физических обобщений, примеров с профессиональным содержанием. Цель этой ретроспекции – переосмысление, переоценка знаний, корректировка сложившейся у студентов к моменту повторения системы знаний под новым углом зрения. Остановимся на конкретной проблеме – использовании обобщений в форме теоремы статического равновесия. Особенность предлагаемой методики состоит в том, что в уравнениях равновесия нет специальных

оговорок о физической природе сил. Это, возможно, будут силы как гравитационные, так и электромагнитные. Поэтому не следует ограничиваться только механикой. Теорема актуальна в следующих разделах курса: «Динамика поступательного и вращательного движения», «Статика (аэростатика, гидростатика)», «Электрические и магнитные явления», а также при объяснении ряда явлений молекулярной физики и физики атомного ядра. Применение методов геометрической статики позволяет решить целый ряд задач твердого тела. Их можно классифицировать на два типа:

- приведение систем сил, действующих на твердое тело, к простейшему виду;
- определение условий равновесия сил, действующих на твердое тело.

Следующими обобщающими занятиями могут быть ретроспективные демонстрации, завершающие изучение разделов «Механика», «Молекулярная физика», «Термодинамика», «Электромагнетизм», «Оптика» и «Атомная физика». Подобных занятий в курсе пять. В каждом из них не более десяти демонстраций физических явлений. Таким образом, завершается изучение одного раздела физики и происходит переход к новому. Отметим, что эффективность данных занятий обусловливается активностью самих студентов. Преподаватель заранее раздает «проблемные задачи, темы, вопросы», и на занятиях обсуждаются возможные пути их решения. При организации подобных занятий следует особо подчеркнуть профессиональную значимость представляемых физических демонстраций, физических приборов. Так, при рассмотрении оптических квантовых генераторов следует обратить внимание на примеры использования лазеров в техносферной безопасности.

Организация подобных занятий создает предпосылки для организации самостоятельной работы студентов, на которую в рабочей программе отводится 136 часов.

Экспериментальное использование примеров по техносферной безопасности не только формирует у студентов мотивацию к будущей профессиональной деятельности, но и осуществляет преемственность между дисциплинами естественно-научного и профессионального циклов, формирует профессиональные компетенции.

Изменение парадигмы высшего профессионального образования, переход на новые федеральные государственные образовательные стандарты создают немало проблем для преподавателей всех дисциплин. Преодолеть их можно только совместными усилиями, разработав новые образовательные технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ганфштенгель Георг фон.** Техническое мышление и творчество. Введение в современную технику. Берлин: Восток, 1923.

2. **Каверзнева Т.Т., Леонова Н.А., Ульянов А.И.** Техносферная безопасность в примерах и задачах по физике: учеб. пособие. Ч. 1. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014.

N.A. Leonova, T.T. Kaverzneva, A.I. Ulyanov

INTERDISCIPLINARY COMMUNICATION COURSES OF PHYSICS, LIFE SAFETY AND SAFETY OF TECHNOSPHERE

LEONOVA Nataliya A. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: n_leonova_72@mail.ru

KAVERZNEVA Tatyana T. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kaverztt@mail.ru

ULYANOV Aleksey I. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: uljanovalexsei@bk.ru

The results of the pedagogical monitoring carried out at the Institute of military-technical education and security, which reveal the following issues: 1) the majority of first-year students do not have a professional motivation; 2) study the time allotted for the study of subjects in the bachelor's degree is smaller than in the training of engineers. However, the professional requirements for vypuknikam same. Necessary to optimize the curriculum disciplines. We offer training to avoid duplication of information within estestvenonauchnogo cycle and spend time studying the pairing courses, use professional examples during practical classes. The authors made a pedagogical experiment pairing disciplines of science and professional cycles suggest ways of optimizing them under the direction of preparation "Technosphere Safety".

PROFESSIONAL EDUCATION; HEALTH AND SAFETY; TECHNOSPHERE SAFETY; TRAINING OF BACHELORS.

REFERENCES

1. Ganfshtengel Georg fon. *Tekhnicheskoye myshleniye i tvorchestvo. Vvedeniye v sovremennuyu tekhniku* [Technical thinking and creativity. Introduction in modern equipment]. Berlin, Vostok Publ., 1923. (In Russ.)

2. Kaverzneva T.T., Leonova N.A., Ulyanov A.I. *Tekhnosfernaya bezopasnost' v primerakh i zadachakh po fizike*. Pt. 1 [Technosphere safety in examples also I withered on physics]. St. Petersburg, St. Petersburg State Polytechnical University Publ., 2014. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 378:811.111

М.М. Степанова, Г.С. Трофимова

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОФИЛЬНОЙ МАГИСТРАТУРЕ

СТЕПАНОВА Мария Михайловна – *доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат педагогических наук*.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: info@terralinguistica.ru

ТРОФИМОВА Галина Сергеевна – *профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор педагогических наук*.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: marinasiraeva@mail.ru

Рассмотрены компетентностный и коммуникативный подходы к профессиональной подготовке переводчика в магистратуре. Сформулированы основные задачи обучения магистров-переводчиков и предложены пути их решения. Обоснована целесообразность использования таких средств и приемов обучения, как техника вербализации, составление кроссвордов на знание терминов переводоведения, коммуникативный тренинг, анализ опыта ведущих переводчиков и негативных переводческих прецедентов (ошибок).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ; МАГИСТРАТУРА; КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД; КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД; ТЕХНИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ; КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНИНГ.

Современное общество предъявляет все более высокие требования к качеству профессиональной подготовки переводчика. В настоящее время характеристика профессионализма осуществляется в терминах профессиональной компетентности и составляющих ее компетенций. Под профессиональной переводческой компетентностью в современных исследованиях понимается «интегральная характеристика профессиональных и личностных качеств переводчика, отражающая совокупность знаний, умений и способностей, которые позволяют ему эффективно решать профессиональные задачи» [1, с. 59].

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 «Лингвистика» (квалификация (степень) «магистр») перечислено девять профессиональных компетенций, имеющих непосредственное отношение к выполнению переводческой деятельности (ПК-11 – ПК-19). Они касаются выполнения всех видов перевода – как письменного, так устного (последовательного и синхронного). Это свидетельствует о том, что требования к профессиональной подготовке переводчика в профильной магистратуре чрезвычайно высоки, и в связи с этим обучение магистров-переводчиков в современных условиях требует пересмотра традиционных подходов, способов и методов обучения.

По нашему мнению, подготовка переводчиков в профильной магистратуре должна осуществляться в первую очередь на базе компетентностного и коммуникативного подходов.

Компетентностный подход положен в основу федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС ВПО). Суть компетентностного подхода заключается в ориентации на результат. Результат представляет собой набор ключевых компетенций в отличие от результата в контексте знаниевого подхода или предметоцентрированного, при котором единицей образованности человека

были знания, умения, навыки (ЗУН). В современном понимании компетенция как результат обучения представляет собой интегративное сочетание ЗУНов, способностей человека и его личностных качеств, единство теоретического знания и практической деятельности [2]. Компетентностный подход, таким образом, предполагает не только владение ЗУНами, но и приобретение опыта их применения уже в рамках вузовского обучения.

Коммуникативный подход к подготовке переводчиков в магистратуре основывается на утверждении, что для успешной профессиональной деятельности в сфере перевода выпускник магистратуры должен овладеть не только навыками перевода с одного языка на другой, но и умениями использовать их в различных ситуациях реальной коммуникации.

Профессиональная подготовка магистров-переводчиков в современных условиях направлена на решение следующих задач:

1) овладение теоретической базой профессии переводчика, в том числе освоение категориального аппарата переводоведения на родном и иностранных языках;

2) овладение практическими навыками письменного и устного перевода;

3) овладение коммуникативной компетенцией и навыками социализации, позволяющими вступать в профессиональное и межличностное общение на родном и иностранных языках.

Одним из наиболее важных аспектов внедрения практико-ориентированного компетентностного подхода в учебный процесс является использование активных и интерактивных методов обучения [3]. Поэтому считаем целесообразным для реализации указанных выше задач применять в ходе профессиональной подготовки переводчиков в профильной магистратуре на современном этапе описанные ниже активные способы и приемы.

Важность теоретической подготовки переводчика не подлежит сомнению. Практические навыки перевода должны подкрепляться солидной теоретической базой, которая включает знание основных теорий, описывающих процесс переводческой деятельности и ее результаты, а также владение основными понятиями и терминологией профессии на родном и иностранном языке. Традиционные формы работы, которые используются при обучении теоретическим аспектам перевода, обычно сводятся к лекциям и семинарским занятиям, на которых активность и творческий потенциал студентов ограничиваются подготовкой докладов и презентаций по изучаемым темам.

Для того чтобы усвоение теории перевода было более эффективным, предлагаем в рамках реализации рассмотренных выше компетентностного и коммуникативного подходов активизировать деятельность магистрантов посредством применения техники вербализации, являющейся одним из подвидов «активного слушания», которое включает в себя такие приемы, как уточнение, парафраз, отражение чувств, резюмирование [4, с. 15].

Целесообразность вербализации определяется тем, что одним из приоритетных навыков, необходимых переводчику в его профессиональной деятельности, связанной с работой с информацией, является отделение основного от второстепенного и передача информации адекватно поставленной цели (сжато, полно или выборочно). Формирование этого навыка при обучении теоретическим и практическим аспектам переводоведения наиболее эффективно реализуется именно посредством вербализации.

Под вербализацией мы понимаем точное словесное описание содержания воспринимаемой информации, проговаривание ее с партнером или в мини-группе с целью понимания и усвоения [5].

В ходе изучения нового теоретического материала на занятиях по теории перевода преподаватель может намеренно создавать ситуации, при которых студенты поставлены перед необходимостью обратиться за разъяснениями или уточнениями. Подобный навык наиболее успешно формируется и отрабатывается в парной работе. Преподаватель дает задание магистрантам самостоятельно освоить часть информации, т. е. изучить материал по определенной теме переводоведения на родном или иностранном языке, а затем обсудить прочитанное с партнером. При этом необходимо применять указанные выше приемы активного слушания, что способствует лучшему усвоению и запоминанию информации, развитию речи, формированию коммуникативной компетенции, овладению понятийным аппаратом науки.

В ходе вербализации новая информация (термины, определения и т. п.) нуждается в пе-

реосмыслении и уточнении. Студенты переформулируют ее с сохранением смысла исходного сообщения. Для этого используются синонимичные лексические единицы, преобразуются грамматические конструкции, что способствует активизации речевых навыков.

На занятиях по теории перевода проговаривание новой информации осуществляется в парах или микрогруппах. После этого организуется обсуждение в аудитории всеми студентами, которые выражают согласие или несогласие с определенными аргументами, что в конечном счете приводит к интерпретации полученной информации и ее усвоению.

Благодаря овладению приемами вербализации, магистранты учатся отделять в прочитанном или услышанном основную информацию от второстепенной, передавать содержание информации на языке перевода (родном или иностранном) в зависимости от ситуации и цели осуществления переводческой деятельности (сжато, полно, выборочно), а также обосновывать свои суждения, развивать навыки убеждения, участвовать в совместном принятии решений. При этом происходит овладение навыками говорения и аудирования, формируется умение вести конструктивный диалог. Методика активного слушания обеспечивает развитие личности будущего переводчика, для которого навыки активного слушания являются профессионально и личностно значимыми.

Для усвоения основных понятий и терминов переводоведения в активной форме рекомендуется использование кроссвордов. Как известно, кроссворд является одним из наиболее распространенных и популярных во всем мире интеллектуальных развлечений. Во многих странах проводятся чемпионаты по решению и составлению кроссвордов. Кроссворды применяются в обучении различным предметам, в том числе и иностранным языкам. Однако при обучении теоретическим аспектам переводоведения кроссворды редко используются для целей развития предметных компетенций.

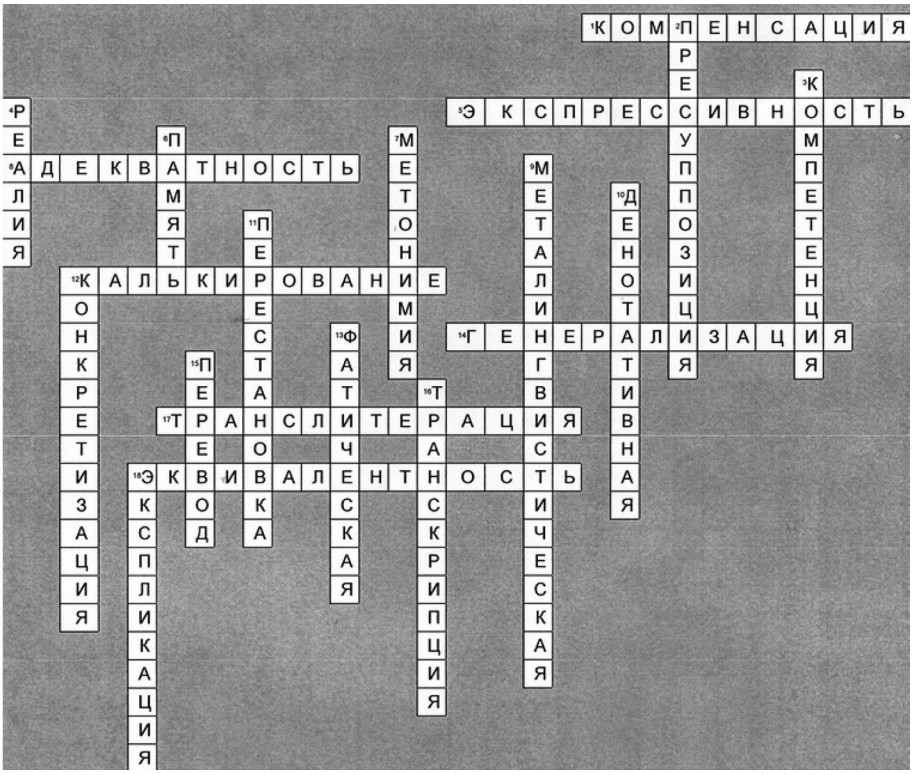
Наш опыт показывает, что задания на решение и составление кроссвордов способствуют интенсивному запоминанию и усвоению профессиональной терминологии. Проверочные работы в форме кроссвордов являются альтернативой традиционным опросам и тестированию, которая вызывает интерес у студентов, активизирует их учебную деятельность и повышает учебную мотивацию.

При изучении новых тем переводоведения магистрантам сначала предлагается решить несколько кроссвордов, а затем даются задания на их составление. Для составления кроссвордов могут использоваться ресурсы сети Интернет, позволяющие сделать это быстро и в красивой форме. В частности, для составления кроссвордов на русском языке можно порекомендовать такие ресурсы, как http://cross.highcat.org/ и http://crosswordus.com/ru/puzzlemaker, на английском языке – http://www.puzzle-maker.com и http://puzzlemaker.discoveryeducation.com/.

Одним из контрольных заданий по курсу теории перевода может стать составление кроссворда на основе изученных в курсе терминов. Выполняя контрольную работу в форме составления кроссворда, будущие переводчики глубже понимают процессы терминообразования, повышают уровень своей лингвистической компетенции. Мы считаем оптимальным составление кроссворда, включающего от 15 до 20 терминов. На рисунке показан пример кроссворда, составленного одним из магистрантов. На занятии студенты обмениваются кроссвордами, решают и оценивают их.

При использовании подобных заданий важно показать различия между принципами составления кроссвордов на русском и английском языках. В России при составлении кроссвордов традиционно допускается использование исключительно имен существительных (как нарицательных, так и собственных) в именительном падеже единственного числа. Исключением являются только имена существительные, не имеющие единственного числа (например, «ножницы»). В русскоязычных кроссвордах никогда не используются сложные слова, которые пишутся через дефис, а также слова, имеющие уменьшительно-ласкательную окраску.

В англоязычных кроссвордах могут использоваться не только имена существительные. В них нередко встречаются вопросы, требующие ответа в форме инфинитива. Кроме того, в англоязычных кроссвордах могут встречаться ответы, состоящие из нескольких слов. Эти различия необходимо учитывать при составлении кроссвордов по терминологии переводоведения на русском и английском языках. Возмож-



Пример кроссворда на знание терминологии переводоведения

но составление кроссвордов, где ответ является переводом термина с одного языка на другой. Это способствует не только более прочному усвоению терминологической лексики, но и развитию переводческих навыков.

Для решения второй задачи профессиональной подготовки переводчика в магистратуре на основе компетентностного и коммуникативного подходов – овладения магистрантом практическими навыками письменного и устного перевода – подтвердила свою эффективность такая инновационная технология, как коммуникативный тренинг.

С методической точки зрения тренинг представляет собой разновидность интерактивного обучения, которая реализует личностно-деятельностный подход к обучению, воспроизводя ситуации социального и профессионального взаимодействия. Тренинговая технология предполагает активное воздействие на обучаемого [6]. Коммуникативный тренинг как инструмент формирования переводческой компетенции нацелен на развитие и закрепление практических умений и навыков осуществления переводческой деятельности в соответствии с требованиями реальных ситуаций, имеющих место в работе переводчика.

При этом предполагается, что необходимые переводчику механизмы аудирования речи на иностранном языке, техники воспроизведения устной и письменной речи уже созданы у будущих переводчиков в ходе предыдущего обучения. Организация коммуникативного тренинга при обучении переводу в профильной магистратуре должна основываться на полилоге и предполагать равноправные межличностные отношения в группе и между преподавателями и студентами, наличие постоянной обратной связи, само- и взаимодиагностику, вовлеченность каждого члена учебной группы в процесс тренинга при сохранении личного пространства.

При организации тренинговой формы обучения эффективно решаются задачи психологической подготовки будущих переводчиков к профессиональной деятельности, к реальным ситуациям при выполнении устного или письменного перевода. Магистранты с самого нача-

ла должны учиться публичному выступлению, представлять себя на сцене или в переводческой кабине, в ходе переговоров с заказчиком и др. На это необходимо обращать внимание студентов даже при выполнении самых простых переводческих упражнений. Это обеспечивает решение задачи приобретения опыта профессиональной деятельности. Во время всего периода обучения преподавателям нужно стремиться к тому, чтобы целенаправленно создавать реалистичные стрессовые ситуации, постепенно подготавливая студентов к работе переводчика [7, с. 91].

В ходе обучения рекомендуется анализировать со студентами каждую ситуацию, которая может сложиться в ходе работы переводчика, обсуждать поведение ее участников, предлагать все возможные варианты поведения переводчика в каждом конкретном случае. Рекомендуется проигрывать подобные ситуации в группе, меняя роли, которые «играют» студенты. Таким образом, обучение переводу, особенно устному, приобретает характер психологического тренинга, который основывается на интерактивной ролевой игре.

При разработке заданий для коммуникативного тренинга переводчика мы исходим из того, что все предлагаемые задания должны быть нацелены на формирование составляющих переводческой компетенции. Задания необходимо подбирать таким образом, чтобы обеспечить возможность их неоднократного выполнения, но не механически, а с различных точек зрения, учитывающих различные ситуации переводческой деятельности, а также индивидуальность каждого обучаемого.

Разумеется, традиционные методы и приемы обладают обучающим потенциалом. Так, в практике подготовки переводчика невозможно обойтись без использования системы специально разработанных упражнений, однако их отбор должен осуществляться с учетом современных требований к профессиональной подготовке переводчика.

При обучении переводческой деятельности необходимо, прежде всего, принимать во внимание ее рецептивно-репродуктивный характер. Поэтому упражнения для обучения как устному, так и письменному переводу включают группы упражнений для совершенствования навыков и умений аудирования и чтения исходного текста, а также группы упражнений, направленных на совершенствование навыков и умений языкового оформления текста перевода на родном и иностранном языке. Упражнения, предлагаемые на занятиях по практике перевода, группируются таким образом, чтобы студентам приходилось постепенно осваивать все новые языковые, речевые, психологические трудности осуществления переводческой деятельности.

Очевидно, что упражнения для обучения переводу должны быть разнообразными по своему назначению. Часть упражнений направлена на развитие психологических качеств, необходимых магистранту для овладения навыками и умениями перевода. Это включает развитие перцептивных и мнемических способностей. Другая группа упражнений направлена на отработку и закрепление специальных навыков и умений того или иного вида перевода (письменного полного, реферативного, устного последовательного, синхронного и др.). Третья группа упражнений предназначается для формирования умений объединения отдельных действий и операций переводчика в единый переводческий процесс.

Каждое упражнение, применяемое на практических занятиях по переводу, направлено на овладение обучаемыми конкретным видом перевода (например, устным последовательным или синхронным переводом на слух, переводом с листа и т. д.) и на тренировку в выполнении этого упражнения в заданных языковых комбинациях и в рамках определенных лексических тем, предлагаемых в курсе обучения. В частности, в практике работы с магистрантами первого года обучения мы опираемся на темы, которые предлагаются в курсе перевода Д.С. Мухортова: «Elections», «Society», «Education», «Crime and Punishment» и «Mass Media» [6].

В настоящее время целью обучения практике переводческой деятельности является формирование переводческой компетентности, которая включает в себя как традиционные компетенции переводчика, так и техническую компетенцию: навыки владения компьютером для оформления и редактирования текстов, пользования ресурсами Интернета, применения различных видов оборудования с учетом особенностей переводческой деятельности в современном мире и т. д.

Важным аспектом является применение на занятиях по теории и практике перевода современных технологий, которые позволяют демонстрировать образцы переводческой деятельности. В качестве ресурсов мы рекомендуем использовать многочисленные видеозаписи международных конференций, пресс-конференций, интервью известных лиц, представленные в Интернете. Целесообразно также пользоваться материалами персональных страничек переводчиков, где они выкладывают образцы своих работ. Например, несколько записей синхронного перевода высокого уровня можно найти на персональном сайте известного российского переводчика Д.И. Ермоловича (http://yermolovich.ru). Он предлагает звуковые файлы, которые позволяют одновременно слышать и оратора, и переводчика.

Подобные записи перевода демонстрируют идеальные образцы переводческой деятельности, и они могут использоваться при обучении будущих переводчиков как в качестве примеров работы переводчиков, так и в качестве материала для переводческих упражнений.

Остается актуальным и такой прием, как демонстрация переводческих ошибок с их разбором и анализом. На наш взгляд, изучение допускаемых переводчиками ошибок – важный элемент подготовки переводчиков в профильной магистратуре. Анализ переводческих ошибок представляет собой анализ отрицательных переводческих прецедентов, в результате которого у обучаемых постепенно вырабатывается «иммунитет» к наиболее типичным переводческим ошибкам. Сложно оспорить тот факт, что учиться стоит на чужих ошибках, чтобы допускать меньше своих.

Для реализации данной цели используется набор специально отобранных текстов, при переводе которых были допущены ошибки. Подбор такого рода текстов должен вестись целенаправленно и систематически. Источниками примеров переводческих ошибок являются переводы произведений художественной, публицистической, научной и научно-популярной литературы.

Помимо литературных произведений, материалом для анализа ошибок выступают и фильмы – как художественные, так и документальные. Демонстрация на занятиях по теории и практике перевода отрывков из фильмов, в которых встречаются случаи неверного перевода, становится эффективным средством обучения будущих переводчиков выявлению и анализу ошибок, допущенных их старшими коллегами.

Разумеется, при подборе отрицательных переводческих прецедентов активно используются ресурсы сети Интернет, где имеются даже специализированные сайты и блоги, в которых переводчики-профессионалы и просто увлеченные иностранным языком анализируют переводы книг, статей, фильмов и др. В частности, примеры переводов с допущенными ошибками подробно разбираются и критикуются в интернет-сообществе «Грустные переводы» (http://community.livejournal.com/sadtranslations/).

Критический разбор допущенных переводчиками ошибок представляет собой эффективное средство обучения переводу. Внимание к возможным ошибкам, умение их находить в тексте перевода способствуют повышению качества переводческого труда. Поэтому работа по выявлению и анализу переводческих ошибок должна систематически вестись при подготовке будущих переводчиков в магистратуре.

Сфера профессиональной деятельности переводчика подразумевает реализацию межличностной и межкультурной коммуникации, что вызывает необходимость в формировании у переводчика коммуникативной компетенции как на родном, так и на иностранных языках. Это третья важнейшая задача профессиональной подготовки переводчика в профильной магистратуре.

Одной из составляющих коммуникативной компетенции, как известно, является языковая культура профессионала. Под языковой культурой личности мы понимаем ее интегральное свойство, представляющее собой важнейшую часть общей культуры человека и находящее свое выражение во всех сферах человеческой жизни, и прежде всего в вербальном общении между людьми [7, с. 67].

Языковая культура личности представляет собой целостность:

- знаний (языковых, социокультурных, специализированных и др.);
- речевых, информационно-коммуникативных и творческих умений;
- ценностных отношений (к человеку, миру, языку, культуре, науке, образованию, искусству и др.);

• коммуникативной компетентности в области родного и иностранного языков;

• определенных внутренних качеств культурно развитой личности, обычно характеризуемых как духовность [8].

Языковая составляющая подготовки переводчика, помимо владения родным и иностранным языками, включает такие компоненты, как понимание особенностей профессионального (специального) языка с умением использовать его элементы в общенародном языке, владение различными речевыми стилями и жанрами речи, владение навыками гармоничного речевого общения. Это формирует речевую культуру личности как часть общей культуры профессионала в области перевода.

Представленные в статье компетентностный и коммуникативный подходы к профессиональной подготовке переводчиков в профильной магистратуре предполагают комплексное использование различного рода заданий, систем упражнений и приемов обучения, разработанных с учетом потребностей современной практики переводческой деятельности.

Разумеется, устойчивые умения и навыки перевода формируются годами, в ходе продолжительного времени практической профессиональной деятельности в области перевода, в процессе приобретения реального опыта. Однако база для работы переводчиком закладывается именно в ходе обучения в профильной магистратуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Федотова О.В.** Формирование операционной компетенции переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (английский язык, экономические специальности): дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2014. 224 с.

2. **Клюева Н.В.** Программа социально-психологического тренинга для педагогов (руководство для ведущего группы). М., 1992. 26 с.

3. **Степанова М.М., Трофимова Г.С., Ларина А.С.** Техника вербализации при обучении иностранному языку в нелингвистической магистратуре // Наука и образование в XXI веке. Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 30 сентября 2013 г. Ч. 15. Тамбов, 2013. С. 105–106.

4. **Степанова М.М., Беленкова Н.М.** Технологии коммуникативного тренинга в обучении иностранному языку магистрантов нелингвистических направлений // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2.

5. **Наймушин Б.А.** Обучение устному переводу как психологический тренинг // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 11 декабря 2009 г. Уфа, 2009. С. 89–94.

6. **Мухортов Д.С.** Практика перевода. Английский – русский. М.: Либроком, 2009. 256 с.

7. **Котляр М.М.** Формирование элементов языковой культуры учащихся при обучении химии: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 176 с.

8. **Козырев В.А., Черняк В.Д.** Современная языковая ситуация и речевая культура. М.: Флинта : Наука, 2012. 184 с.

M.M. Stepanova, G.S. Trofimova

UP-TO-DATE APPROACHES TO PROFESSIONAL TRAINING OF MASTERS OF TRANSLATION AND INTERPRETATION

STEPANOVA Mariya M. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: info@terralinguistica.ru

TROFIMOVA Galina S. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: marinasiraeva@mail.ru

The competence and communication approaches to professional training of translators and interpreters have been discussed. The main goals of MA translator and interpreter training have been reviewed and the ways of their achievement have been suggested. The usage of the following means and techniques have been proved: verbalization technique, making crosswords to control the knowledge of translation terms, communication training, reviewing best practices and errors made by translators.

PROFESSIONAL TRAINING OF TRANSLATORS AND INTERPRETERS; MA, COMPETENCE APPROACH; COMMUNICATION APPROACH; VERBALIZATION TECHNIQUE; COMMUNICATION TRAINING.

REFERENCES

1. Fedotova O.V. *Formirovaniye operatsionnoy kompetentsii perevodchikov v sfere professionalnoy kommunikatsii (angliyskiy yazyk, ekonomicheskiye spetsialnosti)*. Kand. dis. [Formation of operational competence of professional communication translators (English, economics). Cand. diss]. St. Petersburg, 2014. 224 p. (In Russ.)

2. Klyuyeva N.V. *Programma sotsial'no-psikhologicheskogo treninga dlya pedagogov (rukovodstvo dlya vedushchego gruppy)* [The program of social and pedagogical training (the group leader guide)]. Moscow, 1992. 26 p. (In Russ.)

3. Stepanova M.M., Trofimova G.S., Larina A.S. [Verbalisation technique in teaching the second language in non-linguistic MA]. *Nauka i obrazovaniye v XXI veke*. Pt. 15. Tambov, 2013. Pp. 105–106. (In Russ.)

4. Stepanova M.M., Belenkova N.M. [Communicative training technologies in teaching foreign languages in non-linguistic MA courses]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2014, no. 2. (In Russ.)

5. Naymushin B.A. [Teaching interpreting as a psychological training]. *Gumanisticheskoye naslediye prosvetiteley v kulture i obrazovanii*. Ufa, 2009. Pp. 89–94. (In Russ.)

6. Mukhortov D.S. *Praktika perevoda. Angliyskiy – russkiy* [Translation practice. English – Russian]. Moscow, Librokom Publ, 2009. 256 p. (In Russ.)

7. Kotlyar M.M. *Formirovaniye elementov yazykovoy kultury uchashchikhsya pri obuchenii khimii.* Kand. dis. [The formation of the elements of the language culture of students in teaching chemistry. Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2000. 176 p. (In Russ.)

8. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. *Sovremennaya yazykovaya situatsiya i rechevaya kul'tura* [Modern language situation and speech culture]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 184 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

Ю.С. Васильев, А.И. Федотов

ИНЖЕНЕРНЫЕ АКАДЕМИИ И ВЫСШАЯ ШКОЛА. НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

ВАСИЛЬЕВ Юрий Сергеевич – *президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор технических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: president@spbstu.ru

ФЕДОТОВ Алексей Иванович – *заместитель председателя Попечительского совета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор технических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: ps@spbstu.ru

Рассмотрены история создания и основные направления деятельности инженерных академий в России, причем особое внимание уделено Санкт-Петербургской инженерной академии. Проанализировано взаимодействие инженерных академий и высших учебных заведений. Показана эффективность сотрудничества академий и учебных заведений высшей школы в области развития перспективных направлений науки и техники, предложены наиболее актуальные направления их совместной деятельности.

ИНЖЕНЕРНЫЕ АКАДЕМИИ; ВЫСШАЯ ШКОЛА; НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОБРАЗОВАНИЕ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ; НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

Учреждение инженерных академий в России открыло новые возможности для развития науки и техники, создания и внедрения новых наукоемких технологий и технических средств, коммерциализации инновационной научно-технической деятельности в условиях рыночной экономики в федерации, в том числе и в Петербургской зоне свободного предпринимательства. Среди этих возможностей важное место занимают формирование новых организационно-экономических структур, крупных инновационных программ, технических проектов и изыскание нетрадиционных источников их ресурсного обеспечения. Однако непосредственное генерирование новых научно-технических идей, внедрение инженерных новшеств различного уровня сложности, являющиеся ядром инженерных инноваций, – прерогатива конкретных личностей и коллективов. Эффективность и успех их деятельности определяются в первую очередь творческим потенциалом, глубиной и широтой знаний, предпринимательской активностью специалистов. А все это закладывается в высшей школе. Поэтому активное участие в подготовке инженерных кадров – одна из важнейших задач инженерных академий.

Российская и Санкт-Петербургская высшая техническая школа имеет богатые традиции, восходящие к XVIII веку. Многое сделано и после 1917 года, когда были созданы втузы, занявшие достойное место в подготовке инженеров. Многие технические вузы страны обеспечивают высокий уровень подготовки своих выпускников, вполне соизмеримый с уровнем

подготовки в ведущих зарубежных вузах. Западные эксперты подтверждают соответствие учебных планов и программ подготовки по ряду специальностей сложившимся международным стандартам.

В то же время очевидны недостатки нашей системы подготовки инженеров, накапливавшиеся долгие годы. Один из них – несоответствие материальной базы многих вузов масштабам и теоретическому уровню требуемой подготовки. Другой недостаток – излишняя заданность системы. Действовала ярко выраженная тенденция готовить инженеров по жестким учебным планам с узкой специализацией, чтобы выпускать готовых инженеров для работы на определенном предприятии, и даже на определенном рабочем месте. Возможность выбора для студентов в процессе обучения сводилась к минимуму.

Сама идея присвоения вузами в массовом масштабе инженерной квалификации также является весьма спорной. Инженерная квалификация – это не только соответствующий объем знаний и умений, научно-технический потенциал, творческие возможности личности. Присвоение квалификации инженера – это подтверждение высокого уровня уже осуществленной специалистом инженерной разработки. Однако требования к дипломным проектам вузами снижены.

На наш взгляд, радикальным средством преодоления накопленных недостатков системы образования, учета новых социально-экономических условий (в частности, рыночных отношений) является многоуровневая подготовка. Суть новой системы определяется введением трех уровней подготовки с предоставлением студентам и вузам права выбора на каждом уровне возможностей дальнейшего продолжения образования, изменения его направленности.

Первый уровень – неполное высшее образование, требующее около 2 лет обучения в вузе и 1–1,5 года профессиональной подготовки в специальных вузовских подразделениях (колледжах) или техникумах. Вузовская часть включает в себя общенаучную и гуманитарную подготовку, требуемую для лиц с высшим образованием.

Второй уровень – базовое высшее образование по широким направлениям науки и техники. Он содержит общенаучную, гуманитарную, общепрофессиональную и специальную подготовку и требует не менее 4 лет обучения в вузе. Успешно завершившим обучение присуждается академическая степень (бакалавр) и выдается соответствующий диплом.

Третий уровень (полное высшее образование) основывается на базовом высшем образовании и требует дополнительно 1,5–3 лет обучения в вузе. Лица, получившие степень бакалавра, могут на третьем уровне выбрать по одной из специальностей либо исследовательский, либо прикладной, инженерный характер подготовки. В первом случае по окончании обучения присваивается очередная академическая степень (магистр), во втором – квалификация инженера.

Очевидно, что вводимая система имеет явные преимущества, поскольку позволяет обучающимся адаптироваться к условиям рыночной экономики. Новая система подразумевает расширение гуманитарной и фундаментальной подготовки.

Инженерные академии могут сыграть заметную роль в формировании содержания блока профессиональной и специальной подготовки на всех уровнях инженерного образования (учебные планы, программы, тематика проектов, практика и т. п.). С этой целью полезно установить тесные контакты секций академий с соответствующими учебно-методическими объединениями и вузами. Предпосылки для этого есть: среди членов академий много вузовских работников. Возможна организация через академии чтения специальных курсов или циклов дисциплин, проведения практик, участия студентов в инженерных программах и проектах. Конечно, этими формами может быть охвачен ограниченный контингент студентов. Но именно они могли бы в будущем составить инженерную элиту.

Инженерные академии могли бы стать одним из независимых центров экспертизы планов и программ обучения, оценки качества подготовки специалистов, аккредитации вузов и отдельных специальностей.

Весьма активная роль академий возможна в вопросах трудоустройства выпускников вузов. В частности, они могли бы учредить биржу инженерного труда, оказывать вузам финансовую и материальную поддержку, установить для студентов персональные стипендии.

Конечно, взаимодействие высшей школы и инженерных академий не может ограничиваться только подготовкой кадров. Вузы – это крупные научные и инженерные центры, в которых рождается и прорабатывается много идей, создаются новая техника и технологии. Однако вузы давно испытывают трудности с внедрением своих разработок, так как не располагают достаточными производственными и проектными мощностями. Поэтому возникает проблема передачи «ноу-хау» и новых технологий из вузов в промышленность. Здесь инженерные академии могли бы сыграть значительную роль, организуя и выполняя коммерческие проекты и создавая специальные организационно-экономические структуры.

Было бы целесообразным подключение академий к деятельности новых инновационных структур высших учебных заведений, в частности технологических и научных парков. В Санкт-Петербурге созданы три подобные организации: «Технополис» в Лесном (Политехнический университет), Международный технопарк (Балтийский ГТУ) и Экопарк (Электротехнический университет). Эти парки оформлены в организационно-правовом отношении. Однако реальная деятельность парков развивается очень медленно – они испытывают острый дефицит финансовых и материально-технических ресурсов. Требуется вдохнуть в них больше жизни. И здесь Инженерная академия могла бы внести свой конструктивный вклад.

Академии располагают достаточно высоким потенциалом и имеют все возможности выступать как коллективный и высококомпетентный советник при подготовке и реализации крупных социально-экономических, научно-технических решений, как выразитель интересов научно-технической интеллигенции.

Необходимо существенно развить тему сотрудничества инженерных академий и высшей школы. Сейчас нужны конкретные дела. Начать можно и с малого, но сотрудничество должно вылиться в большое дело.

Перспективные направления развития научно-технического сотрудничества Инженерной академии и высшей школы Санкт-Петербурга определяются современными требованиями мировой промышленности и стратегией развития России.

Россия располагает четвертью энергоресурсов планеты (40 % мировых запасов газа, 13 % нефти, 30 % угля) и имеет единую нефтегазовую систему. Несмотря на кажущееся обилие энергоресурсов России, необходимо переходить на новые энергосберегающие технологии. Энергосбережение – это возможность сохранения минерально-сырьевой базы и природной среды, эффективный и перспективный переход к новым экологически чистым технологиям. Сегодня энергоемкость российской продукции в 3-4 раза выше, чем в других развитых государствах, и продолжает расти.

Особенность ситуации, сложившейся в последние годы в России, унаследовавшей основную часть научно-производственного потенциала СССР, заключается в совпадении во времени политического кризиса и спада производства, усугубляющегося быстрым старением производственных фондов и отсутствием системы управления развитием производства. Ключевой задачей в этих условиях является развитие производства, предусматривающее изменение структуры производственной продукции и переход на новые технологии, обеспечивающие достаточный объем, высокое качество продукции и экономное расходование ресурсов. Имеется достаточное количество разработок, показывающих, что эта задача может быть решена. Необходимые для этого средства можно было получить за счет продажи сырья и части стратегических запасов, высвобождающихся в связи с сокращением военных заказов.

В настоящее время механизмы, работающие на ускорение распада научно-производственного потенциала страны, выявились достаточно четко. Поэтому задача формирования этого процесса становится не просто актуальной, но и жизненно важной. Здесь можно выделить следующее: проведение наиболее перспективных исследований и разработок; создание на основе достижений фундаментальных наук принципиально новых видов техники, технологий и материалов, обеспечивающих ускорение научно-технического прогресса на ключевых направлениях; прогнозирование развития и совершенствования научно-технического потенциала народного хозяйства; определение приоритетных направлений развития, разработку предложений по модернизации производственно-технической структуры, что является

важным звеном консолидации прикладных исследований и реализации научных достижений; подготовку и переподготовку инженерных кадров, что особенно важно в условиях становления рыночной экономики.

За последние годы мы сумели не только сохранить научный потенциал институтов, но и решить большое число крупных инженерных проблем в интересах промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы.

Проблема функционирования оборонного комплекса в новых условиях связана с координированием работы по созданию вооружения и военной техники, эффективному внедрению научно-технических достижений, выявлению приоритетных направлений в этой области, долгосрочному прогнозированию, поиску путей эффективного использования выделяемых средств.

Это тем более своевременно, что в новых условиях решение вопросов военно-технической политики требует гласности и общественного контроля для достижения разумного баланса между военной мощью страны и качеством жизни людей.

Другим важным направлением деятельности инженерной общественности должно стать восстановление производственно-хозяйственных связей на территории бывшего СССР. Россия получила в наследство производственные структуры, входившие ранее в состав объединений, действовавших на общесоюзном экономическом пространстве. Следствием разрыва хозяйственных связей стало сокращение объемов торговли России с другими странами бывшего СССР, что усилило проблему спада производства (по имеющимся оценкам, спад производства на 40 % обусловлен сокращением межреспубликанских хозяйственных связей).

Практика развития рыночных отношений в России и бывших союзных республиках показывает, что далеко не все производственно-хозяйственные связи в рамках СССР были экономически нецелесообразны. А в ряде отраслей восстановление таких связей просто необходимо. В настоящее время нужно также искать пути соединения звеньев производственных комплексов и новые организационно-функциональные структуры, действующие на основе рыночных механизмов.

Серьезной проблемой для всех производств в последнее время стало снижение их ресурсоемкости и особенно энергоемкости, определяющих конкурентоспособность продукции.

В период формирования Россией национально-государственных интересов, отвечающих новой государственной ориентации, важно сформулировать концепцию технологической безопасности как неотъемлемого компонента национальной безопасности. Эта концепция должна предусматривать систему мер, направленных на поддержание современного уровня развития отечественного научно-технического и производственного потенциала, гарантирующего живучесть национальной экономики за счет собственных интеллектуальных и технологических ресурсов.

Опыт показывает необходимость и целесообразность налаживания в первую очередь процесса формирования научно-технической политики непосредственно на уровне регионов. Это вызвано рядом причин.

Во-первых, в регионе наиболее явно проявляются социальные и экономические последствия процессов, происходящих в стране, и решений, принимаемых федеральными и местными органами власти.

Во-вторых, в регионе имеется более подробное представление о ресурсах и возможностях, которые могут быть использованы для решения той или иной задачи.

В-третьих, в регионе проще, чем на уровне федерации, организовать структуры, необходимые для сосредоточения усилий и координации действий людей и организаций.

В этой связи следует отметить исключительную значимость создания в России отраслевых академий, что особенно важно в условиях, когда резко сократилась область применения результатов фундаментальных исследований, выполняемых институтами и организациями Российской академии наук, что обусловлено теми же причинами экономического порядка.

Независимо от сложившейся ситуации наличие отраслевых академий является прогрессивным фактором для нормального функционирования любой технически развитой страны. Подобные организации существуют в США, Великобритании, Германии и других странах.

Наличие отраслевых академий позволило в достаточно короткий срок составить програм-

му развития городского хозяйства, состоящую из следующих разделов: природные и вторичные ресурсы, топливно-энергетический комплекс, машиностроительный комплекс, черная и цветная металлургия, химический комплекс, лесопромышленный комплекс, оборонный комплекс, вычислительная техника, системы управления и автоматизации, стандартизация, сертификация, метрология и качество продукции, строительный комплекс, транспорт, связь и телекоммуникации, городское хозяйство, агропромышленный комплекс, продовольственные товары, товары народного потребления, экология, чрезвычайные ситуации, здравоохранение, образование, воспитание и подготовка кадров, управление социальным и экономическим развитием, правовое регулирование, правоохранительные органы, финансово-кредитная система, социальное обеспечение, культура.

По многим программам ученые и инженеры Санкт-Петербурга являются головными в Российской Федерации (комплексное использование и воспроизводство древесного сырья, создание и использование новых материалов и др.).

Серьезные задачи решались при разработке программы по сохранению и развитию городского научно-технического комплекса на период до 2015 г. В ходе этой работы были проанализированы причины происходящего распада научно-технического потенциала и тенденции, ведущие к необратимым потерям важных для страны позиций в мировой экономике. Были выявлены наиболее перспективные направления научно-технической политики на ближайший период и проведена научно-техническая конференция «Промышленность Санкт-Петербурга: положение и перспективы». На конференции дана научно обоснованная оценка процессов в промышленности и отраслевой науке города и проанализированы возможные варианты их развития. Рассмотрены вопросы, связанные с несостоятельностью ряда промышленных предприятий и учреждений и их возможным банкротством. Разработана схема оказания помощи этим предприятиям за счет выпуска новой конкурентоспособной продукции и их финансирования.

Одновременно была организована проработка некоторых важных направлений научно-технической политики. Разработан прогноз развития городского топливно-энергетического комплекса. В результате были определены способы экономии расхода энергии и предложены мероприятия, позволяющие минимизировать затраты на реконструкцию и развитие топливно-энергетического комплекса, связанные с прогнозируемым изменением потребностей в энергии.

Крупный пакет разработок относится к решению важных городских проблем. Это прежде всего программа «Радон», посвященная обеспечению радоновой безопасности жителей Санкт-Петербурга. Разработана соответствующая аппаратура, составлен график конкретных работ. После выполнения программы в городе будет функционировать система радоновой службы, моделирующая лучшие западные эталоны. Упомянем также комплекс разработок, непосредственно связанных с работой городского хозяйства: системы деаэрации подпиточной воды для ТЭЦ, уникальные бессорбентные установки очистки воды от органических примесей, криогенный модуль для обработки илового осадка и т. д.

Необходимо отметить также работы по промышленному выпуску биокерамики, применяемой в качестве имплантанта в ортопедии, зубном протезировании, хирургии среднего уха и пр. Кроме того, проведены работы по созданию высокоэкономичного ряда газотурбинных двигателей с применением керамических конструкционных материалов. Созданы новые технологии, машины и установки для переработки (измельчения) металлов любой прочности, строительных материалов, древесины, кормов, пищевых продуктов; различные устройства для медицинских целей; аппараты для переработки отходов, очистки промышленных стоков и питьевой воды.

В настоящее время разрабатывается проблема утилизации автомобильных шин. Применяемый в качестве источника холода воздушный агрегат (турбодетандер) экологически чистый, построен на основе силовых холодильных циклов с использованием в качестве хладагента воздуха, т. е. без традиционных вредных хладагентов (фреонов, аммиака, азота).

Продолжается работа по получению минеральных фильтрующих сорбентов для очистки хозяйственной и питьевой воды, очистки промстоков от нефтепродуктов и масел, а так-

же над программой использования торфа для получения фильтрующих материалов, косметических препаратов, красителей тканей, кожи и т. д.

Необходимо также отметить работы по производству в России особо чистого инсулина и пенициллина.

Большой пакет предлагаемых разработок используется при формировании предложений города в федеральные программы. Основной целью данной работы является повышение эффективности использования муниципальных и федеральных средств и своевременное выявление направлений работ научно-технического комплекса, обеспечивающих наибольшую отдачу. Ближайшая задача в этой работе – поиск новых организационных форм, позволяющих использовать для тех же целей внебюджетные средства и инвестиционные структуры.

За короткий период удалось скоординировать усилия многих специалистов города для решения ряда актуальных проблем. Опыт совместной работы Инженерной академии и городской администрации позволяет формировать приоритетные направления использования научно-производственного потенциала и привлекать различные структуры для их финансирования.

Санкт-Петербург располагает огромным научным и производственным потенциалом. В городе имеются крупные институты, разработки которых известны во всем мире, заводы с уникальными технологическими возможностями, которые в недалеком прошлом по выпуску наукоемкой продукции занимали ведущее положение не только в отечественной промышленности, но и в мире.

В то же время в строительстве, транспорте, водоснабжении и в других жизненно важных сферах городского хозяйства в последние годы накопилось множество проблем, связанных с использованием устаревшего оборудования, полным износом различных коммуникаций городского хозяйства, выработкой ресурса транспортных систем города и т. д.

Привлечение к решению проблем городского хозяйства специалистов инженерных академий – давно назревшая проблема.

Необходимо разрабатывать технологии для города в следующих направлениях: городские строения и сооружения; городские системы теплоснабжения, газового хозяйства, водопровода и канализации; медицинские предприятия и учреждения; городской и железнодорожный транспорт; мебельная промышленность; производство и хранение пищевых продуктов; экологические системы города; механизмы, машины и оборудование, используемые в городском хозяйстве; сертификация сырья и материалов, выпускаемых на предприятиях города, использование титана – уникального и в ряде агрессивных сред вечного материала – в различных сферах городского хозяйства.

При отборе предложений необходимо исходить из того, что технологии прежде всего должны решать следующие городские проблемы: резко повысить надежность, долговечность и эффективность различных экологических систем города, а также долговечность городских систем теплоснабжения, водопровода и канализации; повышать надежность и ресурс городского транспорта (метрополитена, автобусов, троллейбусов, трамваев), надежность и долговечность машин и механизмов по ремонту городских дорог; обеспечивать надежный ремонт и реставрацию памятников архитектуры города и т. д.

Конечно, при выборе предложений нельзя забывать и о таком важном социальном факторе, как создание рабочих мест при организации новых производств для городского хозяйства. Существует ряд вполне реальных проектов по совершенствованию городского транспорта, экологических систем города и коммунального хозяйства, разработанных промышленными предприятиями города.

Для городских систем водотеплоснабжения и канализации разработана технология и организовано производство химически стойких стеклопластиковых труб для жилых домов и промышленных предприятий. Такие трубы увеличивают срок службы систем не менее чем в 5 раз по сравнению с применяемыми в настоящее время стальными трубами.

Спроектировано и создано оборудование с использованием электроуправляемых сорбционных фильтров для локальной очистки сточных вод от тяжелых металлов, фосфатов, нитритов, нефтепродуктов, микроорганизмов и т. д. Оборудование может быть использовано для очистки сточных вод предприятий пищевой индустрии, промышленных предприятий,

небольших поселков и коттеджей и пр. Предлагаются такие конкретные разработки для строительства, дорожного хозяйства, медицинских учреждений и т. д.

Продолжается строительство заводов по сжиганию осадков сточных вод. Обработка осадков сточных вод является сложной проблемой для большинства мегаполисов. Мировая практика показывает, что 25 % образующегося осадка используется в сельском хозяйстве в качестве удобрений, около 50 % размещается на полигонах, а еще 25 % сжигается.

Разработана автоматизированная система учета энергоресурсов и воды. Эти устройства, датчики и программные средства будут применены для выполнения широкомасштабных работ по экономии энергоресурсов и воды в Петербурге. Для этого разработана автоматизированная система контроля и учета электроэнергии для промышленных предприятий, бюджетных организаций, а также для жилищных объектов коммунального хозяйства. Так как отсутствует приборный учет тепловой энергии, финансовые затраты абонентов увеличиваются в 1,1–1,2 раза. Расчетные потери тепловой энергии при ее транспортировке значительно превышают величину фактических потерь, что приводит к увеличению затрат на 4-5 %. Кроме того, отсутствие приборного учета потребления тепловой энергии исключает возможность непрерывного поддержания оптимальных экономических режимов теплопотребления, не стимулирует принятия мер по экономии тепловой энергии и приводит к финансовым потерям до 25 %.

Завершен комплекс работ по освоению технологии производства изделий из ультрадисперсных порошков карбида кремния. Из таких материалов освоено производство плит толщиной от 4 до 30 мм для изделий Миноборонпрома и Минобороны. Разработана программа освоения карбида кремния в изделиях химической, нефтегазовой, дорожно-строительной промышленности, двигателестроения, атомной энергетики и др.

Заслуживают определенного внимания работы, выполненные членами совета Инженерной академии Санкт-Петербурга по сварке, а также сотрудниками центр-секции «Строительство» и секции «Медицинская техника и оборудование». Из наиболее значимых работ следует отметить: организацию на базе Института сварки России первого в нашей стране российско-германского учебного центра по подготовке и переподготовке инженеров, техников и рабочих-сварщиков по европейским нормам; разработку технологии и оборудования восстановительной двухдуговой направки деталей подвижного состава железнодорожного и трамвайного транспорта с поставкой комплекса сварочного и вспомогательного оборудования, а также технологии и оборудования плазменной переработки токсичных медицинских инфицированных отходов с помощью плазменного модуля; выполнение предпроектных разработок по изготовлению и наладке комплекса оборудования для ликвидации радиоактивных отходов, предназначенных для захоронения на территории города (области); создание предпосылок для сооружения Северо-Западной региональной высокоскоростной телекоммуникационной сети на базе современных технологий передачи данных.

Проведены исследования и испытания быстроходных транспортных гусеничных и колесных машин высокой проходимости для промышленности, лесного и сельского хозяйства, систем и узлов городского автобуса повышенной вместимости, машин для строительства и ремонта дорог.

Особо необходимо отметить работы по созданию Юго-Западной ТЭЦ. В рамках работы с Минэкономики России по ОАО «Красногородская экспериментальная бумажная фабрика» освоена технология производства бумаги с использованием в композиции макулатуры бумажной специальной из ветхих денежных купюр. Разработана технология бумаги для упаковки продукции на автоматах (спички, медицинские препараты), получен гигиенический сертификат.

Целый ряд задач успешно решается как путем использования в существующих технологических процессах продуктов биотехнологии – клеток и их метаболитов, так и путем организации на предприятиях собственных биотехнологических процессов.

Отличительной особенностью современной биотехнологии является все более широкое применение химической активности микроорганизмов в различных промышленных процессах.

Микробиологические процессы развиваются как альтернатива химическим для производства известных химических реагентов из новых видов сырья, получения новых продуктов и веществ с недоступными ранее свойствами, для конверсии в полезные народному хозяйству продукты нетрадиционных и ранее не востребованных видов сырья и отходов производств, для деградации и обеззараживания токсичных соединений, очистки воды и воздуха, мониторинга окружающей среды.

Микроорганизмы открывают путь к освоению новых технологий в производстве волокон и полимеров и могут стать источником пополнения сырья для производства биодеградируемых материалов с необычным и неизвестным ранее комплексом свойств.

Процессы микробиологического получения полимеров для последующей переработки в изделия развиваются по нескольким направлениям: микробиологический синтез полимеров с необычными и полезными свойствами – полисахаридов (целлюлозы, альгинатов, хитина, поллулана. Ксентана и др.), полиамидов, полиэфиров, структурных белков; использование микроорганизмов в качестве биокатализаторов при получении исходных мономеров (аминокислот, молочной, акриловой, дикарбоновых кислот, бензолцисгликоля, акрилонитрила, акриламида, капролактама и др.); биодеградация природных полимеров растительного происхождения, например лигнина, в продукты, которые затем способны перерабатываться в пластмассы или волокна; модификация микроорганизмами известных полимеров, например целлюлозы, для придания им совершенно новых свойств; применение микроорганизмов для отделения примесей и выделения волокон или волокнообразующих полимеров, например при биологической делигнификации древесины, мочки льна, карбонизации шерсти, обесклеивания шелка и др.

Пополнить рынок природных полимеров (клеи, каучуки, пластики, волокна, резины, пластмасса) позволяет техника рекомбинантных ДНК.

В настоящее время созданы генно-инженерные микроорганизмы, образующие целлюлозу, фибросин, технические культуры растений, образующих каучук.

Все больше данных свидетельствует в пользу преимуществ биологических методов очистки воды в сравнении с другими. Биологические методы очистки воды просты, а при грамотном использовании надежны и безопасны. Считается, что только после проведения биологической очистки потребителю может быть возвращена биологически полноценная вода.

Изложенное выше показывает, что внедрение изделий, продуктов биотехнологии и биотехнологических процессов позволит подойти на практике к реализации принципов создания экологически чистых производств.

В то же время биотехнология вызвала новые тенденции в развитии промышленности. Они обусловлены прежде всего наличием у волокон и изделий из них ряда специфических свойств, недоступных полимерным материалам других физических форм. Это определяет возможность изготовления на основе волокон качественных изделий промышленного биологического пользования: носителей иммобилизованных ферментов и клеток, подложек для культивирования культур клеток и тканей. Появилась потребность в новых видах одежды для предприятий биологического профиля, в развитии производства геотекстиля для восстановления земельных участков, зараженных химикатами, растворителями нефтепродуктов или аналогичными веществами.

В силу того что биотехнология – единственный путь создания наиболее эффективных, недоступных ранее лекарственных и диагностических средств и способна резко интенсифицировать производство экологически чистых продуктов питания, развитие нового направления в промышленности представляется чрезвычайно важным для успешного решения проблем нормального жизнеобеспечения общества.

Но вовлечение биотехнологии в сферу промышленности невозможно без подготовки высококвалифицированных специалистов, имеющих определенный запас знаний в области фундаментальных дисциплин (молекулярной биологии, биохимии, микробиологии, генной инженерии) и умеющих их использовать на практике. Вместе с тем современные предприятия в большинстве своем не подготовлены для успешного выполнения многих рассмотренных выше мероприятий, прежде всего по причине недостаточного внимания к санитарному состоянию производства.

Таким образом, необходимо разработать механизм эффективного привлечения научного и промышленного потенциала Санкт-Петербурга к решению наиболее актуальных проблем города и области.

Важнейшим элементом такого механизма является создание нового финансового органа, находящегося в самом центре научного и инженерного творчества и способного активно использовать финансовые рычаги для привлечения частных (в том числе зарубежных), а также государственных инвестиций для успешной, а самое главное – взаимовыгодной как для инвесторов, так и для науки и промышленности города реализации новейших инженерных разработок в городском хозяйстве. Разумеется, очень важно, чтобы этому процессу активно способствовала законотворческая деятельность Законодательного собрания.

Разумеется, не легко реализовать все рассмотренное на практике, но если последовательно идти по этому пути, то результаты неизбежно появятся.

Yu.S. Vasiliev, A.I. Fedotov

THE ENGINEERING ACADEMY AND THE GRADUATE SCHOOL. DIRECTIONS COOPERATION

VASILIEV Yuriy S. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: president@spbstu.ru

FEDOTOV Aleksey I. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: ps@spbstu.ru

Examined history of creation and the main activities in Russian Engineering Academy. A special attention was paid the St. Petersburg Academy of Engineering. Analyzed the interaction of Academies of Engineering and higher educational institutions. Displaying effectiveness of cooperation academies and educational institutions of higher school in developing promising directions of science and technics. Are suggested the most pressing directions of joint activity of academies and universities.

THE ENGINEERING ACADEMY; GRADUATE SCHOOL; SCIENTIFIC ACTIVITY; EDUCATION; ST. PETERSBURG ENGINEERING ACADEMY; NEW TECHNOLOGIES.

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences

№ 3 (203) 2014

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 29.09.2014. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 23,0. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций **(**свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу **http://journals.spbstu.ru**.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:
(812) 294-47-72 с 10^{00} до 14^{00} – Алексей Анатольевич
или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru